

№ 8 (48)
2018

ВЕСТНИК

УНИВЕРСИТЕТА

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Право есть
искусство добра
и справедливости

*Jus est ars
boni et aequi*

В номере

Выпуск

ИСТОРИЯ ОСНОВНОГО ЗАКОНА: РЕТРОСПЕКТИВА

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

- 20** *Исаев И. А.*
Основная норма
(«сжижали революционного закона»)

ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

- 34** *Чупова М. Д.*
К постановке вопроса о формировании
конституционных идей в России XVI—XVII вв.
- 105** *Ларина О. Г., Петрищева Н. С.*
«Женщину в Советы!» Историко-правовой опыт
участия женского населения в избирательных
кампаниях Курской губернии в начале 1920-х гг.
- 127** *Момотов В. В.*
Фундаментальные правовые дисциплины и их
роль в профессиональной подготовке судей:
историческая ретроспектива
- 139** *Морозов А. А.*
Брестский мир: финансово-экономические
последствия для России

ИЗ ПЕРИОДИКИ ПРОШЛОГО

- 182** *Тарановский Ф. В.*
Историческое происхождение юридической
школы немецких государствоведов

№ 8 (48)
2018

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Выпуск

**ИСТОРИЯ ОСНОВНОГО ЗАКОНА:
РЕТРОСПЕКТИВА**

Издается с 2014 года
Выходит один раз в месяц

Председатель редакционного совета:

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства, кандидат юридических наук, доцент.

Заместитель председателя редакционного совета:

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой финансового права, доктор юридических наук, профессор.

Главный редактор:

ШПАКОВСКИЙ Юрий Григорьевич — профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

Члены редакционного совета:

АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович — заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор.

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич — декан юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор.

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор.

ГОНЧАРОВ Игорь Владимирович — заведующий кафедрой государственного строительства и права Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

ЕРШОВА Инна Владимировна — заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович — заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ИЩЕНКО Евгений Петрович — заведующий кафедрой криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ИЩЕНКО Нина Сергеевна — заведующий кафедрой правоведения Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», Республика Беларусь, кандидат юридических наук, профессор.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

© Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2018

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

КИСЕЛЕВ Сергей Георгиевич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Государственного университета управления, доктор философских наук, профессор.

КИРЕЕВА Елена Юрьевна — декан факультета управления персоналом и государственной службы, заведующий кафедрой правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, доцент.

КОМАРОВА Валентина Викторовна — заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

МИРОШНИЧЕНКО Владимир Михайлович — ректор Академии безопасности и специальных программ, доктор экономических наук, профессор.

НИКИТИН Сергей Васильевич — проректор по учебной работе Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

НОВОСЕЛОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — директор Института судебных экспертиз, заведующий кафедрой судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

РЫЛЬСКАЯ Марина Александровна — директор Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — профессор кафедры международного права, начальник Управления организации научной деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент.

ЦОПАНОВА Индира Георгиевна — декан юридического факультета Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент.

УСТЮКОВА Валентина Владимировна — заведующий сектором сельскохозяйственного и земельного права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор.

Ответственный секретарь:

САЛИЯ Марианна Романовна — эксперт отдела научно-издательской политики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Ответственный редактор выпуска:

ЧУПОВА Мария Дмитриевна — заместитель заведующего кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент.

Дата выхода в свет: 31.08.2018.

Усл. печ. л. 21,42. Тираж 150 экз.

Издатель — Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
125993, Москва, Садовая-Кудринская ул., 9.

Адрес редакции:

125993, Москва, Садовая-Кудринская ул., 9.

Тел.: (499) 244-88-88 (доб. 556).

E-mail: vestnik@msal.ru

**№ 8 (48)
2018**

COURIER

OF THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)

Edition
**HISTORY OF FUNDAMENTAL
LAW: A RETROSPECTIVE**

**Published from the year of 2014
Monthly journal**

Chairman of the Editorial Board:

BLAZHEEV Viktor Vladimirovich — Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Proceedings, PhD in Law, Associate Professor.

Deputy of the Chairman of the Editorial Board:

GRACHEVA Elena Yurievna — First Vice-Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of the Department of Financial Law Department, Doctor of Law, Professor.

Editor-in-Chief:

SHPAKOVSKIY Yuriy Grigorievich — Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

Editorial Board members:

AFANASIEV Sergey Fedorovich — Head of the Department of Arbitrazh Procedure of the Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor.

BEZVERKHOV Arthur Genadievich — Dean of the Law Faculty of the Samara National Research University named after Academician Sergey P. Korolev, Doctor of Law, Professor.

BUKALEROVA Ludmila Aleksandrovna — Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the RUDN University, Doctor of Law, Professor.

GONCHAROV Igor Vladimirovich — Head of the Department of Nation Construction and Law of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.

ERSHOVA Inna Vladimirovna — Head of the Department of Business and Corporate Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

EFIMOVA Lyudmila Georgievna — Head of the Department of Banking Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ZHAVORONKOVA Natalya Grigorievna — Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ZUBAREV Sergey Mikhailovich — Head of the Department of Administrative Law and Process of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ISHCHENKO Evgeniy Petrovich — Head of the Department of Forensic Science of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ISHCHENKO Nina Sergeevna — Head of the Department of Jurisprudence of the Gomel Branch of the International University «MITSO», Republic of Belarus, PhD in Law, Professor.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index

© Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2018

Founder:

The Federal State Budgetary Educational
Establishment of the Higher Training
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”

KISELEV Sergey Georgievich — Head of the Department of the Theory and History of the State and Law of the State University of Management, Doctor of Philosophy, Professor.

KIREEVA Elena Yurievna — Dean of the Faculty of Personnel Management and Public Administration, Head of the Department of Legal Support of Public Administration and Municipal Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Law, Associate Professor.

KOMAROVA Valentina Viktorovna — Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

MIROSHNICHENKO Vladimir Mikhailovich — Rector of the Academy of Security and Special Programs, Doctor of Economy, Professor.

NIKITIN Sergey Vasilievich — Vice-Rector for Education of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor.

NOVOSELOVA Lyudmila Aleksandrovna — Head of the Department of Intellectual Property Rights of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

ROSSINSKAYA Elena Rafailovna — Director of the Forensic Examination Institute, Head of the Department of Forensic Examination of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.

RYLSKAYA Marina Aleksandrovna — Director of the Institute of Problems of an Efficient State and Civil Society

of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor.

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich — Vice-Rector for Science of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of the Theory of State and Law, Doctor of Law, Professor.

SOKOLOVA Natalya Aleksandrovna — Acting Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Associate Professor.

TSOPANOVA Indira Georgievna — Dean of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, PhD in Law, Associate Professor.

USTYUKOVA Valentina Vladimirovna — Head of the Sector of Agricultural and Land Law of the Institute of the State and Law of the RAS, Doctor of Law, Professor.

Executive Secretary Editor:

SALIYA Marianna Romanovna — Expert of the Department of Scientific and Publishing Policy of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Executive Secretary of the Issue:

CHUPOVA Maria Dmitrievna — Deputy Head of the Department of the History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Law, Associate Professor.

Passed for printing 31.08.2018.
Publication base sheet 21,42.
Circulation 150 cop.
Publisher: Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Bld.9, Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, 125993.

The address of the Editorial Office:

Bld.9, Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, 125993.
Tel.: (499) 244-88-88 (# 556).
E-mail: vestnik@msal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю	6
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ХРОНИКА	8
ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА	
Кафедра истории государства и права	12
АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ	
Исаев И. А.	
Основная норма («скрижали революционного закона»)	20
ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ	
К истории российского конституционализма	
Чупова М. Д.	
К постановке вопроса о формировании конституционных идей в России в XVI—XVII вв.	34
Приходько М. А.	
Реконструкция окончательной редакции конституционного проекта А. Р. Воронцова 1801 г.	51
Шульженко Ю. Л.	
Предтеча Конституции РСФСР 1918 г.	67
Актуальные проблемы истории советского конституционализма (1918—1977 гг.)	
Жолобова Г. А.	
Развитие института прав и свобод человека и гражданина в Конституции РСФСР 1918 г.: к столетию со дня принятия	74
Зайцева Л. А.	
Конституционный статус Советского правительства (1918—1977 гг.)	92
Ларина О. Г., Петрищева Н. С.	
«Женщину в Советы!»: историко-правовой опыт участия женского населения в избирательных кампаниях Курской губернии в начале 1920-х гг.	105
Данилевская И. Л.	
О статусе судебных органов (по проекту Конституции СССР 1964 г.)	111
Чупилкина А. Ф.	
От 1918 до 2018: конституционный мост длиною в век, или Давайте жить по Плутарху	117

Образовательная среда

Момотов В. В.

- Фундаментальные правовые дисциплины и их роль
в профессиональной подготовке судей:
историческая ретроспектива 127

Трибуна молодого ученого

Горобенко А. Т.

- Опыт народовластия в Новгороде и Швеции в XII—XIII вв. 134

Морозов А. А.

- Брестский мир: финансово-экономические
последствия для России 139

КНИЖНАЯ ПОЛКА КАФЕДРЫ 143

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Памятники права

- Псковская судная грамота 146

Юридическое наследие

Капустин М. Н.

- История права 161

Из периодики прошлого

Тарановский Ф. В.

- Историческое происхождение юридической
школы немецких государствоведов 182

ПОСТСКРИПТУМ

Дискуссионные заметки ученых мужей

Сергеевич В. И.

- История кодификации. Сочинение Пахмана 189

Россия. 100 лет назад: месяц в истории 200

Слово к читателю

История — наука о том, что будет. Прошлое формирует настоящее и готовит будущее. Наука истории государства и права не только исследует корни и истоки правовой реальности, она учит использовать опыт. И особое значение имеет опыт конституционного строительства, т.е. правовых основ общества и государства.

Конституция — не просто набор правовых норм, не просто правовой текст. Это сердцевина того общества, которое ее приняло. Государственные институты и общественные структуры в исторической ретроспективе являют собой постоянно изменяющийся поток, массив юридических фактов и ценностей. И конституция зеркально отражает эти изменения. Содержание и формы конституционных документов неизбежно выражают важнейшие черты и особенности каждого исторического этапа.

Российский конституционный опыт достаточно богат. Первые попытки, некая конституционная интуиция, имели место еще в XIX в. Разного рода манифесты и хартии были предшественниками конституций. Окончательный вид этот акт приобрел, однако, только в революционной ситуации начала XX в.

Свой определенно-юридический характер конституция приобретает при создании нового типа государства — Советского государства. Конституция РСФСР 1918 г. вобрала в себя не только ценности и идеалы революци-

онной эпохи, но и многие правовые традиции России с ее особенностями культурного, экономического и государственного развития. При этом специфика российского конституционного строительства определенно учитывала и воспринимала некие общие, характерные для любого конституционного документа черты.

В предлагаемом читателю выпуске журнала авторы исследуют самые разные аспекты процессов конституционного строительства, имевших место как в древности, так и в современном мире, как в нашей стране, так и в самых разных регионах мира. Сделана попытка выявить некие общие черты, характерные для такого важного правового документа, каким является Основной Закон, существовавший и действовавший в контексте многоликой и многоцветной человеческой истории.

История государства и права позволяет наиболее адекватно изучить эту важнейшую сферу правовой реальности.

Игорь Андреевич Исаев,
*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

6 АВГУСТА

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) заключил соглашение о сотрудничестве с Федеральным медицинским биофизическим центром имени А. И. Бурназяна

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) заключил соглашение о сотрудничестве с Государственным научным центром Российской Федерации — Федеральным медицинским биофизическим центром имени А. И. Бурназяна.

Соглашение заключено в целях координации совместной научно-образовательной деятельности и наиболее эффективного использования научного, инновационного и образовательного потенциала Университета и Центра, а также укрепления научных контактов и связей.

Основными направлениями и формами сотрудничества в области научно-исследовательской и научно-организационной деятельности являются проведение

совместных научных исследований, выполнение крупных научных проектов, в том числе с созданием совместных временных творческих коллективов; совместное консультирование аспирантов и докторантов; работа над совместными инновационными проектами; проведение совместных научных конференций, в том числе конференций и школ для молодых ученых, студентов и аспирантов, выставок результатов инновационной деятельности и иных мероприятий, связанных с продвижением и популяризацией науки и инновационной деятельности.

Основными направлениями и формами сотрудничества в области образовательной деятельности станут участие в разработке профилей подготовки образовательных программ; обмен учебно-методическими материалами; совместное использование научного оборудования и иных уникальных ресурсов для выполнения курсовых и дипломных проектов, в том числе посредством дистанционного доступа; сотрудничество в реализации образовательных программ (чтение учебных курсов, проведение практических занятий, курсов повышения квалификации молодых сотрудников); предоставление практической базы обучающимся в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации.

Ранее, 4 июня 2018 г., состоялся визит делегации Университета имени О.Е. Кутафина под руководством проректора по научной работе **Владимира Синюкова** в Государственный научный центр Российской Федерации — Федеральный меди-

¹ URL: <https://msal.ru/news/>

цинский биофизический центр имени А. И. Бурназяна. В ходе встречи обсуждались вопросы медицинского права, подготовки спортивных врачей, проведение научного семинара, посвященного в целом правовым проблемам в медицине и правовым вопросам геномных исследований в частности.

8 АВГУСТА

Реализация образовательного курса по программе «Молодежь и выборы»

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) совместно с Московской городской избирательной комиссией продолжают реализацию образовательного курса по программе «Молодежь и выборы», приуроченного к выборам Мэра города Москвы.

В рамках выполнения данной программы перед работниками аппарата Арбитражного суда Московской области выступили директор Института повышения квалификации Университета имени О.Е. Кутафина **Татьяна Докучаева** и член Московской городской избирательной комиссии **Дмитрий Реут**.

Были рассмотрены некоторые вопросы правовых основ избирательного права России, в том числе Избирательный кодекс г. Москвы. Дмитрий Реут более подробно раскрыл новые положения этого закона, касающиеся образования избирательных участков для голосования избирателей за пределами территории города Москвы на выборах Мэра города Москвы 9 сентября 2018 г.

22 АВГУСТА

Летняя школа юристов — 2018

В экоотеле «Мишкина гора» (Калужская область) открылась Летняя школа юристов Университета имени О.Е. Кутафина.

Работа Школы осуществлялась по четырем направлениям: культурно-массовому, научно-образовательному, организационно-кураторскому, СМИ и PR.

В первый день с приветственным словом к участникам мероприятия обратилась проректор по учебной и методической работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Екатерина Тягай**.

В своей речи Екатерина Давидовна акцентировала внимание на разносторонних интересах слушателей, которых объединяет единая цель — развитие студенческого самоуправления.

На протяжении 3 дней под руководством опытных наставников участники Школы развивали навыки в области организации культурно-массовых и научных мероприятий, их информационного освещения, проектной работы и нетворкинга.

Знания и умения, приобретенные в Школе, помогут активистам Университета сделать студенческий досуг более интересным и насыщенным в грядущем учебном году.

28 АВГУСТА

Ежегодная конференция работников и обучающихся МГЮА

Состоялась ежегодная конференция работников и студентов. Делегатами конференции выступили представители всех структурных подразделений, а также активисты Координационного совета обучающихся.

Главным пунктом повестки был доклад ректора Университета **Виктора Блажеева** «Об итогах работы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в 2017—2018 учебном году и задачах Университета на 2018—2019 учебный год». В рамках доклада Виктор Владимирович уделил значительное внимание мониторингу успеваемости студентов, итогам летней аттестации, а также педагогической нагрузке. Особого внимания удостоились результаты приемной кампании этого года, в частности повышение

конкурса и, как следствие, проходных баллов на все формы и направления подготовки. Во второй части выступления Виктор Владимирович обозначил основные задачи научно-образовательной деятельности, которые стоят перед коллективом Университета в грядущем учебном году.

В продолжение программы конференции проректор по учебной и методической работе **Екатерина Тягай** посвятила свое выступление совершенствованию образовательного процесса. По мнению Екатерины Давидовны, главными задачами Университета на 2018—2019 учебный год являются создание и развитие системы онлайн-образования и тесная интеграция с работодателями на всех уровнях подготовки студентов.

О результатах научной деятельности собравшимся рассказал проректор по научной работе **Владимир Синюков**. Владимир Николаевич прокомментировал обновленную стратегию научной деятельности Университета, а также отметил ряд успехов в публикационной, издательской и научно-исследовательской работе в минувшем году.

Профессор **Николай Артемов** отчитался об итогах работы профессионального союза Университета и поздравил юбиляров этого года из числа членов профсоюза.

В завершение конференции делегаты произвели довыборы новых членов Ученого совета.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

КАФЕДРА ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Кафедра истории государства и права МГЮА генетически связана с кафедрой теории и истории государства и права, образованной при создании Центральных заочных курсов советского права еще в 1931—1932 гг., и является одним из старейших подразделений вуза.

Кафедра истории государства и права обособилась в качестве самостоятельного научного подразделения ВЮЗИ в начале 1940-х гг.

Значение историко-правового блока учебных дисциплин, преподаваемых на кафедре, трудно переоценить. Любое классическое юридическое образование всегда начинается с изучения этих предметов. В дореволюционном юридическом образовании обычно присутствовали такие программы, как история русского права, римское право (в трех самостоятельных курсах — история римского права, догма римского права и византийское законодательство), история древних и новых иностранных законодательств. Преподавание этих трех учебных дисциплин и объединилось на кафедре истории государства и права.

С самого основания кафедры в ее учебно-научной работе активно участвовал видный советский ученый, специалист по истории государства и права Древнего мира и Средних веков Петр Николаевич Галанза. Важнейшей задачей кафедры стало издание учебно-методических пособий и материалов. Специфика заочного образования не допускала проведение частых аудиторных занятий, как при очной форме обучения, но предусматривала активную самостоятельную работу студентов на основе рекомендаций кафедры.

Кафедра истории государства и права всегда участвовала в издании «Ученых записок» ВЮЗИ.

В первом номере этого сборника, выпущенном в 1940 г., опубликованы работы П. Н. Галанзы по римскому государству и праву и образованию феодального государства и права Западной Европы. Эти работы легли в основу учебного пособия П. Н. Галанзы по всеобщей истории государства и права.

В разное время кафедру истории государства и права возглавляли Георгий Степанович Калинин и Георгий Васильевич Швеков. До 1990 г. ею руководил видный ученый, специалист в области истории права и политических учений, доктор юридических наук, профессор Зиновий Михайлович Черниловский.

В 1990 г. заведующим кафедрой был избран доктор юридических наук, профессор Игорь Андреевич Исаев. Под его руководством продолжился интенсивный организационный и профессиональный рост кафедры. Коллектив пополнился новыми специалистами, среди которых много известных и признанных ученых и преподавателей. Сегодня в составе кафедры 2 доктора наук и 12 кандидатов наук. Постоянное внимание уделяется собственному

профессиональному росту. Ежегодно преподаватели кафедры публикуют монографии и статьи, постоянно работают в архивах, ведут активную научно-исследовательскую работу.

Состав кафедры:

- 1) Исаев Игорь Андреевич — заведующий кафедрой, доктор юридических наук, профессор;
- 2) Поликарпова Елена Васильевна — доктор юридических наук, профессор;
- 3) Соколова Светлана Николаевна — заместитель заведующего кафедрой, кандидат исторических наук, доцент;
- 4) Чупова Мария Дмитриевна — заместитель заведующего кафедрой, кандидат юридических наук, доцент;
- 5) Байгарина Августа Евгеньевна — кандидат исторических наук, доцент;
- 6) Берзина Анжелика Александровна — кандидат исторических наук, доцент;
- 7) Галкин Иван Викторович — кандидат юридических наук, старший преподаватель;
- 8) Глотова Елена Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент;
- 9) Гоголева Татьяна Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент;
- 10) Данилова Наталья Викторовна — преподаватель;
- 11) Зайцева Людмила Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент;
- 12) Кувырченков Николай Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент;
- 13) Мележик Ирина Николаевна — кандидат юридических наук, доцент;
- 14) Пахольчик Елена Дмитриевна — кандидат юридических наук, доцент;
- 15) Приходько Михаил Анатольевич — кандидат юридических наук, доцент;
- 16) Салтыкова Светлана Александровна — кандидат юридических наук, доцент;
- 17) Титкова Светлана Семеновна — кандидат юридических наук, доцент;
- 18) Филиппова Татьяна Петровна — кандидат юридических наук, доцент.

Кафедра истории государства и права осуществляет подготовку специалистов, бакалавров и магистров по истории государства и права зарубежных стран, истории отечественного государства и права, римскому праву, истории, а также истории и методологии юридической науки. Основными направлениями деятельности кафедры являются: реализация всех видов аудиторной работы; разработка и обновление учебников, монографий, научных статей, пособий и учебно-методических материалов по дисциплинам кафедры.

Для того, чтобы понять особенности государства и права на современном этапе, необходимо знать, как возникали, развивались и рушились государственные и правовые системы разных эпох. История государства и права зарубежных стран исследует происхождение и развитие государственно-правовых процессов стран, оказавших наибольшее влияние на историю государственности и права своего времени. Периодизация курса соответствует четырем этапам в истории государства и права: Древний мир, Средние века, Новое и Новейшее время. Предметом истории отечественного государства и права являются историко-правовые процессы и государственность нашей страны X—XX вв. Римское право изучается в МГЮА как в рамках истории государства и права зарубежных стран (публичное право, периодизация римского частного права, гражданское право — Законы XII таблиц), так и в качестве самостоятельной учебной дисциплины. Курс истории и методологии юридической науки является фундаментальной дисциплиной для первого курса магистратуры МГЮА.

Обучение студентов проводится в основном по учебникам и учебным пособиям, авторами которых являются члены кафедры. Эти книги вводят студента в круг историко-правовых фактов, знакомят с юридической терминологией и традицией, основными правовыми институтами, кодификациями и актами, а также структурами власти и политической деятельности. В их числе — учебники и учебные пособия по истории отечественного государства и права заведующего кафедрой истории государства и права, доктора юридических наук, профессора И. А. Исаева. Используются в учебном процессе научное наследие, учебник и учебные пособия ветерана МГЮА, доктора юридических наук, профессора, лауреата Государственной премии РФ Ю. П. Титова (1929—2014). Рекордное число переизданий выдержал учебник по истории государства и права зарубежных стран под редакцией доктора юридических наук, профессора К. И. Батыра. Учебник по всеобщей истории государства и права З. М. Черниловского (1914—1995) переведен на немецкий язык и выпущен в Германии.

Эти учебные дисциплины изучаются на первом курсе Университета и образуют вместе с другими фундаментальными дисциплинами основу отраслевых юридических наук. История государства и права является базовой дисциплиной, поэтому качество знаний студентов по истории государства и права будет отражаться на их дальнейшем обучении в МГЮА. На лекциях и практических занятиях по истории государства и права студенты впервые знакомятся с понятийным аппаратом юриспруденции, учатся работать с источниками права, историко-правовым документальным материалом.

Преподаватели кафедры участвуют в работе межвузовских центров образования по историко-правовому профилю, принимают участие в научно-методической работе: рецензировании рукописей для рекомендации их в качестве

учебного пособия, экспертизе обоснованности представления к научным званиям (по запросам Высшей аттестационной комиссии Министерства образования РФ). На открытых заседаниях кафедры регулярно обсуждаются актуальные проблемы истории государства и права.

В последнее время значительно возрос интерес к науке истории государства и права. На заседаниях кафедры обсуждаются и рекомендуются к защите диссертации на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук. Кафедра осуществляет подготовку аспирантов и соискателей в области истории государства и права. Ежегодно под руководством профессоров кафедры защищаются диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. При кафедре регулярно проходят стажировки преподавателей вузов РФ. Одним из важных компонентов учебной деятельности кафедры является функционирование научного студенческого историко-правового кружка.

В 2017 г. состав членов кружка постепенно формировался и к концу учебного года достиг более 30 человек. Основной формой деятельности кружка были плановые и внеплановые заседания кружка, проходившие по классической схеме: постановка проблемы; диспут; цитаты из учебников, лекций, научных статей и монографий; диспут; подведение итогов.

В работе кружка принимали участие и удаленные (интерактивные) участники из различных городов России. Наряду с этим, члены кружка приняли участие в 19 внеплановых мероприятиях (внеплановые заседания кружка, конференции и экскурсии).

Плановые заседания кружка

25 ноября 2017 г. Заседание на тему: «Датировка Русской Правды (историко-правовой аспект)».

24 марта 2018 г. Заседание на тему: «Структура Свода законов Юстиниана (историко-правовой аспект)».

21 апреля 2018 г. Заседание на тему: «Квазиконтракты в Римском праве (историко-теоретический аспект)».

Внеплановые заседания кружка

28 октября 2017 г. Заседание на тему: «Октябрьская революция 1917 г. и ее значение для российской и мировой истории (историко-правовой аспект)».

27 января 2018 г. Заседание на тему: «100-летие Учредительного собрания России (1918—2018) (историко-правовой аспект)».

19 мая 2018 г. Совместное заседание студенческих кружков кафедр истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ) при участии членов историко-правовых кружков Московского государственного института международных

отношений (Университета) МИД России и Российского университета дружбы народов (РУДН) на тему: «“Белое” и “красное” законодательство в годы Гражданской войны (к столетию начала Гражданской войны (1918—2018))».

26 мая 2018 г. Заседание на тему: «Столетие первой российской Конституции (1918—2018): историко-правовой аспект».

Внеплановые мероприятия

23 сентября 2017 г. Экскурсии в Государственный центральный музей современной истории России на выставку «1917. Код революции» и Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина на выставку «Цай Гоцян. Октябрь».

5 октября 2017 г. Экскурсия в Музей истории ГУЛАГа.

5 октября 2017 г. Экскурсия в Выставочный зал федеральных архивов на выставку «Ленин».

10 ноября 2017 г. Члены кружка (2 чел.) приняли участие в IV студенческом юридическом форуме, проводившемся в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

9 декабря 2017 г. Экскурсия в Государственный исторический музей (ГИМ) на выставку «Энергия мечты», которая была посвящена 100-летию Октябрьской революции в России.

10 февраля 2018 г. Экскурсия на Новодевичье кладбище. Возложение цветов к могилам О. Е. Кутафина и К. А. Мокичева.

15 марта 2018 г. Члены кружка (2 чел.) приняли участие в IV Международной студенческой научной конференции «Современное частное право России и Европы: проблемы и перспективы», проводившейся в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

17 марта 2018 г. Экскурсия в выставочный зал «Новый Манеж» на выставку «100 раритетов российской государственности».

6 апреля 2018 г. Члены кружка (2 чел.) приняли участие в XVII Международной научно-практической конференции молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права», проводившейся в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

11 апреля 2018 г. Члены кружка (5 чел.) приняли участие в I Всероссийской студенческой конференции «Публичное право и управление: перспективы развития», проводившейся в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

14 апреля 2018 г. Экскурсия в исторический павильон № 57 ВДНХ — мультимедийный исторический парк «Россия — моя история».

24 апреля 2018 г. Члены кружка (10 чел.) приняли участие в III студенческой научно-практической конференции «Право и закон: исторический опыт», проводившейся в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

5 мая 2018 г. Экскурсия в Государственный исторический музей на выставку «Александр II Освободитель» (к 200-летию со дня рождения).

12 мая 2018 г. Экскурсия в Центральный дом художника на Крымском Валу на выставку «Василий Верещагин» (количество

участников — 13 чел.). 24 июня 2018 г. Экскурсия в Московский Кремль на выставку «Династия Мин: сияние учености» (количество участников — 10 чел.).

Под эгидой кафедры ежегодно проводится студенческая научно-практическая конференция «Право и закон: исторический опыт». Активное участие в конференции принимает научный отдел студенческого совета Института прокуратуры. На обсуждение выносятся важнейшие вопросы и переломные события истории государства и права России и зарубежных стран, разнообразие связанных с ними подходов и оценок, в том числе дальнейшего государственно-правового развития выбранных для анализа стран, законодательной, исполнительной и судебной власти в России и за рубежом, правотворческой, правоприменительной, правоохранительной деятельности, исторические и современные модели разделения властей, развитие законодательства, юридической практики и др.

Конференция проводится в целях вовлечения студентов 1-го курса в научно-исследовательскую деятельность, формирования у них умений выявлять, формулировать и изучать проблемы, составляющие теоретическое основание отраслевых дисциплин, выступать перед незнакомой аудиторией, обосновывать свою точку зрения, участвовать в дискуссии, в целях развития навыков самостоятельной творческой научной работы, подготовки студентов 1—4-го курсов к участию в межвузовских и всероссийских студенческих научных конференциях, их патриотического воспитания.

24 апреля 2018 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась III студенческая научно-практическая конференция: «Право и закон: исторический опыт», ставшая уже традиционной. Зал номер 1 Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) объединил около 300 поклонников историко-правовой науки. На пленарном заседании с приветственной речью выступили: В. Н. Синюков, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе, И. А. Исаев, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права, О. С. Гринь, кандидат юридических наук, доцент, директор Центра мониторинга законодательства и правоприменения, С. В. Перов, кандидат юридических наук, директор Института про-

кураторы, А. А. Берзина, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права, председатель организационного комитета конференции.

Затем работа продолжилась по секциям. Одной из задач участников было изучить научную литературу и документы по выбранной проблеме, проанализировать различные точки зрения, обосновать свою собственную, опираясь на материалы проведенного исследования. Победителями по секциям отечественной и зарубежной истории стали те выступающие, кто был наиболее убедителен и сумел отличиться и содержательной частью доклада, и ораторским мастерством.

Преподаватели кафедры проводят и другие внеучебные, воспитательные мероприятия со студентами, направленные на развитие их кругозора и формирование нравственной позиции (посещение выставки «100 раритетов российской государственности», проходившей в Манеже с 1 по 20 марта 2018 г., посещение Российской государственной библиотеки и запись в нее).

С 2009 г. стало доброй традицией участие кафедры истории государства и права в «Кутафинских чтениях» — ежегодно в апреле и ноябре проводятся круглые столы и секции по актуальным проблемам истории государства и права. По материалам конференций издаются сборники тезисов, в которых могут публиковаться участники «Кутафинских чтений». Под эгидой кафедры издается журнал «История государства и права».

Кафедра истории государства и права имеет прямое отношение к изысканию архивных документов по основанию и истории ВЮЗИ (ГАРФ, фонд Наркомата юстиции СССР). Буквально по крупицам, на основе архивных документов и фото- и печатных материалов была воссоздана история нашего вуза.

В 2013 г. в Российском историческом обществе (РИО) была создана Комиссия по истории государства и права, которую возглавил Игорь Андреевич Исаев. На первом заседании комиссии выступил директор Института всеобщей истории РАН, сопредседатель РИО А. О. Чубарьян. Он сделал подробный доклад о концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. По итогам доклада развернулась дискуссия, в рамках которой обсуждались важность концептуального подхода к оценке основополагающих этапов государственно-правовой истории России, необходимость уточнения ряда традиционных положений исторической науки в соответствии с новыми научными данными. При подведении итогов дискуссии профессор И. А. Исаев отметил актуальность вопросов преподавания историко-правовых наук, восстановления их фундаментальной роли и значения исторического сознания для личности юриста.

С того памятного события продолжается плодотворное научное сотрудничество кафедры и Комиссии по истории государства и права РИО, проводятся совместные научные мероприятия. Тематика охватывает наиболее дискуссионные вопросы истории государства и права: в 2013 г. — проблемы истории конституционализма в России и за рубежом, в 2014 г. —

150-летие судебной реформы в России, в 2015 г. — 70-летие Великой Победы. Последнее событие предопределило развитие нового научного направления в истории государства и права — мобилизационное законодательство (термин ввел в научный оборот И. А. Исаев). Продолжена работа по истории юридического образования в годы Великой Отечественной войны. Вскоре после завершения работы Московского юридического форума творческий коллектив кафедры под руководством заведующего приступил к реализации крупного научного проекта (гранта) по заданию Государственной Думы. Работа была выполнена в соответствии с государственным заданием и сдана в сентябре 2015 г. — проведен анализ законодательства и определены особенности правоприменения в условиях войны (государственное, гражданское, уголовное, земельное и трудовое законодательство). Мобилизационное законодательство позволило сохранить целостность и эффективность правовой системы, нарастить мощь и обеспечить единство — завоевать Великую Победу. Несомненно, события празднования Великой Победы, охватившие всю страну, имели огромное значение для юридического образования и формирования нравственности будущих юристов.

В этом же 2015 г. состоялись мероприятия, приуроченные к 150-летию принятия в России Положения о нотариальной части (совместно с секцией истории государства и права РИО и Белгородским госуниверситетом).

Следующее событие научной жизни кафедры связано с проблематикой обеспечения прав и свобод человека в современном мире (к 50-летию принятия Международных пактов о правах человека — 2016 г.). По итогам работы круглого стола (тема — «Личность и правовой субъект: правовые аспекты») было выполнено поручение Администрации Президента РФ — составлена пояснительная записка о формировании правоспособности в римском классическом праве (I—III вв. н. э.). В ней были раскрыты значение статусов *persona* и их влияние на объем предоставленных лицу публичных и частных прав. В 2017 г. научные изыскания кафедры были связаны с правовым регулированием многоукладной экономики: опыт нэпа.

В 2018 г. научный коллектив кафедры вновь обратился к проблематике истории российского конституционализма (100-летие Конституции РСФСР 1918 г.). Вниманию уважаемых читателей и предложены материалы настоящего выпуска.

Адрес электронной почты: kafedra-igp@mail.ru

**Игорь Андреевич
ИСАЕВ,**

доктор юридических наук,
профессор, заведующий
кафедрой истории
государства и права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
kafedra-igp@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ОСНОВНАЯ НОРМА («СКРИЖАЛИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ЗАКОНА»)

Аннотация. В статье дается анализ одного из важнейших явлений правовой реальности — конституционного акта, который можно рассматривать как некую «матрицу» для всех остальных юридических актов и установлений. Конституция играет роль базовой нормы для правовой системы. Ее формы (текст) многообразны, сущность остается неизменной: она выражает реальное и фундаментальное строение общества и государственности, породивших ее. Наиболее ясно эта суть выражена в конституциях, закрепляющих итоги революционного преобразования. В этих случаях конституция становится не только актом, закрепляющим происшедшее, но и инструментом для дальнейшего развития и преобразования общества. Автор в своей статье стремился выделить некоторые общие черты, свойственные всем конституционным актам и декларациям, известным европейской политической культуре.

Ключевые слова: конституция, декларация, революция, закон, право, легальность, легитимность, демократия, диктатура, кодификация, норма, общественный договор, власть, законность.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.48.8.020-033

I. A. ISAYEV,

Doctor of Law, Professor, Head of the History of State and Law chair
at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
kafedra-igp@mail.ru

125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Str., 9

THE FUNDAMENTAL NORM («THE TABLES OF REVOLUTIONARY LAW»)

Review. The article analyzes one of the most important phenomena of legal reality — a constitutional act that can be considered as a “metric” for all other legal acts and regulations. The Constitution plays the role of the basic norm for the legal system. Its forms (text) are diverse, the essence remains inconspicuous: it expresses the real and fundamental structure of society and statehood that gave birth to it. This essence is most clearly expressed in the constitutions fixing the results of the revolutionary transformation. In these cases, the constitution becomes not only an act that consolidates what has happened, but also an instrument for the long-standing development and transformation of society. The author in his article sought to highlight some common features characteristic of all constitutional acts and declarations known to European political culture.

Keywords: constitution, declaration, revolution, law, legitimacy, democracy, dictatorship, codification, norm, social contract, authority, legality.

«В безнадежной республике всегда множество законов», — говорил Тацит, «беспокойная конституция» колеблется между прерогативой и привилегией; принцип же, который всякую легитимную власть выводит из народа, сам по себе представляется очевидным и справедливым, но всегда оказывается ложным, искажаясь под бременем истории и опыта (Давид Юм).

Изобретенная в Греции идея конституции возвращается в мир через римское право, но уже как идея чистой политики, отделенной от религиозности и догмата божественного права. Правда, еще Эдмунд Бёрк замечал, что Французская революция не очень похожа на обычные политические революции и что она отличается ходом и характером революции религиозной. Вместо такого первоисточника, как «общественный договор», Бёрк предлагал исходить в конституционном анализе и строительстве из формы «великого изначального договора», включающего в себя всю физическую и моральную природу, тем самым приобщая мир видный к миру невидимому. Это — высший закон, который не может быть подчинен воле тех, кто сам принужден подчиняться ему: «Государства хотел Бог»¹.

Скрытая мудрость содержится преимущественно в предрассудке, который обладает движущей силой, а не в пассивной теоретической рассудительности. (В историческом праве часто присутствует некая доля «поэзии», и при этом никто еще не доказал, что этот элемент бесполезен для преодоления актуального кризиса источников права: «общества, где кодификация развивается мало, где основное внимание уделяется чувству игры, импровизации, имеют просто “сумасшедший шарм”» (П. Бурдьё)². Здесь мечта сменяется мифом, и тогда современники начинают верить, что кодекс тождествен всему праву и включает его в себя целиком). Поэтический образ всегда сильнее рационального понятия.

Поиск первых оснований действительности конституций, на которой основываются законы, вполне может привести искателя к прежней конституции, затем к предыдущей и т.д., и так вплоть до некоей «исторически первой конституции, которая была когда-то введена неким единоличным узурпатором или некоей коллегией, созданной таким узурпатором». То, что исторически первый конституционный орган когда-то выразил в качестве своей воли и наделил действительностью в виде нормы, и есть та основная предпосылка, из которой исходит познание правового порядка, основанного на данной конституции: с учетом этого легальное принуждение должно осуществляться под теми же условиями и тем же способами, которые были определены и установлены первым создателем конституции³.

Придавать форму (О. Шпенглер говорил о нормальном состоянии государства как «находящемся в форме») означало облечь какое-либо действие или высказывание в такую форму, которая признана подходящей и законной и которая может быть использована только публично, полагал П. Бурдьё. Право приспосабливается к исторической ситуации, предполагая изменить ее в том направлении, которое для права желательно. Принцип власти прагматично основывается на необходимости существования такого «временного права», «непрерывное вос-

¹ См.: Мишель А. Идея государства. М., 2018. С. 142—143.

² Цит. по: Кабриак Р. Кодификации. М., 2017. С. 224.

³ См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливости и естественное право. СПб., 2015. С. 166.

создание которого нужно для того, чтобы позволить мирно развиваться основным нормам социальной справедливости. И юридическая ценность этого временного права» проистекает, в свою очередь, из презумпции справедливости при условии, что при установлении такого права были соблюдены нормальные социальные процедуры⁴. Для правоустанавливающей практики процедура даже важнее, чем содержание нормы.

Жан Антуан де Кондоре уверял, что слово «революция», обозначающее определенную форму социального преобразования, вообще не может быть применено к революциям, целью которых не является свобода. Робеспьер же называл установленный им политический режим «деспотизмом свободы»: понятие же свободы, заключенное в идее освобождения, может быть только отрицательным. Только там и можно говорить о революции, где изменения обретают черты некоего нового начала, а насилие используется в целях утверждения совершенно иной формы правления или создания нового государства. Нужно было «построить новый дом, в котором бы поселилась свобода», и люди, увлекаемые революцией в неопределенное будущее, возомнили себя архитекторами: «По замыслу людей революции уже не мысль, а только практика, только исполнение и действие могут и должны были называться новыми»⁵.

И над всеми правовыми катаклизмами теперь возвышается принцип: каждый раз к правотворчеству призывается тот, кто действительно способен право осуществлять: революция влекла за собой предусмотренную этой «базовой (основной) нормой» смену социальных сил, расположившихся на самой вершине власти. Благодаря этой норме новое революционное правительство выступало настоящим и легитимным правопреемником старого легитимного правительства. И только таким образом, а не иначе революционные изменения государственного строя могли продвигаться, не затрагивая самого института государства⁶. Открытое, публичное и частное — три различных агрегатных состояния: «Если открытое состояние исчезает, никакой человеческий закон или личность уже не смогут противостоять “демонам жизни”». Никакая конституция не может утвердиться, если она не произошла из войны или революции; если не уходит корнями в сферы, простирающиеся за публичным правом и частной выгодой»⁷.

«Народ всегда будет принимать своих господ, но никогда не избирать их» (Ж. де Местр). Происхождение государственности всегда оказывалось за пределами субъективной человеческой власти и люди, которые ее олицетворяли, были не более чем условностями. «Легитимность, которая в своих истоках может показаться двусмысленной, выражается в том, что глава государства всегда является также и представителем высшей силы, называемой Временем. Нигде и никогда легитимная конституция не была просто написана: «Только когда общество окажется уже созданным, непонятно каким образом, возможно продекларировать или растолковать в письменном виде некоторые частные статьи. (Однако почти всегда эти декларации являются только следствием или

⁴ См.: Ориу М. Основы публичного права. М., 1929. С. 757.

⁵ Арендт Х. О революции. М., 2011. С. 40, 71.

⁶ См.: Радбрух Г. Философия права. М., 2006. С. 108.

⁷ Розеншток-Хюсси О. Великие революции. М., 2002. С. 388.

причиной огромного зла; и всегда они обходятся народу дороже, чем стоят на самом деле»⁸.)

Когда-то Аристотель описывал полис как комплекс специфических свойств и добродетелей, который не мог быть нормирован согласно неким универсальным и необходимым законам, — для него были необходимы сразу многие формы конституций: конституция, по Аристотелю, на деле есть только иерархический порядок должностей, и «все должности распределяются в отношении силы того, кто участвует в конституции» (Политика, IV, 1290а). Конституция, понимаемая как наивысший результат политического искусства, совсем не собиралась поддерживать здоровье того, что и так достаточно здорово, она позволяет лечить, заботиться там, где здоровье потеряно: следовательно, она неизбежно предполагает наличие порока и конфликта⁹.

О. Шпенглер перечислял три доктринерских конституции (Франция 1791 г., немецкие — 1848 и 1919 гг.), которые не желают видеть какой-либо великой судьбы мира фактов, полагая, что тем самым ее ниспровергли. Вместо всего непредвиденного и случайного, сильных личностей и обстоятельств в них правит каузальность — вневременная и справедливая, неизменная рассудочная взаимосвязь причины и действия¹⁰. (Макиавелли же говорил о трех великих силах, действующих в истории: воображении, необходимости и случайности.)

В ходе революционной политической борьбы в теле истории вызревала напряженность между свободой и равенством, а также между «нормальными» и «революционными» формами политики, между различными принципами легитимации движений и режимов. Налицо были противоречия между всеобъемлющей революционностью и допустимым плюрализмом интересов, а также принятие легитимности плюралистического устройства жизни и общества, подчеркивание процедурных правил как опоры конституционных режимов: «Ни одна из современных конституционных и либеральных демократий так и не избавилась целиком... от этого якобинского компонента, особенно в его утопическом измерении»¹¹.

Но необходимость установления надежного государственного порядка заставляла властвующие массы превращать свою силу в право. Неизбежная обратная сторона всякого права — обязанность: право не может быть голым произволом, как бы велико и многообъемлюще оно ни было. Оно должно иметь некий предел, а с этого предела как раз и начинается обязанность и вместе с нею право других, этими другими являются подвластные и бесправные — ведь вместе с правом «господ» рождается право «рабов». С развитием этого права возникает и сама идея права: если обязанность есть «пространственное» последствие права, то идея права является его последствием во времени. И именно это последствие становится настоящим орудием борьбы подвластных и бессильных классов. Многолетнее господство права покоряет их силой привычки, многолетнее приме-

⁸ Местр Ж. де. Опыт об общем начале политических конституций и других человеческих установлений // Об отсрочке божественного правосудия в наказании виновных. СПб., 2017. С. 96.

⁹ См.: Каччари М. Геофилософия Европы. М., 2000. С. 36.

¹⁰ См.: Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 2. С. 439.

¹¹ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразования обществ. М., 1999. С. 35—36.

нение правовых норм и правовых представлений оставляет в массовом сознании в виде осадка более или менее актуализированную идею права, которая становится настоящей социальной силой; эти идеи — выводы из правовых принципов, которые долго признавались господствующими: фанатизм масс только придает им силу, а идеи «равенства и свободы» пытаются осуществить на практике, и на «разрозненную массу бесконечных обществ снова переносится право примитивной орды» (Л. Гумилович).

Воздействие вскорости оказавшихся ложными новых прав и правовых идей происходит до того момента, когда «сила по собственному праву, как естественный фактор общественной жизни, вновь приобретает господство над утомленным революцией обществом». Происходит переход от свободы и равенства анархической среды через силу и неравенство, через право и закон к свободе и равенству революции, к разрушающей государство «разрушающей анархии», а уже от этого шаткого состояния — снова к силе и господству реакции и реставрации, а затем к новому развитию, и так далее до бесконечности...¹²

Двоевластие или многовластие — нормальное состояние для переходного революционного периода. Позитивное право тогда может находиться либо в состоянии стабильном и установленном, либо во временном. Во втором случае право опирается единственно на авторитет политической власти, в первом — еще и на факт длительного, ничем не нарушенного существования, и на факт «предполагаемого присоединения подданных»: по этой логике конституционные законы относятся к «установленному и образцовому» праву, а все остальные законы выступают только как нормы временного права. В эту переходную эпоху революционная теория права вынуждена считаться с тем фактом, что для длительного существования законов уже недостаточно только того авторитета, которым они обладают в момент принятия, и что теперь они нуждаются в последующем утверждении и ратификации. Дело утверждения передается в руки исполнительной власти, которая осуществляет его посредством издания конкретизирующих регламентов и создания публичных служб: промежуточные периоды правосозидания между свергаемым законным правительством и вступающим в действие новым законным правительством (которое еще не оформлено соответствующим корпусом нормативных актов), обычно и определяется как эпоха «режима декретов».

«Революционное правительство силой вещей прежде всего организуется в форме исполнительной власти, поскольку значительно легче создать некую комиссию, наделенную исполнительными функциями, нежели сформировать полноценное и представительное законодательное собрание». Исполнительная власть тогда наделяется правом издавать общие регламенты, посредством простого декретирования они и заменяют закон, а для их исполнения и санкционирования применяется публичная власть. Временные правительства осуществляют свою власть впредь до формальной ратификации конституционным законом либо неформальной ратификации, осуществляемой присоединением подданных и единообразием судебной практики¹³. Роль юстиции на этом этапе революции заметно возрастает. (Как замечает Нил Фергюсон, Французская революция, не

¹² См.: Гумилович Л. Основы социологии. М., 2010. С. 244—247.

¹³ См.: Оруи М. Указ. соч. С. 744.

доверяя своим судьям, стремилась превратить их в автоматы, слепо применяющие нормы, сформулированные законодателем. Это приводило к тому, что судам не позволялось пересматривать акты органов исполнительной власти: французы предпочли равенство свободе, идея которой была ближе к искомому абсолюту теоретически и значительно менее полезна практически.)

«Правитель тот, кто нам покой дарует» (Гёте) — это и есть та навсегда осознанная базовая норма, на которой основывается действие всего позитивного права. Кельзен утверждал, что посредством базовой нормы может быть установлена такая правотворческая власть, нормам которой в целом подчиняются, и именно в этой базовой норме чудесным образом осуществляется трансформация власти в право.

В соответствии с «чистой теорией права» основная норма позитивного правового порядка есть не что иное, как основное правило, согласно которому создаются все остальные нормы правового порядка. Это — введение некоего основного нормативного факта для запуска процесса создания права, которое осуществляется разными способами — через обычай или законодательный процесс. В основной норме укоренено последнее основание того нормативного значения, которым обладают все факты, конституирующие данный правовой порядок: эта норма не действует как позитивно-правовая, а предписывается как условие любого нормотворчества.

Значение основной нормы наиболее ясно обнаруживается тогда, когда «правовой порядок не изменяется легальным путем, а меняется на другой правовой порядок революционным путем», когда само существование права ставится под вопрос, и только фактические действия людей, от которых правовой порядок ждет признания своей действительности, считаются соответствующими новому порядку как единственному легитимному. Акты, осуществляемые в соответствии с этим порядком, теперь истолковываются как правовые, а нарушающие данный правопорядок факты — как правонарушения; предпосылается новая революционная основная норма: действительность нового правопорядка зависит от его действительности¹⁴.

Закон вносит неожиданную подвижность в социальные институты, стремясь придать им больше справедливости и свободы. Но такая подвижность, еще и обеспеченная писаным законом, представляет для стабильности как правового идеала серьезную опасность, так как ведет к перманентному «революционному состоянию, при котором изменяющие силы приобретают больше влияния, чем силы устойчивости».

Средство обуздать подвижность закона обнаруживается в самом писаном законе, которому искусственным путем удастся получить те же самые гарантии, которые естественным образом даются инструментами обычного права: это конституционные законы, поставленные над обыкновенными законами и необходимые для «прекращения революционного состояния» (М. Ориу).

На первый план тогда выдвигаются более «торжественные» (как любил говорить Дж. Вико) законы, которыми утверждаются основные институты корпоративного статуса. «Божественное право главы государства составляло монархический

¹⁴ См.: Кельзен Г. Указ. соч. С. 167—168.

принцип, божественное право народа — революционный принцип, и новообретенное “божественное право” организованной национальной корпорации, членами-участниками которой состоят отдельные личности, становится всецело конституционным принципом»¹⁵. (Кондорсе заявлял: «Нельзя уменьшить неравенство, не увеличивая тем самым свободы, и наоборот»). Несоблюдение этого правила часто становилось причиной половинчатого характера революций: старые учреждения были уничтожены, но душа оставалась прежней, — деятели революции не всегда умели точно определять границу частных прав, за которую не должна была переходить деятельность государства. Но, по замечанию критиков, уже сам революционный Конвент реставрировал абсолютистскую идею «государственного интереса», вновь предоставив государству полную власть над индивидуумом. Анри Мишель видел в революционном правотворчестве сосуществование двух главных идей: первая — представленная конституционной комиссией, выражала духовное влияние Монтескьё, вторая — представленная Конвентом, направленная на огосударствление и находящаяся под влиянием идей Руссо; революционеры 1789 г. в обоих случаях рассматривали право как самый могущественный и насущный интерес, а не как нечто несоизмеримое ни с каким интересом¹⁶. В результате после революции сложилась стройная конфигурация элементов административной и абсолютной монархии, просвещенного деспотизма и индивидуалистического принципа.)

Субстанциональное право, не отделенное от нравственности и справедливости, отторгло нормативистский легализм существующего права. Место фикции непрерывной легальности стало занимать так называемое «живое» право. При отсутствии законодательных норм на первых этапах революции это право появлялось в форме «революционного правосознания», которое включало в себя и новую нравственность, и представления о справедливости. Использование такого правового источника всегда требовало соответствующей организации судебных структур и процедур: очевидная политизация юстиции обуславливалась тем, что само определение политического и неполитического оказывалось делом политиков: на теоретическом уровне господствующей правовой идеологией первого этапа революции всегда выступала «психологическая теория права».

Сущностью якобинской правовой идеологии была вера в возможность трансформации общества через всеохватную политическую деятельность. Эти ориентации уходили своими корнями в средневековые эсхатологические источники и выявляли сильную направленность на социальную и культурную активность и способности человека перестраивать общество в соответствии с тем или иным трансцендентным представлением: тем самым имела место значительная идеализация политик. И вместе с тем все эти ориентации проявились в попытках государственно-административной перестройки центров соответствующих обществ, слиянии центра и периферии, в упразднении посредничающих институтов и ассоциаций, т.е. структур гражданского общества в целом. В будущем эти якобинские компоненты еще долго будут присутствовать в популистских, социалистических, националистических и фашистских движениях¹⁷.

¹⁵ Оруу М. Указ. соч. С. 8—9.

¹⁶ См.: Мишель А. Указ. соч. С. 102—103.

¹⁷ См.: Эйзенштадт Ш. Указ. соч. С. 34—35.

Идея «верховного всеохватывающего закона» впервые обсуждалась во время пуританской революции Кромвеля. Тогда этот закон воспринимался по аналогии с библейским как договор избранного народа, но даже и в таком сакрализованном виде он был идеей достаточно четко сформулированной конституции, противопоставленной системе обычного права. И высший разум верховного закона, Конституции 1792 г. во Франции, и философские идеи Вольтера и Робеспьера явно выходили за пределы переменчивых мнений политиков: величественная, далекая, возвышенная и почетная, как традиция, конституция пребывала на олимпийских высотах, возвышаясь над всеми политическими страстями.

Идея писаной конституции, рожденная в недрах тайных обществ и сект, свидетельствовала о безграничной вере их адептов в силу человеческого разума и сознания. Поэтому предпочтение должно было отдаваться основным и стабильным принципам верховного закона, а не меняющимся искушениям момента, и поскольку конституция возбуждает благороднейшие и глубочайшие эмоции человека, она и будет обращена к той его части, благодаря которой он только и является человеком.

В ходе революции средние классы, придерживаясь в своем выборе политической середины между аристократами и крестьянами, продвигались вперед под этим знаменем верховного закона, их выбор падал на «права человека». «Триколор» стал флагом новой веры: где бы вы ни увидели трехцветный флаг, вы можете быть уверены, что находитесь в стране, основы которой были заложены идеями 1789 г., которые предполагают качественное различие между «священной» конституцией и повседневным рутинным законодательством¹⁸.

* * *

Когда возмущенный неверием и меркантилизмом своего народа Моисей разбивает скрижали, на которых были записаны заповеди Бога, он совершает жест, которым обрекает погрязших в грехе людей на полное беззаконие. Высшие принципы так и останутся для них недоступным знанием: здесь Моисей — это настоящий революционер, в гнев своем устраняющий последнее препятствие на пути «тайны беззакония»...

Еще Платон говорил, что «неписанные произведения предстают перед нашими глазами будто живые, но, если их спрашивают, они с достоинством хранят молчание». Тот, кто пытается написать законы или «гражданские конституции» и воображает, что, написав их, придает им соответствующую несомненность и стабильность, такой законодатель ничего не ведает о вдохновении и безумии, справедливом и ложном, добром и злом. Все написанное является признаком слабости, невежества или страха, ведь «чем совершеннее постановление, тем оно меньше что-либо записывает»¹⁹.

Но человек возомнил, будто обладает властью творить, тогда как имел только власть называть: «Он возомнил, будто сам является непосредственным создателем государственности, самой важной, самой сакральной и наиболее фундаментальной вещи морального и политического бытия» (Ж. де Местр). Платон

¹⁸ См.: Розеншток-Хюсси О. Великие революции. М., 2002. С. 164—165.

¹⁹ Местр Ж. де. Указ. соч. С. 91—92.

же утверждал, что Бог доверил установление и устройство империй не людям, но ангелам. И необходимо всеми силами подражать этому первоначальному порядку, доверившись тому, что есть бессмертного в человеке.

«Сложилась своего рода волшебная сказка о том, что народ как целое и есть активный носитель политического процесса и что его действия всегда предпочтительней действий отдельного индивида. За этой сказкой последовала курьезная теория о том, что демократический процесс принятия решений всегда обеспечивает общую пользу. При этом общей пользой объявлялось как раз то, к чему и приводит сама демократическая процедура»²⁰. (Революционный Конвент 1793 г. откровенно выражал намерение дать равенству законное преимущество перед свободой: в итоге принцип равенства оказывался «в полной гармонии с диктаторскими тенденциями Конвента» — ведь нет такого тиранического правительства, которое не имело бы целью свести всех индивидов к одному уровню: «Ссылаясь на ложный принцип естественного и абсолютного равенства людей, находили и мнимое оправдание для тяжелой тирании, которой угнетали страну»²¹.)

«Революционный разум лишь с некоторым опозданием произвел на свет гражданский кодекс и предельно централизованную систему управления». Настоящим творением политической воли стала только империя, наполеоновская воля была обязана своему революционному прошлому тем, что «оставалась волей, стремящейся к утверждению права... И предательством революционной мысли будет появление в XIX веке другой воли, стремящейся к утверждению воли к власти — темной силы, которая отказывалась действовать заодно со светом разума, считая его неосновательным»²².

Установление абсолютной власти — всегда само по себе важное событие, хотя бы уже потому, что речь здесь идет о власти сильной и стабильной, в юридическом плане эта тенденция всегда приводит к унификации и систематизации права. Власть уже не довольствуется только санкционированием частных кодификаций — она присваивает их, выдавая кодификацию за собственное творение: удовлетворяя естественную потребность подданных в правовой определенности, власть тем самым укрепляет собственный авторитет и решает свои важные политические проблемы.

Кодификация и централизация всегда были любимыми орудиями королей и диктаторов. Этому противостояла система «общего права»: ведь прецедентом нельзя управлять с помощью королевских прерогатив, они — сами гарантии против деспотизма, поэтому пуританская революция и провозгласила: «Давайте выстроим нашу оборону за хаосом прецедентов». В отличие от постоянно возрождающегося из прошлого прецедента кодекс выглядит как настоящий «символ остановленного времени» (Карбонье), и годы, следующие за его принятием, обычно не бывают богаты на правовые реформы, как будто кодификация уже опустошила всю накопленную законодательную энергию.

²⁰ Хайек Ф. Право, законодательство и свобода : Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2006.

²¹ См.: Дюги Л. Конституционное право. М., 1908. С. 696.

²² Старобинский Ж. 1789 год: эмблематика разума // Поэзия и знание: история литературы и культуры. М. : Языки славянских культур, 2002. Т. 1. С. 385.

Однако и сами кодексы живут полноценной жизнью достаточно короткий период времени: задуманные как средство преодоления кризиса источников права (когда одного «революционного правосознания» уже явно недостаточно) и законодательной инфляции, кодексы возвращают равновесие в жизнь права, но лишь на некоторый момент: «порвав с прошлым, они начинают стареть сразу же после своего принятия»²³.

Кодекс обычно замышляется как некий закрытый мир, «кодификация хочет быть исчерпывающей и верит, что может стать таковою» (Макс Вебер). С логической точки зрения кодекс представляется наиболее последовательным воплощением идеи системы в юридической сфере, системой координируемых и соподчиненных правовых совокупностей. Эту идею единого кодекса лелеял еще Иеремия Бентам, мечтавший собрать все нормы позитивного права в едином корпусе. Кодификация выглядит как «кристаллизация» права, мешающая адаптации права к меняющимся нравам и ситуации. Опасность здесь заключается в разделении и противостоянии между правом и нравами, законом и справедливостью, между «текстами, которые выражают право, и новыми потребностями, которые его творят» (Салейль)²⁴.

Особым пафосом отличается такой конституирующий акт, каким является декларация: ее задача не только провозглашать, но и закреплять провозглашаемое, фиксировать дух и идею закона. Декларация является, по сути, основным законом (временным или постоянно действующим), обязательным как для самого законодателя-учредителя, так и для обычного законодателя, подчиняющегося законодатель-учредителю. (По замечанию Леона Дюги, Декларация прав 1789 г. составляла интегральную часть Конституции 1791 г. и тем самым потеряла свою законную силу с того момента, когда был упразднен установивший ее политический строй.) Декларации обычно разделяют судьбу связанных с ними конституций, тогда как правовые положения, не имеющие чисто политического характера, но имеющие некое общее значение, могут применяться и независимо от формы правления, установленной конституцией, и действуют уже после падения самого этого правления: декларации на этом фоне и в этом контексте приобретают некоторым образом «священный и религиозный характер»²⁵.

Основополагающее значение конституций состояло в том, что они требовали некой предварительной договоренности и особых усилий для того, чтобы придать себе авторитет и уважение, коими издавна традиционно пользовался закон. Как правило, это был результат борьбы партий и групп, но, будучи установленной, конституция логически воспринималась как первоисточник закона.

Однако сама конституция вовсе не определяла, что есть закон и что есть справедливость («публичное право проходит, а частное остается»): даже когда в результате революции или завоевания менялась вся структура правительства, большая часть «правил справедливого поведения», гражданского и уголовного права оставалась в силе — даже в тех случаях, когда главной причиной революции было желание изменить некоторые из них: так происходило потому, что,

²³ Кабрияк Р. Указ. соч. С. 129—130, 182—183.

²⁴ Цит. по: Кабрияк Р. Указ. соч. С. 156—157, 168.

²⁵ Хайек Ф. Указ. соч. С. 153—154.

только удовлетворив общие ожидания, новое правительство могло заручиться лояльностью подданных и тем самым обрести легитимность.

Конституции тем самым исходили из существующих «правил справедливого поведения» и давали лишь подходящий механизм для их претворения в жизнь. Законодательство же должно было направляться и руководствоваться не интересами, а убеждениями, т.е. объективизированными представлениями о том, какие действия правильны, а какие нет: справедливость тогда превращалась в адаптацию к незнанию частных фактов неких более общих представлений и принципов. (В то время как Франция декларировала «права человека» в своих конституциях, Германия формулировала права гражданина, вводя их в легальную кодификацию. В XVIII в. величественные законодательства Центральной Европы символизировали всеохватный взгляд на монархическое государство, не имея ничего общего ни с римским, ни с каноническим правом — то и другое создавали законы, являвшиеся собранием индивидуальных решений, но не конституционными сводами. В немецком своде законов (1788) следы прецедентов были тщательно удалены, он решительно начинает с индивидуума, и только затем переходит к объединениям разного рода.) В простых «неконститутированных» видах правовой системы идея окончательного правила признания, высшего критерия и юридически неограниченной легислатуры как бы сливаются. Ибо там, где есть легислатура, не подчиненная никаким конституционным ограничениям и обладающая полномочием своим постановлением лишать все иные нормы права, исходящие из других источников, статуса законов, постановления этой легислатуры и есть высший критерий юридической действительности²⁶.

Протестующий есть истинный верноподданный законодателя: вот что такое «протестант». Революция провозгласила абсолютное «право голоса», логически и критически противопоставленное божественному праву и древнему авторитету, однако границы понятия «всеобщее право голоса» оставались неопределенными, поэтому это понятие вполне могло быть распространено на любую сферу политического существования. Это право опиралось на весьма неубедительную теорию равенства и стремилось завоевать себе полномочия на вечный пересмотр существующего положения вещей: «Именно после его появления конституции стали постоянно вызывать сомнения, а формы государственной власти — подвергаться непрерывным преобразованиям» (Якоб Буркхардт)²⁷.

«Мания все сплошь реформировать неизбежно вызывала контрреволюции: излишняя свобода утомляет людей, как и всякое сильное возбуждение». Бунты не вредны только там, где натура еще не испорчена, — говорил Макиавелли, — но где много развращенных людей, там и хорошие законы ни к чему не послужат. («Образцовая» английская конституция, органически выросшая из характера, нравов и обычаев англосаксов, будучи перенесена к латинским народам, послужила лишь препятствием их прогрессу и вызвала ряд революций²⁸.)

Жозеф де Местр утверждал: «Начала политических конституций существуют прежде всякого писаного закона». Все наиболее существенное, свойственное кон-

²⁶ См.: *Харт Г. Л. А.* Понятие права. СПб., 2007. С. 110.

²⁷ *Буркхардт Я.* Размышления о всемирной истории. М., 2004. С. 469.

²⁸ См.: *Ломброзо Ч.* Политическая преступность и революция. СПб., 2007. С. 187.

ституции и по-настоящему фундаментальное для нее, никогда не записывается и не сможет стать таковым, не подвергнув риску государство. Слабость и недолговечность конституции напрямую и в точности соразмерно множеству написанных конституционных статей: конституция не желает видеть судьбы мира фактов, полагая, что тем самым ее опровергает: взамен «случайности сильных личностей и обстоятельств править должна каузальность — вневременная, справедливая, неизменно одна и та же рассудочная взаимосвязь причины и действия»²⁹.

Конституирующие жизнь правовые формы являются так называемыми «нормативными фактами», существующими за пределами правовой сферы и порождающими собственное право: уже сами по себе эти нормативные факты «представляют доправовые факты союза или единства» (М. Шелер говорил в этой связи о доправовых «интернациональных актах, совершаемых сообща», а М. Ориу — о «единстве в идее».) Революционное «движение» как «доксическая» форма единства сама порождает необходимые для ее целей правовые нормы и формы, а правовая идея оказывалась имманентной фактическим формам объединений. Обусловленные этим конституционные фундаментальные принципы обладали, как представляется, сверхлегальным достоинством, которое возвышало их над любым организационным регулированием конституционного права или каким-либо частным материально-правовым регулированием, служащим их сохранению.

«Естественные законы», в отличие от позитивных, не имеют какого-то неизменного и регулируемого авторитета, они зачастую неопределенны и малопонятны, поэтому и требуется решительное вмешательство суверенной власти, которая только и способна вычленив их из спутанной массы, — власть не только устанавливает позитивные законы, но и выявляет и проясняет законы «естественные»: авторитет произвольных законов заключается лишь в силе, которую им дает тот, кто устанавливает законы, но основывать суждения и принимать решения можно только на основе «естественных» принципов справедливости (Ж. Дома)³⁰. Но право есть не убеждение, мнение, знание и т.п., короче говоря, не умственная сила, но сила нравственная, оно есть воля. Только воля и может дать праву то, на чем покоится его существо, — действительность, только она имеет реально образующую, творческую силу... И как может духовный взор разума охватить такое право, которое «находится в вечном состоянии дрожания и колебания»?³¹ «Юридическая» конституция и применение ее нормативных определений сами не создают государственности, скорее государство — как политическое единство — есть основное условие для становления их значимости: «Конституция — это не договор, а решение, причем решение о способе и форме политического единства». Нормы же, учреждающие органы государства, только придают форму государственному действию, определяют необходимые процессуальные правила для дееспособности политического единства³².

²⁹ Гурвич Г. Д. Идея социального права // *Философия и социология права*. СПб., 2004. С. 166—167.

³⁰ См.: *Проди П.* История справедливости. М., 2017. С. 484—485.

³¹ *Иеринг Р.* Дух римского права // Соч. Т. 2. М., 006. С. 292.

³² См.: *Вёксенфёрде Э. В.* Понятие политического как ключ к работам Карла Шмитта и государственному праву // *Логос*. 2002. № 5. С. 164—166.

В революции произошло окончательное разделение «власти конституируемой» и «власти конституирующей». Эта последняя и стала ассоциироваться с «народом», в связи с чем выводилась за пределы политики и помещалась в некое неизменное, естественное состояние: конституируемая же власть вновь не гарантировалась учредительным собранием, т.е. властью конституирующей, поскольку оно само — такое собрание — неконституционно, так как по времени предшествует принятию конституции. Легальность новых законов, которые нуждались в «высшем законе и верховном господине», также получала свое начало все в той же «воле нации», которая как бы парила над всеми правлениями и законами.

Сама же национальная воля в ситуации кризиса и революции позволяла собой манипулировать как раз до того момента, когда ответственность брал на себя появившийся из небытия диктатор: диктат же самой воли лишь на короткие периоды достигал фиктивного идеала национального государства — «единодушной воли народа», но не воля, а интерес — это наиболее прочная структура общества и составляет подлинную основу национального государства³³.

Вверенная и установленная народом власть — довольно туманное юридическое понятие, выросшее из социально-этических корней; но в психологическом смысле подобная форма передачи власти вообще есть нечто абсолютно невозможное: У нас или есть власть, или ее у нас нет. Власть, которая дается только посредством юридических конструкций и писаных на бумаге конституций, не так уж и велика. И поэтому метафизическое «выведение власти из милости Божьей» представляет собой все-таки наиболее удачный символ лежащего в основании переживания³⁴.

Легалистская логика революционного мифа требовала наличия во главе формируемой ею системы правопорядка некоего, по сути, сакрального центра, исходной точки, главной нормы, из которой проистекают вся система и новый мир. Революционеры ошибались, полагая, что «конституция», т.е. та базовая норма, которую они могли наблюдать, и есть итог революции. Все оказалось сложнее. Основная норма, пока она существует, может стать только началом нового этапа «вечной революции», чего-то всегда нового и еще непознанного — ведь «скрижали» мифа так и остались расколотыми.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Арендт Х.* О революции. — М., 2011.
2. *Буркхардт Я.* Размышления о всемирной истории. — М., 2004.
3. *Вёксенфёрде Э. В.* Понятие политического как ключ к работам Карла Шмитта и государственному праву // Логос. — 2002. — № 5.
4. *Гумплович Л.* Основы социологии. — М., 2010.
5. *Гурвич Г. Д.* Идея социального права // Философия и социология права. — СПб., 2004.

³³ См.: *Арендт Х.* Указ. соч. С. 223—225.

³⁴ *Шпрангер Э.* Формы жизни. М., 2014. С. 197.

6. Дюги Л. Конституционное право. — М., 1908.
7. Иеринг Р. Дух римского права // Соч. — М., 2006. — Т. 2.
8. Кабриак Р. Кодификации. — М., 2017.
9. Каччари М. Геофилософия Европы. — М., 2000.
10. Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливости и естественное право. — СПб., 2015.
11. Ломброзо Ч. Политическая преступность и революция. — СПб., 2007.
12. Местр Ж. де. Опыт об общем начале политических конституций и других человеческих установлений // Об отсрочке Божественного Правосудия в наказании виновных. — СПб., 2017.
13. Мишель А. Идея государства. — М., 2018.
14. Ориу М. Основы публичного права. — М., 1929.
15. Проди П. История справедливости. — М., 2017.
16. Радбрух Г. Философия права. — М., 2006.
17. Розеншток-Хюсси О. Великие революции. — М., 2002.
18. Старобинский Ж. 1789 год: эмблематика разума // Поэзия и знание: история литературы и культуры. — М. : Языки славянских культур, 2002. — Т. 1.
19. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода : Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. — М., 2006.
20. Харт Г. Л. А. Понятие права. — СПб., 2007.
21. Шпенглер О. Закат Европы. — М., 1998. — Т. 2.
22. Шпрангер Э. Формы жизни. — М., 2014.
23. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразования обществ. — М., 1999.

**Мария Дмитриевна
ЧУПОВА,**

кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

chupova@bk.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О ФОРМИРОВАНИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИДЕЙ В РОССИИ В XVI—XVII вв.

Аннотация. В настоящей статье рассматривается становление государственно-правовой мысли в начале Нового времени — второй половине XVI — начале XVII в. Анализируется взаимосвязь исторического процесса, хода развития общества и государства и формирования идей правового регулирования государственного строительства и взаимоотношений власти и личности. На материале государственно-правовых актов периода Смутного времени показывается стремление русского общества к установлению правовых норм в государственном строительстве, ограничению единовластия и бюрократии на основе признания естественных прав и установления справедливых государственных институтов. В работе рассматриваются исторические, правовые и идеологические аспекты формирования представлений о государственном устройстве, которые легли в основу российской юридической мысли.

Ключевые слова: история конституционного права, естественное право, Новое время, конституционализм, Избранная рада, Стоглавый собор, Иван Грозный, опричнина, Федор Иоаннович, Борис Годунов, Смутное время, Подкрестная запись, Василий Шуйский, Семибоярщина, Сигизмунд III, королевич Владислав, земское ополчение, судоустройство, земские соборы.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.48.8.034-050

M. D. CHUPOVA,

Candidate of Law (PhD), Associate Professor, Deputy Head of the Department of the History of State and Law of the O. Kutafin University (MSAL)

chupova@bk.ru

125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Str., 9

THE QUESTIONS OF CONSTITUTIONAL IDEAS IN RUSSIA IN THE 16—17TH CENTURIES

Abstract. In this article author considered the formation of state-legal ideas at the beginning of the Modern Era — the second half of the XVI — the beginning of the XVII centuries. The interrelation between the historical process,

the development of society and the state and the formation of ideas for the legal regulation of state construction and the relationship between authority and the individual are analyzed. On the basis of the state and legal acts of the Time of Troubles, the Russian society seeks to establish legal norms in state building, to limit autocracy and bureaucracy on the basis of recognition of natural rights and the establishment of just state institutions. The work considers historical, legal and ideological aspects of the formation of ideas about the state structure that formed the basis of Russian legal thought.

Keywords: history of constitutional law, natural law, Modern Era, constitutions, Elected Rada, Stoglavyy Synod, Ivan the Terrible, Oprichnina, Fedor Ioannovich, Boris Godunov, Time of Troubles, Vasily Shuisky, Semiboyarschina, Sigismund III, Prince Vladislav, Zemsky rebellion, judicial system, zemsky synods.

Первое, что необходимо сделать, говоря о конституционных идеях в устройении государства в XVI—XVII вв., это определиться со значением самого понятия конституции и его места в государственно-правовой мысли. Значение латинского термина «конституция» — сложение, установление, устройство. Конституциями назывались римские правовые императорские акты, «апостольскими конституциями» — основополагающие правовые акты главы римской церкви.

Тема настоящей работы — конституционные идеи в более специфическом, хотя и более привычном нашему современнику смысле, — идеи единого общеобязательного права, охватывающего и регулирующего деятельность общества и государства, включая высшее государственное руководство — коллегиальное или единоличное. Такого рода потребность в государственной мысли и государственном строительстве является одной из ярчайших примет наступления европейского Нового времени, которое отказалось от слепого следования традиции и догматам в качестве единственно необходимой основы построения политического общежития. Как и многое в это время, сфера политического устройства государства начала рассматриваться обществом в качестве объекта критического человеческого мышления и творчества. В качестве того, что может и должно видоизменяться и улучшаться, того, что зависит от людей. В качестве того, за что люди несут ответственность.

Таким образом, появилась потребность в критическом взгляде на существующее государственное устройство и идеях по его совершенствованию. Одной из таких идей становится идея о праве как общей ценности общества, зависящей не от интереса, прихоти или сиюминутного каприза властелина или аристократии, а от общего понимания справедливости и общественного блага. Такое понимание права неизбежно приводит к необходимости ограничения произвола власти на всех уровнях, особенно на уровне власти верховной. Ведь именно в это время в европейских странах, включая и Россию, от государства становится почти невозможно «уйти». Развитие институтов управления приводит к резкому усилению влияния государственной машины на всю жизнь человека, и несовершенства этой машины становятся чрезвычайно болезненными для всех слоев общества.

Аристократ уже не может укрыться в наследственном имении, корпорации церковнослужителей где-то начинают терять свою обособленность и полномочия,

а где-то сами становятся инструментами организованного насилия, т.е. государственными структурами, самоуправление городов и университетов легко игнорируется властями, и даже крестьянин не находит себе уединенного места, куда до него не дотянутся фискалы и феодалы. Государственное общежитие должно гарантировать членам общества сохранение жизни, безопасности и имущества, защиту не только от внешнего врага и преступности, но и от произвола государственной машины. Это невозможно без существования системы общепризнанных «правил игры», обязательных для всех — от нищего до государя. Ведь известно, что для построения ада на земле нужно только одно — чтобы те, кто устанавливают правила, сами не должны были им подчиняться.

Развитию в России идей об общеобязательном праве, регулирующем и ограничивающем деятельность государственной машины сверху донизу, которые и принято называть конституционными идеями, посвящена эта работа. В качестве источников, рассказывающих нам о развитии этих идей в нашей стране в начале XVII в., нам будут служить реальные правовые документы Смутного времени, отразившие представления тогдашнего русского общества о справедливом и безопасном общественном устройстве.

Появление в отечественном праве самого термина «конституция» в качестве названия правового акта состоялось уже в 1918 г. с принятием Конституции РСФСР. Однако с начала XX в. в России издаются акты конституционного содержания, среди них — Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» и Основные законы Российской империи от 23 апреля 1906 г.¹

Другая позиция исходит из представления о появлении первых конституционных актов в России в XVIII в. Н. А. Михалева в статье «Становление и развитие отечественной науки конституционного права» выделила три этапа формирования конституционного (государственного) права в России:

- 1) дореволюционный — вторая половина XVIII — начало XX в.;
- 2) советский — 1917—1993 гг.;
- 3) современный, который «имеет точкой отсчета принятие федеральной Конституции 1993 года»².

Однако непосредственно в статье рассматриваются только проблемы, связанные с современным этапом. В учебнике «Конституционное право Российской Федерации» М. В. Баглай и Б. Н. Габричидзе пишут, что зарубежные «конституционные акты или конституции» восходят к демократическим революциям XVII—XVIII вв., а история российского конституционализма начинается с российских конституций XX века»³. В. Е. Чиркин, обратив внимание на использование термина

¹ См.: История Конституции России : хрестоматия. СПб., 2010. С. 17—59 (разд. 1 «Конституционные законы Российской империи конца XIX — начала XX века»).

² См.: Михалева Н. А. Становление и развитие отечественной науки конституционного права // История юридических наук в России. М., 2009. С. 156—157.

³ Авторы этого учебного курса предлагают рассматривать три типа конституционного права. Два из них исторические: дореволюционное конституционное право (1905—1917 гг.) и тоталитарное конституционное право (от 1917 до середины 1980-х гг.), а третий — современный, «новый тип конституционного права, соответствующий переходу общества

«конституция» в Древнем Риме и средневековой Европе, пришел к выводу, что в России в период сословно-представительной монархии в ряде постановлений Земских соборов содержались «элементы такого рода, которые теперь называются конституционно-правовыми»⁴. Упомянув о том, что подобные элементы обнаруживаются даже в нормативных актах Киевской Руси, В. Е. Чиркин тем не менее пришел к заключению, что «первые конституционные идеи и предложения конституционного характера в правящих кругах России появились в XVIII в.». В числе таких актов он называл митавские Кондиции⁵, проекты Н. И. Панина, И. Р. Воронцова и декабристов, но он также не рассматривал содержание этих актов, начав аналогичное изложение курса с Конституции РСФСР 1918 г.⁶

В последние годы спор о конституционных ценностях, их содержании и воплощении в исторических нормативных правовых актах стал предметом широкого обсуждения⁷. Изучению этих проблем были посвящены многие конференции⁸. Ряд авторов обратили внимание на длительность формирования конституционных идей, а также процесса их воплощения в конституционно-правовом материале⁹. В. В. Полянский высказал предположение о том, что «конституция любого государства представляет собой некое собрание признаваемых обществом в качестве позитивных правил государственной организации, складывающихся во времени». К главным конституционным ценностям В. В. Полянский отнес: принцип разделения властей, права и свободы человека, определение процесса функционирования государства в целом, его формальных, содержательных и сущностных элементов — формы правления, территориальной организации и политического режима¹⁰. Л. А. Нудненко, объявив высшей конституционной ценностью права и свободы человека, посчитала что формулировка и реали-

к демократии» (Баглай М. В., Габричидзе Б. Н. Конституционное право Российской Федерации. М., 1996. С. 41, 49).

⁴ Чиркин В. Е. Конституционное право России. 6-е изд. М., 2009. С. 45. Первой писанной конституцией автор называет Конституцию США 1787 г. (С. 67).

⁵ См.: Корсаков Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. С. 8—9 (Приложение. Документ № 1).

⁶ См.: Чиркин В. Е. Конституционное право России. С. 47.

⁷ Следует отметить, что вообще истории отечественных юридических наук стало уделяться серьезное внимание. Так, Университет имени О.Е. Кутафина издал сборник статей «История юридических наук в России» (М., 2009).

⁸ Например, Международная научно-практическая конференция 4—10 декабря 2008 г. «Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации», Первая Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых «Конституционное право: вызовы XXI века» (М.: МГЮА, 2017).

⁹ См.: Яндиев М. А. Конституционно-правовые ценности: история и география некоторых этнолингвистических аспектов // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации : материалы Международной научно-практической конференции 4—10 декабря 2008 г. : в 2 т. М. : РАП, 2009. Т. 1. С. 151—158 ; Чиркин В. Е. Единство государственной власти и разделение ее ветвей в ценностном измерении // Там же. Т. 1. С. 159—169.

¹⁰ См.: Полянский В. В. Принцип гармонизации публичной власти как конституционная ценность // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации. Т. 1. С. 179—183.

зация этого принципа связана только с идеологией европейского Просвещения и эпохой буржуазных революций¹¹.

В настоящей статье сделана попытка восполнить пробел в изучении процесса формирования конституционных идей в России. Внимание обращено на элементы конституционализма, получившие воплощение в нормативных правовых актах, увидевших свет в первые два десятилетия XVII в.: Подкрестной записи Василия Шуйского (1606), договорах с польским королем Сигизмундом III Августом о приглашении королевича Владислава на русский престол (1610), Приговоре Земского собора Первого ополчения (1611). В этих документах впервые в истории России получили комплексное воплощение именно те ценности, которые в современной науке именуются конституционными. В нормативной форме в них провозглашались идеи учения о праве и государстве, которые формулировались отечественными мыслителями в течение всего средневекового периода русской истории¹².

Однако события Смутного времени невозможно верно понять, не принимая во внимание то состояние, в котором русское общество и государство находились после эпох Ивана Грозного и Бориса Годунова.

В 1543 г. митрополит Макарий участвует в отстранении Шуйских от власти и передаче этой власти юному царю Ивану IV. Именно Макарий формирует так называемую «Избранную раду» — кружок государственных деятелей, при участии которых в течение первых десяти лет царствования Ивана Грозного Россия совершила значительный рывок в своем развитии. С 1549 г. начинаются реформы Избранной рады. Смысл губной и земской реформ, отмены кормлений состоял в замене системы наместничества на широкое местное самоуправление, с привлечением как дворянства и мещанства, так и крестьянства. Выборными становились суды, полицейские чиновники (губные старосты), руководители местных самоуправлений (излюбленные и земские старосты).

Закон, признавая каждую крестьянскую общину, на чьей бы земле она ни жила, одноправной с общинами городскими, представлял ее юридическим целым, свободным и независимым в общественных отношениях, а выборные начальники общин, старосты, дворские, сотские, пятидесятские и десятские считались состоящими на государственной службе, у «государева дела». Эта реформа обеспечивала ответственное перед избирателем местное самоуправление, включающее выборный суд (аналог суда присяжных), выборные полицейские органы (аналог американских шерифов), выборную местную власть и право крестьян на общинное самоуправление со статусом выборных руководителей такого самоуправления, не уступающих государственным чиновникам.

¹¹ Нудненко Л. А. Принцип сочетания частных и публичных интересов — высшая конституционная ценность // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации. Т. 1. С. 208—219.

¹² К таким мыслителям XVI — начала XVII в. следует отнести Максима Грека, Зиновия Отенского, Федора Карпова, Андрея Курбского, Ивана Пересветова, неизвестного автора «Иного сказания» (произведения круга Валаамской беседы) и некоторых других. Источниками их воззрений послужили идеи, разработанные их предшественниками — мыслителями Киевской Руси (митрополитом Иларионом, автором первой русской летописи Нестором, Владимиром Мономахом, Даниилом Заточником).

Крестьянская община в рамках строго установленных фискальных и феодальных (поземельных) платежей самостоятельно, демократическим порядком определяла долю в этих платежах каждого крестьянского хозяйства. Еще более широкие права самоуправления были предоставлены городским общинам. Сельская или городская община имела право отказаться от управления со стороны помещика, наместника или волостеля с одним только условием — вносить все положенные на наместников оброки в казну.

В 1551 г. был проведен первый церковно-земский общегосударственный собор, так называемый Стоглавый собор, принявший, в частности, Судебник Ивана IV. Кроме того, Собор с участием мирян впервые в истории Русской православной церкви принял решения по ряду церковных вопросов обрядового характера, а также рассмотрел предложения правительства о частичной секуляризации церковной собственности. Здесь Собор подтвердил свое право на принятие важнейших государственных решений, отверг секуляризационные предложения царя и Избранной рады, подтвердил неприкосновенность церковных имуществ, хотя и ограничил дальнейший рост церковной собственности, в частности воспретил монастырям и епископам создавать в городах новые монастырские слободы. Кроме того, Собор отказал царю в праве светского суда над духовными лицами, включая жителей церковных и монастырских слобод, и отменил все ранее выданные царем жалованные грамоты подобного содержания.

Этот Собор, как и последующие Земские соборы, состоял из трех частей: Освященного собора Русской православной церкви, Боярской думы и земских депутатов. В работе Собора активно участвовали митрополит Макарий и царь Иван.

В это же время было принято Уложение о службе, которое формализовало отношения служилого сословия (дворян) и государства. Независимо от происхождения и положения служилого человека было предусмотрено выставление одного воина со ста четвертей пахотной земли. При уклонении от несения службы земля подлежала перераспределению. Наведение порядка в предоставлении поместий позволило в сжатые сроки увеличить русскую армию.

Усиление страны и армии позволило окончательно решить вопрос с Казанским и Астраханским царствами, которые в 1555 и 1556 гг. были взяты и подчинены Москве. В течение первого десятилетия самостоятельного царствования Ивана IV территория России удвоилась.

Политика Ивана резко изменилась в 1560 г., со смертью царицы Анастасии. Иван, любивший жену, умевшую к тому же контролировать его непредсказуемый нрав, впал в неистовство. Он разогнал все свое ближнее окружение, распустил Избранную раду, отправил в ссылку виднейших ее деятелей — своего духовника Сильвестра и окольничего Алексея Федоровича Адашева, отослал от себя ближайшего друга — князя Курбского, прекратил общаться с митрополитом Макарием.

Скорее всего, смерть жены спровоцировала не слишком устойчивую психику Ивана, имевшего тяжелую наследственность и сильно психологически травмированного в детстве, и привела к развитию у него психического расстройства. Митрополит Макарий, Анастасия и Сильвестр долго сдерживали бешеный нрав царя, но после 1560 г. поступки и действия Ивана с точки зрения здравого рассудка перестают поддаваться логическому объяснению. В 1561 г. прокатится первая

волна казней, причем во время тяжелой Ливонской войны казнены будут проверенные в боях лучшие русские полководцы Даниил Адашев и Матвей Ржевский.

С каждым годом казни набирают обороты. В 1564 г. умирает митрополит Макарий, последний человек, который был еще способен взывать к разуму Ивана, сразу после этого бежит в Литву князь Курбский и пишет оттуда Ивану несколько писем с попытками образумить царя. Иван начинает вести с Курбским открытую переписку, обвиняя окружавших его людей во всех мыслимых грехах. Сложность ситуации, помноженная на несчастья Ливонской войны, становится причиной все большего недовольства царем.

Иван бежит из Москвы, оставляя письмо об отречении от престола, причем в письме этом откровенно натравливает московский посад на собственный двор, и запирается в Александровской слободе. После того, как к нему приезжает делегация с просьбой остаться на троне, Иван объявляет проект опричнины, отдельного от земского правления личного удела царя, в котором единственным законом будет его воля. Кстати, первоначальное значение слова «опричина» — вдовья доля имущества, которая обеспечивает вдову и по ее смерти возвращается детям. В 1565—1566 гг. проект опричнины утверждается тремя палатами Земского собора. В 1568 г. по приказу Ивана был убит, митрополит Московский Филипп.

Опричина была упразднена Иваном в 1572 г., на следующий год после того, как Москву и Россию разграбил крымский хан. Опричники при приближении крымского войска просто разбежались, а те немногие, кто рискнул воевать с внешним врагом, были тут же убиты соотечественниками. Палачи не могут воевать в одном строю со своими жертвами.

Пытки и казни продолжались до самой смерти Ивана. В частности, был обвинен в колдовстве (!) и при личном участии царя замучен в застенке Михаил Воротынский, уничтоживший в 1572 г. стотысячное войско крымского хана, которое пыталось развить успех набега предыдущего года. Россия проиграла Ливонскую войну, лишилась выхода к Балтийскому морю. Иван сжег и разграбил Новгород, положив начало упадку северной русской столицы. Была упущена и возможность опоры на казачество на юге — через 30 лет казаки примут деятельное участие в войне против России в Смутное время.

В 1584 г. Иван Грозный умер в возрасте 54 лет, оставив в качестве наследника младшего сына от первого брака с Анастасией Романовной — Федора Иоанновича. Федор же имел только одного ребенка, дочь 1594 г. рождения от брака с сестрой приближенного отца послеопричного периода Бориса Годунова — Ириной Федоровной Годуновой. Этот ребенок умер девяти месяцев от роду.

После правления Ивана Грозного Россия получила передышку. При Федоре, фактическим соправителем которого был Борис Годунов, Россия успешно воюет со Швецией и Ливонией и возвращает себе Ивангород и Копорье на берегу Балтийского моря, активно осваивает завоеванные земли Казани, Астрахани, Урала и Сибири. Основываются города по Нижней Волге — Самара, Саратов, Симбирск, Царицын. Построены города-крепости на юге — Воронеж, Белгород, Ливны, восстановлен город Елец. В Москве возводятся стены и башни Белого города, укрепления Скородома (по линии Садового кольца). В городах идет усвоение реформы местного самоуправления, решений Стоглавого собора. По всей

России возобновлено активное строительство городов, храмов, фортификационных и дорожных сооружений.

При Федоре Земские соборы собираются несколько раз для решения возникающих государственных вопросов. В целом 14 лет правления Федора Иоанновича стали временем возрождения Русского государства. Однако Федор умер в 1598 г., не оставив наследника. При этом вся ближайшая родня царей (потомство Василия III, Ивана III, Василия II) была уничтожена Иваном Грозным, а его младший сын Дмитрий был убит в Угличе в 1591 г.

После недолгого периода междуцарствия (январь — февраль 1598 г.) Земский собор избрал на царство Бориса Годунова. Борис активно ищет контакты с западом. При этом по примеру Европы Борис идет на беспрецедентное усиление социальной роли дворянства и, следовательно, усиление феодальной зависимости крестьян.

Вместе с этим возникает кризис в элите государства, состоявшей все еще в основном не из служилого сословия, а из родовой владетельной знати. При разрешении этих конфликтов Борис начинает активно использовать политические репрессии, которые живо напомнили обществу совсем недавний кошмар Ивана Грозного.

В царствование Бориса 1601 и 1602 гг. были неурожайными. В стране начался массовый голод, появились даже случаи людоедства. Борис вынужден был пойти на отмену заповедных лет, но не со свободным переходом крестьян, а с их вывозом к другому помещику. Меры правительства по помощи голодающим не давали результата, и Борис установил твердую цену на хлеб. После этого шага (в русской истории — всегда катастрофического) к неурожаям добавилось укрытие зерна крестьянами, и урожайный по погодным условиям 1603 г. не решил проблему с продовольствием из-за резкого уменьшения запашки земель.

Итогом этих катаклизмов стало Смутное время, когда население, да и значительная часть элиты перестали поддерживать государственные институты. Люди перестали видеть в существующей системе какие-либо положительные стороны. Террор со стороны государственной власти парализовал общество и в момент, когда потребовалась реальная поддержка со стороны этого общества, власть ее не получила и погибла, открыв дорогу еще большим бедствиям для страны.

В этот момент уже стало понятно, что возвращение тирании не будет соответствовать ничьим интересам в обществе. Начался поиск такой государственной и правовой системы, которая могла бы гарантировать обществу — как элитам, так и народным массам — личную безопасность, защиту имущества, естественные права самоуправления.

Первая в России попытка оформления правового статуса подданных Российского государства и принципов реализации правосудия была предпринята царем Василием Шуйским (1606—1610) в Подкрестной (Крестоцеловальной, Клятвенной) записи 1606 г. Василий Шуйский, вступив на престол, целовал крест и произнес в Успенском соборе Московского кремля клятву, составившую содержание этой Записи. «Новый летописец» воспроизвел ее текст: царь «нача говорити... чево искони век в Московском государстве не повелось, что целую де крест *всей земле* (здесь и далее курсив мой. — М. Ч.) на том, что мне ни нат кем ничево не зделати без *собору* никакого дурна: отец виноват, и над сыном ничего не здела-

ти; а будет сын виноват, отец того не ведает, и отцу никакого дурна не зделати; а которая де была грубость при царе Борисе никак никому не мститель». Эти клятвенные заверения, впервые прозвучавшие в Русском государстве, привели в изумление не только автора «Нового летописца», но и бояр, и «всяких людей», которые «говорили ему, чтоб он в том креста не целовал, потому что в Московском государстве тово не повелося. Он же никого не послушал, целовал крест на всем том»¹³ и «самовольно клятве издався»¹⁴.

Василий Шуйский произнес эту клятву в период, когда, по образному выражению И. А. Хворостинина, в государстве «всякая правда успе (уснула) и суд истинный не бе»¹⁵. Новый царь предпринял попытку заверить население в том, что с его воцарением времена беззакония миновали, и будет восстановлено правосудие. Царь обращался не только к феодалам и имущим верхам¹⁶, а «ко всей земле», перечислив основные сословия страны: бояре, дворяне, гости, торговые люди и весь прочий народ¹⁷.

Василий Шуйский поклялся перед народом в том, что все подданные России (равно как и ее гости) будут наказываться только по приговору суда и в соответствии с тяжестью своей вины; члены семьи осужденного никаким опалам и конфискациям движимого и недвижимого имущества подвергаться не будут. Всякое дело подлежит предварительному тщательному расследованию, и приговор по нему может быть вынесен только правомочным составом суда в присутствии обвиняемого («с очи на очи»). Правительством были приняты все возможные в условиях того времени меры к тому, чтобы содержание Подкрестной записи было известно всему населению. Ее текст рассылался «по всем городам и весям», зачитывался в соборных церквях и на площадях городов при большом скоплении народа. Эти факты свидетельствуют о том, что Шуйский отнесся к своей клятве не только как к политическому манифесту, а как к нормативному документу, содержащему принципы отправления правосудия в стране.

Л. В. Черепнин полагает, что этой Записью Василий Шуйский утверждал определенную политическую концепцию своего царствования, пообещав никого не подвергать опале «безвинно и безсудно», не выдавать никого «недругам в неправде» и всех подданных оберегать от незаконных насилий¹⁸. Н. М. Карамзин, анализируя текст Клятвенной записи, пришел к выводу, что новый царь «мыслил... избавить Россию от двух ужасных зол своего времени: ложных доносов и незаконных опал, соединенных с разорением целых семейств»¹⁹.

¹³ Полное собрание русских летописей. Т. 14. 1-я пол. СПб., 1910. С. 69. См. также: Собрание государственных грамот и договоров (далее — СГГ и Д). М., 1819. С. 390.

¹⁴ Хворостинин И. А. Слова дней и царей и святителей московских, еже есть в России // Русская историческая библиотека. 2-е изд. Л., 1925. Т. 13. Стб. 542.

¹⁵ Хворостинин И. А. Указ. соч. Стб. 543.

¹⁶ Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII веках. М., 1978. С. 155.

¹⁷ См.: Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 129.

Автор отмечает, что часто употребляемое в те годы выражение «вся земля» было равнозначно понятию Земского собора.

¹⁸ См.: Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 153.

¹⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 12. С. 3.

В. О. Ключевский высоко оценил Подкрестную запись, охарактеризовав ее как «смелый обет», составивший целую «эпоху нашей политической истории»²⁰. Он отметил, что, несмотря на то, что ее содержание касалось «лишь судебных дел», боярам его поступок «показался революционной выходкой», поскольку царь «призывал к участию в своей царской расправе не Боярскую думу, исконную сотрудницу государей в делах суда и управления, а Земский собор... [стремясь] переместить центр тяжести государственной жизни из боярской среды в народное представительство... В этой выходке бояре увидели небывалую новизну». В. О. Ключевский рассматривает Подкрестную запись как первый опыт построения государственного порядка на основе формального ограничения верховной власти. В Подкрестной записи Василий Шуйский принародно отрекся от прерогативы Ивана IV жаловать и казнить своих холопов по своей воле, а не по закону и судебному приговору, превратившись из «государя холопов в правомерного царя своих подданных, правящего по законам»²¹.

В. А. Рогов усмотрел в Записи Шуйского рождение принципиально нового правового документа, сопоставимого с Habeas Corpus Act: «аналогичный документ о защите прав личности и юридических гарантиях неприкосновенности был принят в Англии во время революции на 70 лет позднее... Содержание Записи не было пустым звуком. Оно сохраняло значение на протяжении всей первой половины XVII века, и в полном объеме положений вошло в Соборное Уложение 1649 года»²². Поэтому вряд ли возможно согласиться с позицией В. Козлякова, который высказал предположение, что содержание Подкрестной записи это лишь более подробное развитие положения первой статьи действовавшего Судебника 1550 г. «А судом не дружити и мстити никому»²³.

Договоры с польским королем Сигизмундом III Августом о приглашении королевича Владислава на русский престол от 4 (14) февраля и 17 (27) августа 1610 г. были задуманы как «писаный» конституционный акт, устанавливающий организацию верховной власти (форму правления), декларирующий права подданных и способы их правовой защиты.

В этих Договорах был рассмотрен широкий спектр проблем, включающих организацию и реализацию верховной власти; устройство органов управления и суда в центре и на местах, принципы отправления правосудия. Первый из них, заключенный в феврале 1610 г. тушинскими боярами²⁴ с польским королем Сигизмундом III, предусматривал сохранение суверенности Российского государства, существующей формы правления (сословной монархии) и обеспечение охраны личных и имущественных прав всего «московского народа», а также отправление правосудия по законам Российского государства.

²⁰ Ключевский В. О. Курс русской истории // Сочинения : в 9 т. М., 1988. Т. 3. С. 34—35.

²¹ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 36—37.

²² Рогов В. А., Рогов В. В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (очерки IX — середины XVII в.). М., 2006. С. 169—171.

²³ Козляков В. Смута в России. XVII век. М., 2007. С. 187.

²⁴ «Тушинцами» называли бояр, дворян и купцов, служивших в Тушинском лагере Лжедмитрию II.

Форма правления конституировалась как сословно-представительная монархия: глава государства — монарх, при нем Боярская дума с Освященным собором (высшим церковным органом) и представительство чинов от «всех земли» — «Земский всея земли собор»:

- 1) статус Земского собора прежде всего включал законодательные prerogatives. На Земском соборе обсуждались и принимались основные законы государства, а также решения по наиболее важным вопросам государственно-правового строительства (взимание налогов, распределение и перераспределение земельных, поместных наделов, определение количественного состава войск, суммы средств, необходимых на их содержание, объявление войны, заключение мира и т.п.);
- 2) принципы осуществления правосудия и необходимые меры по охране прав подданных прописаны в этом Договоре с достаточной четкостью, не допускающей двусмысленного толкования. Запрещено наказывать «людей всех чинов», «не сыскав вины» и не осудив приговором, вынесенным надлежащим составом суда: «з боярами и з думными людьми». Объективное вменение не допускалось и невиновные члены семьи никаким опалам и наказаниям не подвергались: «а жены, дети, братья, которые того учинку (преступлению) не помогали и не ведали, альбо не произволяли, казнены быть не мают» и отчизны и поместья у них конфискации не подлежали (ст. 11)²⁵;
- 3) В. О. Ключевский усматривал в этом документе попытку разделения властей с определением компетенции каждой из них: «Земскому собору договор усвоил учредительный авторитет. Ему же принадлежал и законодательный почин... Дума имеет законодательную власть: вместе с ней государь издает обыкновенные законы... Думе принадлежит и высшая судебная власть»²⁶. Историк называл рассматриваемый Договор «целым основным законом конституционной монархии, устанавливающим как устройство верховной власти, так и основные права подданных»²⁷;
- 4) впервые в выражениях, соответствующих религиозному и правовому сознанию того времени, провозглашалась независимость религиозного выбора населения от государства. «Отводити» христиан «от Греческой веры в Римскую и ни в которую иную веру» не разрешалось, как и принуждать силой к какому-либо вероисповеданию, поскольку «вера есть дар Божий, и никого от веры силою отводити или примушати не годится» (ст. 2);
- 5) также впервые в законном порядке разрешалось любому человеку — «каждому с народа Московского людем» — посещать другие христианские государства для науки или торговли (ст. 11).

Во втором Договоре от 17 (27) августа 1610 г. (названном Приговорной записью), заключенном между «Седьмочисленным» правительством (Семибоярщи-

²⁵ Текст Договора 4 (14) февраля 1610 г., названный Договорными статьями польского короля Сигизмунда III с московскими боярами, здесь и далее цит. по: Акты Западной России. СПб., 1851. Т. 4. № 180. С. 314—318.

²⁶ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 40.

²⁷ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 42.

ной), образованным после сведения с престола Василия Шуйского, и гетманом С. Жолкевским, представлявшим короля Сигизмунда III Августа, содержались «статьи» о том, «по которой мере быть на Российском государстве» королевичу Владиславу²⁸.

Текст этих статей в основном является повторением многих положений Подкрестной записи Василия Шуйского и Договора от 4 (14) февраля 1610 г. Форма правления оставлена без изменений — сословно-представительная монархия. Королевич Владислав, будущий русский царь, без согласования с Земским собором не мог принимать серьезных решений. Порядок принятия законов предусматривал необходимость утверждения их текстов Земским собором. «А буде похотят (“его государьская милость”) в чем пополнити для укрепления судов, на то поволити, з думою бояр и всея земли, чтоб было все праведно». Эти же требования касались и введения новых налогов, перемещения в должности представителей «княжеченских» родов, и вообще служивых людей, распоряжения земельными дачами и т.п.

Принципы отправления правосудия в этом проекте договора изложены подробнее, нежели в предшествующем. Прежде всего утверждались существующая в Московском государстве судебная система и порядок ее деятельности: «На Москве и по городам суду быти, и совершаться по прежнему обычаю и по судебнику Российского государьства», т.е. по законам и теми судебными органами, которые были введены на местах по земской и губной реформам 1550-х гг.

Специально оговаривалась недопустимость внесудебных расправ: «умышлением никаким, ни засылкою шкоты никакой (ложного доноса. — М. Ч.) и убийства над людьми Московского государьства не делати, и дворов, животов, и иного ничего у всяких людей не отыймати». Если кто-либо «из чину какого-нибудь» за действия свои «в государьских и земских делах» будет достоин наказания, то его вину следует установить в судебном порядке: «осудивши наперед с бояры и с думными людьми», и определить ему наказание по приговору суда в соответствии с тяжестью вины, «а не сыскав вины никого не казнити, и чести ни у кого не отнимати и в заточение не засылати, поместий вотчин и дворов не отыймати».

Подтверждалось также запрещение объективного вменения, касающегося родственников осужденного: «Жены, дети, братья, которые того дела не делали и не ведали и не хотели, и тых не казнити (не наказывать) чести ни у кого не отнимать, и в заточение не отсылать, поместий, вотчин и дворов не отнимать».

Королевич Владислав и все его чиновники, равно как и все московские люди, обязывались во всем следовать законам и не устраивать «безсудных расправ». Здесь четко выражено требование соблюдения законности всеми: от монарха и его приближенных до всего народа.

²⁸ Текст этого Договора цит. по: СГГ и Д. М., 1819 г., Т. 2. № 199. С. 391—405.

В февральском Договоре речь шла о приглашении царевича Владислава на московский престол, а в августовском — уже об утверждении его воцарения (см.: Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 164).

С. Ф. Платонов²⁹, В. О. Ключевский³⁰, Л. В. Черепнин³¹ полагают, что Договор, заключенный 17 (27) августа 1610 г. (Приговорная запись), носит более консервативный и аристократический характер, нежели Договор 4 (14) февраля. В обоснование этого заключения знаменитые историки ссылаются на отсутствие в Приговорной записи статьи, разрешающей выезд за границу всем подданным Русского государства для обучения или торговли, и положения о повышении в чинах и званиях людей «меньших станов». Здесь следует учитывать, что обычная практика того времени и не предполагала ограничений на выезд за рубеж «для торгового промысла» или «иного какого дела». Мы не встречаем таких ограничений (за исключением людей, состоящих на государственной службе) в более ранних документах, а в Соборном Уложении 1649 г. (гл. VI) определяется порядок оформления выезда «в иное государство, которое с Московским мирно». Документ устанавливает порядок выдачи «проезжих грамот» и устанавливает ответственность должностных лиц за задержку или необоснованный отказ в выдаче документов и выезжающих за обман таможенных властей или попытку выезда без документов³².

Статьи, предусматривающие повышение за заслуги людей «меньших станов», не исключены из Договора, а даны в другой редакции: литовских и польских людей, которые будут служить Московскому государю, предписывалось награждать «по достоинству, кто чего достоин», с ограниченным перечнем должностей, которые им позволялось занимать в России. Однако при всех замечаниях в адрес этой редакции Договора В. О. Ключевский и Л. В. Черепнин отмечают, что большая часть статей, касающихся государственного устройства, была оставлена неизменной: «Правовые основы сословно-представительной монархии в целом и там и здесь представлены одинаково»³³. Высшая власть в государстве сохранена в той же структуре: Монарх (обязательно православный и венчанный патриархом), при нем Боярская дума, а для решения наиболее важных вопросов государственно-правового строительства — представительный орган — Земский собор с законодательными полномочиями. «В Приговорной записи московских бояр и гетмана Жолкевского действительно формировались политические и правовые представления о сословно-представительной монархии»³⁴.

«Седьмочисленное» правительство, представлявшее собой временное правительство, взявшее власть в свои руки после детронирования Василия Шуйского, от своего имени издало несколько актов, называемых окружными грамотами. Они направлялись в различные города Московского государства и содержали обращение правительства ко всем их жителям. Сохранилась Окружная грамота бояр, окольничих и всех чинов Московского государства в Пермь Великую о сведении царя Василия Иоанновича Шуйского от 20 июля 1610 г. В ней из-

²⁹ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII веков. М., 1937. С. 352.

³⁰ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 42.

³¹ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 163.

³² См: Соборное уложение 1649 года. Гл. VI. Ст. 1—6.

³³ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 163.

³⁴ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 167.

лагались причины сведения Василия Шуйского с престола и декларировалась «законность» этого акта. Правительство неоднократно подчеркивало, что решение было принято «всей землей» по инициативе «людей всех чинов» Московского государства.

Сохранилась также Крестоцеловальная запись с присягой от всех чинов (т.е. всего населения) Московским боярам («Седьмочисленному» правительству), датированная 24 июля 1610 г. Ее содержание включало взаимные обязательства, данные, с одной стороны, всеми чинами Московского государства («всею землею») боярскому правительству в лице его председателя — князя Ф. И. Мстиславского «с сотоварищи», а с другой — самим этим правительством народу.

Все чины Московского государства целовали крест «на том, что нам во всем их (правительство) слушати и суд их всякой любити, и что они кому за службу и за вину приговорят, и за Московское государство и за них стояти и с изменниками битись до смерти».

Боярское правительство, со своей стороны, обязывалось также «стояти за Московское государство», и судить весь народ «праведным судом», и «выбрати нами, со всякими людьми, всею землею, сослався с города, кого Бог даст на Московское государство».

Знаменательно, что в Крестоцеловальной грамоте от 24 июля 1610 г., наряду с необходимостью защищать отечество и законным порядком избирать царя на российский престол, упоминаются, с одной стороны (от всех чинов), требование правосудия, ожидаемого от власти, а с другой (от правительства) — обязательство его неуклонного соблюдения. Новеллой в этом документе являются заверения, данные «всей землей» о прекращении со стороны народа самоуправных и бессудных расправ, имевших место в гражданскую войну.

Следующим документом в ряду актов с конституционным содержанием стал Приговор Земского собора Первого ополчения 30 июня 1611 г. Он также устанавливал форму правления, порядок принятия законов, принципы реализации правосудия. Приговор выстраивал всю структуру власти и управления в государстве. Высшими властными и законодательными полномочиями наделялся Земский собор, которому вручалась верховная власть в рати и во всем царстве. Кроме Земского собора назван Совет рати, наделенный правительственными полномочиями и подотчетный Земскому собору. Этот Совет являлся «единым руководящим органом движения и высшим органом власти на освобожденной территории»³⁵. Он осуществлял власть в межсоборные периоды. Порядок его формирования, пределы компетенции и области управления и судопроизводства определялись решениями Земского собора. В случае если члены Совета «не будут о земских делах радети и расправы чинити не учнут во всем в правду, и по сему приговору всяких земских и ратных дел делати не станут, и за ними всякие земские дела поостановятся», они могут быть переизбраны «всей землей», а «в то место выбраны иные», т.е. в России впервые создавалось ответственное правительство и провозглашалось право отзыва выбранного лица за неисполнение

³⁵ Волков В. А. Организация государственной власти в земских освободительных движениях // Советское государство и право. 1986. № 6. С. 126—127.

или ненадлежащее исполнение возложенных на него обязанностей. Приговор подтвердил и оформил сословно-представительную организацию верховной власти и управления страной³⁶.

Вопросам осуществления правосудия Приговор уделил серьезное внимание и сформулировал новые законоположения в этой области. Была принята норма о создании специальных судебных органов, в ведение которых входят следствие и судопроизводство по наиболее тяжким уголовным преступлениям, таким как грабеж, убийство, разбой, умышленный поджог. Для судопроизводства по этим категориям дел предписывалось «устроить Разбойный и Земский приказы», «как прежнее на Москве было» (ст. 18). При этом новшество состояло в требовании обязательного утверждения Земским собором приговоров судов всех уровней, назначающих в виде санкции смертную казнь или ссылку в другие города или отдаленные местности. Нарушение этого правила влекло за собой ответственность вплоть до смертной казни: «А хто кого убьет без земского приговору и того самого казнити смертью» (ст. 19).

На приказные и местные суды возлагались расследование уголовных дел — «ыскание правды» и вынесение приговоров, определяющих вид и меру наказания преступникам, совершившим преступные деяния на подведомственной им территории, по категориям дел, относящимся к их компетенции. Приговор Собора Первого ополчения специально обратил внимание на недопустимость произвола и внесудебных расправ со стороны не только государственных органов, но и самих граждан: «Семьями ни кому ни кого не побивати и недружбы ни которые никому не мстити. А кому до кого какое дело, и о том управе бити челом боярам и всей земле».

Составители Приговора приняли все меры к пресечению «самочинных» расправ между людьми, способствуя восстановлению нормального правопорядка. В статье 19 получило отражение требование служилых людей о равном суде для всех, которое давно уже «носилося в воздухе того времени и нашло отражение в Приговоре 1611 года»³⁷.

Приговором запрещались незаконные поборы с населения (сверх установленного размера налогов) со стороны воевод; сбор всех денежных доходов непосредственно возлагался на чиновников финансовых ведомств с проверкой их деятельности «всей землей» — Земским собором.

Этот факт имел, безусловно, положительное значение, ибо сословная монархия являлась на тот момент наиболее прогрессивной формой правления, отвечающей интересам всех слоев общества. Более того, именно институты сословно-представительной монархии стали основой формирования европейских демократических институтов Нового времени, которые оказались вполне совместимы с монархией как таковой. Так, наиболее либеральными и демократичными политическими системами и сегодня остаются конституционные монархии — от Дании и Нидерландов до Австралии и Канады.

³⁶ Волков В. А. Указ. соч. С. 127.

³⁷ Новицкая Т. Е. Комментарий к ст. 19 Приговора Земского собора Первого ополчения 30 июня 1611 г. // Российское законодательство X—XX веков : в 9 т. М., 1985. Т. 3. С. 60.

Таким образом, обобщение содержания ряда нормативных актов и деклараций, принятых в XVI—XVII вв., дает все основания утверждать, что в них нашли свое воплощение конституционные ценности, признаваемые современной наукой: легитимная форма правления (сословно-представительная монархия); разграничение полномочий между законодательным и распорядительными органами (Земский собор, правительство, приказы); порядок принятия законов, ограничивающий компетенцию верховной власти, наличие органов с законодательными полномочиями (Боярская дума, Земский собор); условия избрания или назначения должностных лиц в органы центральной и местной властей с правом их отзыва в случае ненадлежащего исполнения ими своих обязанностей; а также утверждение принципов отправления правосудия, равно как и мер, обеспечивающих защиту прав подданных.

По окончании Смутного времени начался период царствования Михаила Федоровича и Алексея Михайловича Романовых, который вошел в историю как период сословно-представительной монархии. Земские соборы собирались регулярно (как правило, раз в два-три года) и решали важнейшие вопросы государственного и церковного строительства.

Главным юридическим памятником этой эпохи становится принятое Земским собором 1648—1649 гг. Соборное уложение, которое при всей своей двойственности продолжало декларировать признание целого ряда правовых институтов, направленных на охрану конституционных ценностей.

В царствование Алексея Михайловича по различным причинам резко возросла роль служилого сословия — дворян, что сопровождалось значительным ухудшением положения крестьянства. В отличие от бояр-вотчинников дворяне имели, как правило, небольшие поместья, и эксплуатация крестьян в этих условиях усиливалась. Правительство не могло сопротивляться дворянским требованиям, так как остро нуждалось в военной силе, да и само постепенно стало формироваться почти исключительно из дворян.

В результате в России по аналогии с Германией, Венгрией и Польшей оформляется полноценное крепостное право. Результатом этого положения стало резкое ослабление начал самоуправления как в сельских общинах, так и в городах. В стране складываются условия для перехода от сословно-представительного государственного устройства, опирающегося на земское самоуправление, к помещичье-бюрократическому абсолютизму.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баглай М. В., Габричидзе Б. Н. Конституционное право Российской Федерации. — М., 1996.
2. Волков В. А. Организация государственной власти в земских освободительных движениях // Советское государство и право. — 1986. — № 6.
3. История Конституции России : хрестоматия. — СПб., 2010.
4. Карамзин Н. М. История государства Российского. — М., 1989. — Кн. 3. — Т. 12.
5. Ключевский В. О. Курс русской истории // Сочинения : в 9 т. — М., 1988. — Т. 3.

6. *Козляков В.* Смута в России. XVII век. — М., 2007.
7. *Корсаков Д. А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны. — Казань, 1880.
8. *Михалева Н. А.* Становление и развитие отечественной науки конституционного права // История юридических наук в России. — М., 2009.
9. *Новицкая Т. Е.* Комментарий к ст. 19 Приговора Земского собора Первого ополчения 30 июня 1611 г. // Российское законодательство X—XX веков : в 9 т. — М., 1985. — Т. 3.
10. *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII веков. — М., 1937.
11. *Рогов В. А., Рогов В. В.* Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (очерки IX — середины XVII в.) — М., 2006.
12. *Хворостинин И. А.* Слова днй и царей и святителей московских, еже есть в России // Русская историческая библиотека. Л., 1925. — 2-е изд. — Т. 13.
13. *Черепнин Л. В.* Земские соборы русского государства в XVI—XVII веках. — М., 1978.
14. *Чиркин В. Е.* Конституционное право России. — 6-е изд. — М., 2009.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРОЕКТА А. Р. ВОРОНЦОВА 1801 г.

Аннотация. Как известно, одним из вопросов, планировавшихся к реализации в ходе реформ начала царствования императора Александра I, был вопрос о разработке проекта российской конституции. В специфических условиях Российской империи начала XIX в. данный конституционный проект принял форму Грамоты российскому народу (Всемилоостивейшей грамоты, российскому народу жалуемой), которая, по мысли императора Александра I, должна была быть утверждена и обнародована в день его коронации.

Основным проектом Грамоты о правах и свободах граждан, рассмотренным в Негласном комитете, стал проект А. Р. Воронцова, известного государственного деятеля эпохи императрицы Екатерины II, возвращенного на государственную службу в начале царствования императора Александра I.

В своей основе проект А. В. Воронцова представлял собой феодальную хартию, составленную главным образом в интересах дворянского сословия, но подтверждение и утверждение в нем ряда прав мещан и купцов, а также и крестьян дает основание говорить о его частично универсальном характере.

По различным причинам император Александр I так и не решился утвердить данный проект, который тем не менее имеет большое научное значение.

Ключевые слова: конституционный проект, административные реформы, учреждение, государственное управление, государственная система.

**Михаил Анатольевич
ПРИХОДЬКО,**

кандидат юридических наук,
доцент кафедры истории
государства и права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
mprihod@list.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.48.8.051-066

M. A. PRIKHODKO,

PhD, Senior Lecturer in the History State and Law
of the O. Kutafin University (MSAL)
mprihod@list.ru

125993, Moscow, Sadovaia-Kydrinskaia Str., 9

RECONSTRUCTION OF THE FINAL EDITORIAL OF THE CONSTITUTIONAL PROJECT OF ARVONTSOV 1801

Abstract. As you know, one of the issues planned for the implementation of reforms during the reign of the reign of Emperor Alexander I was the question of drafting a Russian constitution.

© М. А. Приходько, 2018

In the specific conditions of the Russian Empire of the early XIX century, this constitutional project took the form of «Letters to the Russian people», which was supposed to be approved and promulgated on the day of his coronation in the opinion of Emperor Alexander I.

The main draft of the Charter, considered in the Secret Committee, was the project of A. R. Vorontsov, a famous statesman of the era of Empress Catherine II, returned to the civil service at the beginning of the reign of Emperor Alexander I.

At its core, the A. R. Vorontsov project was a feudal charter composed primarily in the interests of the nobility, but affirming and affirming in it a number of rights of philistines and merchants, as well as peasants, gives grounds to speak of its partially universal character.

For various reasons, Emperor Alexander I never decided to approve this project, nevertheless, this project has great scientific significance.

Keywords: constitutional project, administrative reforms, institution, public administration, state system.

Как известно, одним из вопросов, планировавшихся к реализации в ходе реформ начала царствования императора Александра I, был вопрос о разработке проекта российской конституции.

В специфических условиях Российской империи начала XIX в. данный конституционный проект принял форму Грамоты российскому народу (Всемилощивейшей грамоты, российскому народу жалуемой), которая, по мысли императора Александра I, должна была быть утверждена и обнародована в день его коронации.

Основным проектом Грамоты о правах и свободах граждан, рассмотренным в Негласном комитете, стал проект А. Р. Воронцова, известного государственного деятеля эпохи императрицы Екатерины II, возвращенного на государственную службу в начале царствования императора Александра I.

В своей основе проект А. В. Воронцова представлял собой феодальную хартию, составленную главным образом в интересах дворянского сословия, но подтверждение и утверждение в нем ряда прав мещан и купцов, а также и крестьян дает основание говорить о его частично универсальном характере.

Кроме того, само содержание проекта свидетельствовало о несомненном влиянии, оказанном на процесс его разработки известных конституционных актов Англии — Великой хартии вольностей (Magna Charta) 1215 г., Акта о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями (Habeas corpus Amendment Act) 1679 г., а также французской Декларации прав человека и гражданина (La Declaration des droits de L'homme et tu du citoyen) 1789 г. в редакции 1795 г.

По различным причинам император Александр I так и не решился утвердить данный проект. Публикации текста проекта сами по себе уже имеют определенную историю.

Впервые так называемая первоначальная редакция (из 20 статей (пунктов)) Грамоты, российскому народу жалуемой, А. Р. Воронцова была опубликована на

французском языке в 1908 г. в приложении к журналу «Русский архив»¹. Далее, уже на русском языке, этот проект был опубликован в 1936 г. в сборнике «А. Н. Радищев. Материалы и исследования»².

Текст так называемой окончательной редакции (в 26 ст.) проекта Грамоты, российскому народу жалуемой, был впервые опубликован в 1923 г. в книге В. П. Семенникова «Радищев: Очерки и исследования»³. В последующем этот текст был переиздан в сборниках документов, посвященных конституционным проектам в России в XVIII — начале XX в. в 2000⁴ и в 2010⁵ гг.

Полный текст (в составе 28 ст.) проекта Грамоты, российскому народу жалуемой, был опубликован в уже упомянутой нами книге В. П. Семенникова⁶. Недостатком данной публикации было то, что текст проекта был разбит на две части — основной текст и три дополнительные статьи, помещенные в комментариях⁷.

При этом до настоящего времени не опубликован сводный текст проекта Грамоты, российскому народу жалуемой. Ввиду этого мы решили осуществить современную публикацию сводного текста всех редакций конституционного проекта А. Р. Воронцова. Тем самым реконструированный текст документа становится своеобразным наглядным пособием и значительно облегчает восприятие изучаемой тематики.

Таким образом, мы представляем вниманию широкой научной общественности документ, составленный А. Р. Воронцовым⁸ почти 217 лет назад (в 1801 г.) в его наиболее полном виде.

Этот исчерпывающий текст проекта А. Р. Воронцова позволяет отчетливо выделить основные редакции данного документа⁹:

- 1) первоначальная редакция в составе 20 статей (№ 1—20 по тексту приложения, выделенному курсивом), представленная императору Александру I во временной отрезок с 24 июня по 10 июля 1801 г.;
- 2) полная редакция в составе 28 статей (№ 1—27, 29), рассмотренная в Негласном комитете 13 (точнее 12) августа 1801 г.;

¹ Русский архив. 1908. Вып. 6. Приложение. Из архива Собственной Е. И. В. канцелярии. С. 4—18.

² Радищев А. Н. Материалы и исследования. М. -Л., 1936. С. 77—81.

³ Семенников В. П. Радищев: материалы и исследования. М. -Пг., 1923. С. 180—194.

⁴ Конституционные проекты в России. XVIII — начало XX века / отв. ред. С. Бертолисси. М., 2000. С. 321—333.

⁵ Конституционные проекты в России XVIII — начала XX в. / сост. А. Н. Медушевский. М., 2010. С. 199—209.

⁶ Семенников В. П. Указ. соч. С. 180—194, 432—433.

⁷ Недостаток, обусловленный выявлением трех первых статей проекта непосредственно в ходе печати книги.

⁸ При участии В. П. Кочубея, Н. Н. Новосильцева, а также М. М. Сперанского.

⁹ Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 171 ; Захаров В. Ю. «Всемилоостивейшая жалованная грамота российскому народу» 1801 г. в контексте развития конституционных идей в России во второй половине XVIII — начале XIX в. М., 2002. С. 106—113.

- 3) редакция в составе 25 статей, обсуждавшаяся в Непременном совете 9 сентября 1801 г. (№ 4—27, 29);
- 4) окончательная редакция в составе 26 статей с изменениями, внесенными в текст проекта после 9 сентября 1801 г. (№ 4—29).

Исходя из этого, окончательной редакцией конституционного проекта А. Р. Воронцова (проекта Всемилоостивейшей грамоты, российскому народу жалуемой) является текст, состоящий из статей № 4—29 данной реконструкции.

Дополнительную ценность этой публикации придает тот факт, что рядом советских¹⁰ и современных¹¹ исследователей Грамота российскому народу А. Р. Воронцова трактуется как первый проект в серии конституционных проектов александровского времени. Автор статьи присоединяется к данной точке зрения.

[Сводный текст]

**ГРАМОТА РОССИЙСКОМУ НАРОДУ
(ПРОЕКТ ВСЕМОЛОСТИВЕЙШЕЙ ГРАМОТЫ, РОССИЙСКОМУ
НАРОДУ ЖАЛУЕМОЙ) 1801 г.¹²**

По титуле Его Императорского Величества

При вступлении нашем по воле Всевышняго на прародительский престол, извещая о сем любезных наших верноподданных, того ж дня манифестом изъявили мы волю и намерение наше употребить все силы и старания к усчастливлению России, управляя народом, скипетру нашему от Бога вверенному, коренными законами, имея первым предметом благоденствие всех наших верноподданных. Сей приятный долг сердцу нашему потщимся мы во всем его пространстве выполнить, принося теплые молитвы пред Богом, да подкрепит и поможет в бремени сего служения, по воле Царя царей на нас возложенном.

По случаю коронования и миропомазания нашего за долг себе поставляем пред сердцевидцем Богом и пред сим славным и многочисленным народом, скипетру нашему подвластным, изъявить, что всегда первый и единый наш предмет будет благополучие, спокойствие и сохранение целостности Российского государства и народа. Не менее правилом себе поставляем признать сию истину, что не народы сделаны для государей, а сами государи промыслом Божиим установлены для пользы и благополучия народов, под державою их живущих, а посему узяконяем и обещаем императорским нашим словом за нас и преемников наших, яко коренным законом, следующие статьи:

¹⁰ См.: *Минаева Н. В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982. С. 41—51; *Грацианский П. С.* Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984. С. 83—86.

¹¹ *Крыжанюк О. В.* Негласный комитет и его проекты // *Международный исторический журнал.* 2000. № 11. С. 12; *Захаров В. Ю.* Указ. соч. С. 114—115; *Кодан С. В.* «Все лица, равно законам суть подвластны» // *Чиновник.* 2003. № 6 (28). С. 4.

¹² Российский государственный исторический архив. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 149. Л. 1—27; Санкт-Петербургский институт истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 400. Л. 210—215; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 637. Оп. 1. Д. 922. Л. 1—18.

1.

Нельзя не признать, конечно, по обширности России и разных народов, в ней обитающих, что не токмо польза, но и самое сохранение империи требует управления государя, со властью, сану его свойственною: власть сия да не употребится как на пользу и благо наших верных подданных.

2.

Не менее нужным полагаем, чтоб престол российский не мог быть подвержен переменам и пребыл наследственным. Не нужно распространяться, сколь противное тому сопряжено не только с неудобностями, но и с падением самого государства. В истории Отечества нашего довольно тому примеров, воспоминание коих всякому россиянину не может быть не чувствительно. Упреждая такие худые последствия, императорскою нашею властью подтверждаем узаконение о наследстве российского престола, сделанное блаженной памяти государем императором, родителем нашим, и читанное самим Его Величеством в Успенском соборе в день его коронации, пятого апреля 1797 года.

3.

Первые подвиги при вступлении нашем на прародительский императорский всероссийский престол ознаменовали желание обратить все внимание наше, дабы утвердить прочным образом Правительствующий Сенат яко место, признанное удобнейшим и в виде том прапрадедом нашим государем императором Петром Великим установленное, чтоб облегчить бремя правления, для лучшего исполнения воли нашей и бдения, дабы законы государственные не нарушались и польза общая при всяком случае предохраняема была. В сем намерении собственноручным указом возложили мы Правительствующему Сенату представить нам все то, что в такой цели послужить может к лучшему основанию сего верховного Правительства. Сенат исполнил волю нашу, представя на усмотрение наше положение, которое, признавая для настоящего времени сходственным с желанием нашим утвердить сколько возможно благо общественное, мы все то утвердили, уповая, что Правительствующий Сенат первым предметом навсегда иметь будет пользу и благоденствие России. Сие положение сенатское мы здесь паки торжественно подтверждаем.

4.

Признавая, сколь существующие законы, о поправлении коих и предшествующие нас государи помышляли, недостаточны суть, мы долгом почитаем особое внимание к важному предмету сему обратить и для того учредили уже особую комиссию, ничего так не желая, как видеть успехи сего нашего намерения, клонящегося к тому, дабы Россия достаточными и ясными законами на всякую часть и на каждое состояние людей, пространную империю нашу составляющих, обрела новую твердость и блаженство, дабы безопасность личная и собственность каждого ограждены были, дабы наказания, если они место иметь должны, извлекаемы были не инако, как из натуры самого преступления, и не отягощали судьбу каждого выше им содеянного. Не прежде ощутим мы некоторое внутреннее удовольствие, как когда увидим Отечество наше снабженным всеми нужными

узаконениями для основания вообще блага оного, и дабы каждый под охранением их мог жить спокойно и безопасно при нас и преемниках наших.

5.

Подтверждаем и возобновляем все права и преимущества, данные дворянству прежними российскими государями, а наипаче указом императора Петра III, именуемым: «О вольностях дворянства», и Грамоту дворянскую императрицы Екатерины II.

[I. Подтвердить и возобновить права и преимущества, данные дворянству предыдущими государями, и именной указ государя Петра III по сей материи, и учреждение покойной императрицы Екатерины II, называемое дворянская грамота]¹³.

6.

Подтверждаем и даем дворянству полную свободу жительства иметь в той части Российской империи, где кто пожелает, переменять свое пребывание, выезжать из государства и возвращаться в оное по своему благоусмотрению, не опасаясь нимало, чтобы по отбытии за пределы России остающиеся имения или права могли подвергнуться опасности или нарушению, ибо пребывают они под защитой законов, собственность ограждающих. — Свобода выезжать за пределы государства да будет навсегда ненарушимым правом российского дворянина, и да не будет обязан он испрашивать на сие каждый раз монаршего соизволения, исключая только чрезвычайные случаи, как, например: пресечение сообщения с какою-либо державою или тому подобное, о чем, однако ж, всегда будет обнаружено.

[II. Дать дворянству полную свободу житьствовать во всех частях государства, где пожелают; переменять жительство, когда заблагорассудят, выезжать из государства, возвращаться в оное без малейшей опасности для имения или по делам всякого рода, кои остаются в государстве; словом, чтобы раз навсегда дворянство пользовалось сим правом отныне впредь, не имея уже обязанность на каждой раз выпрашивать монаршее соизволение, кроме только в экстренных и особых случаях, о коих за время будет оглашено, как то, например, в случае пресечения сообщения с какой-нибудь державой или тому подобное и прочее].

7.

Российскому дворянству да будет свободно вступать или не вступать в службу нашу, но те, кои не будут отправлять никакого рода служения, не могут пользоваться выгодами и преимуществами, службою приобретаемыми. Воля наша, однако ж, есть, чтоб и те из дворян, кои по разным обстоятельствам сего долга пред Отечеством выполнить не могут, лишаясь выгод и преимуществ, службою приобретаемых, пользовались правом, естественно каждому дворянину, недви-

¹³ Вследствие существенного текстуального различия, статьи первоначальной редакции публикуются в квадратных скобках, выделены курсивом и римской нумерацией и помещены в составе статей последующих редакций, близких по смыслу и текстуально.

жимую собственность имеющему, принадлежащим, участвовать в выборах и быть избираемыми на места, от выбора дворянского зависящие.

Российскому дворянству да будет свободно вступать на службу дружественных или союзных держав, не испрашивая на то особого дозволения.

[III. Чтoб было в воле дворянства вступать в службу или не вступать, разумеv, oднако же, при том, что те, кои служить не будут, не возмогут пользоваться выгодами и преимуществами, кои приобретаются единственно службою].

8.

Порядок наследства и право в приобретении oного да будут впредь непоколебимы и ненарушаемо постановлены законами Российской империи, и сей законами утвержденный порядок наследства да не будет никогда и ни под каким предлогом отменен или нарушен какою-либо властью, и все особые постановления, порядок сей испровергающие, как то: конфирмованная духовная, или прошение, утвержденное императорским Величеством, или другая каковая перемена в узаконенном правиле да будет без действия [разумея сие на будущее время, если бы таковые распоряжения, несходные с законами, после настоящего постановления могли быть учинены; что же касается до прежних, на которые последовали императорские конфирмации, оные остаются в своей силе без нарушения]¹⁴ отныне и впредь.

Общее и законным исстари признанное правило о наследствах недвижимого имения состоит в том, что всякой российский подданный, собственность имеющий, располагает родовым или наследственным имением на основании, российским законом определенном, благоприобретенное же отдает или завещает по воле и благоусмотрению своему.

[IV. Чтoбы порядок наследства или форма приглашения к наследствию имения были бы непоколебимо и ненарушимо восстановлены и ограничены по законам государства о сей материи; и чтoб ни в какое время, ни под каким видом не мог бы сей законной порядок быть нарушен или отменен под особым предлогом или экстренным случаем, как то духовная конформованная, прошение утвержденное или другое какое нарушение подобного рода.

Общее и давно признанное правило по сей материи состоя в следующих двух пунктах:

- 1) каждый помещик располагает имением своим родовым по закону, то есть родовое родом и благоприобретенным по воле своей;
- 2) каждое имение благоприобретенное, о коем завещатель именно не упоминает, будет законами почитаемо родовым и уже под сим видом и именем к наследникам войдет в расчет и раздел].

9.

Торговля Российской империи, внешняя и внутренняя, да пользуется всегда и во всякое время особым покровительством правительства, и да обратит оно неослабое попечение о размножении естественных и искусственных произ-

¹⁴ Слова, внесенные в текст проекта М. М. Сперанским после 9 сентября 1801 г.

ведений в государстве, да поощряет отыскание всяких вещей полезных, как то: металлических руд, минералов, солей и других земных произведений.

Владелец, обретший и отыскавший в пределах земель, ему принадлежащих, вышеуказанные земные произведения, толико государству полезные и распространению торговли толико способствующие, да имеет к оным всегдашнее и неоспоримое право, и где бы таковые произведения ни были, на поверхности земли или в ее недрах, в лесах, водах и где бы то ни было, но во владениях его, да имеет право обрабатывать их для собственной своей пользы; казна же, исключая установленной законами подати, никакого другого права тут да не предъявит.

Долг правительства есть пещися, чтобы внутри государства существовала везде всевозможная удобность для перевоза и пересылки всяких естественных и искусственных произведений; да покровительствует и да чинит оно всякое вспоможение в обращении произведений и товаров, и никто да не опасается, чтоб когда и под каким-либо предлогом положена была сему внутреннему обращению преграда, или оное стесняемо было впредь каковым постановлением или узаконением, могущим сделать помешательство в сем столь важном предмете общей пользы, — и существующее или впредь последовать могущее какое-либо установление, затрудняющее достижение сей полезной для блага народного цели, да почтется недействительным.

[V. Чтобы дано было правлением самое вящее покровительство торговли, размножению природных государства продуктов, равно и изобретению новых предметов полезных, как то руды, полуметаллы, соли, селитры и другие земляные произведения.]

Чтобы каждый помещик, которой в своем имении отыщет или изобретет таковые полезные предметы для размножения торговли, где б оные не оказались, на поверхности или в недрах земли, в лесах или в водах, мог бы оных обрабатывать и обратить в пользу свою, не лишая, однако ж, казну следующих по закону ей пошлин с таковых заведений.]

Чтобы внутри государства для перевоза и пересылки всяких продуктов или рукоделий из места в место для удобнейшего их течения было б сделано всякое вспоможение и не опасались бы нового какого узаконения, могущего нанести затруднение, или помешательства для сего столь желаемого предмета всеобщей народной пользе].

10.

Утверждаем и постановляем впредь навсегда и ненарушимо, что безопасность личная есть право, российскому подданному существенно принадлежащее; почему каждый да пользуется оною сообразно с званием и чиносостоянием своим. Право сие да пребудет всегда под священной стражею закона.

Возобновляем, утверждаем и постановляем, что право собственности движимого и недвижимого имения есть право российского подданного, поколику оно свойственно в силу законов каждому чиносостоянию в государстве.

[VI. Чтобы всякого роду собственность, как то самоличная, движимая и недвижимая, как родовая так и благоприобретенная, была бы каждому утверждена и предохранена законом].

11.

Каждый российский подданный да пользуется невозбранно свободою мысли, веры или исповедания, богослужения, слова или речи, письма и деяния, поколику они законам государственным не противны и никому не оскорбительны.

12.

Подтверждаем, по силе Указа 1787 года, право гражданской давности, касающееся до собственности или владения движимым и недвижимым имением так, что если кто владеет каким-либо имением или если пользовался кто чрез десять лет каким-либо правом бесспорно и спокойно, и если в течение сих десяти лет никто не оспаривал такого владения или права и о том не производил иска, то по окончании сего узаконенного десятилетнего срока всякой владелец да почтется законным того имения владельцем, и да не приемлется на оное спора, и иска о нем да не произведется ни от кого, ни от частных людей, ни со стороны казенной.

Сие, мирное и бесспорное десяти лет владение, правом давности или просрочки утвержденное, обращается для пользовавшегося оным в право владения действительное и неоспоримое, и да послужит впредь вместо всяких законных документов на имение, если бы оных кто не имел.

[VII. Подтвердить и возобновить еще силу Указа 1787 года, коим восстанавливается и утверждается срок 10-летнего права давности для всякого преступления как по гражданской, так и по уголовной части; итак отныне впредь всякое преступление, какого бы роду ни было, о коем не оглашено было в течение 10 лет, не подлежит уже никакому розыску, ни справке, но будет почитаться по законам яко не существующее.

Равно прилагается сие правило к владению собственностей. Итак, каждый помещик, когда владел покойно и бесспорно имением каким 10 лет и в течение сего времени буде не оказалось никакого спору, таковой помещик по истечении вышесказанного срока почитается уже законным владельцем того имения и не приемлется уже никакого спорного прошения или документа не только от партикулярных лиц, но даже и от казенного места.

Сие покойное и бесспорное занимание 10-летнее утверждает владение, и сие право давности обращается для пользующего оным в настоящее и неспорное впредь право владения и заменяет всякий другой законный документ, буде помещик другого не имеет].

13.

Подтверждаем и возобновляем все права и преимущества, данные городам, купечеству и мещанству российскими государями, а наипаче Грамотою Ее Величества императрицы Екатерины Второй, названною Городовым положением.

14.

Подтверждаем и жалуем всем, записавшимся в купечество и мещанство, свободу избирать и переменять жительство во всех городах по своему желанию. Равным образом да имеют они свободу выезжать за границу, давая надежное поручительство, если кто имеет каковыя обязательства, как и в исправном платеже следуемых с них податей.

[VIII. Чтоб свободно было мещанину и купцу избирать жительство и оное перемывать по воле во всех городах государства, равно и выезжать из государства, оставляя достаточное и законное поручительство по обязанностям своим, буде он их имеет, и без всякого поручительства, буде он очищен от всяких обязанностей.

Сия очистка обязанностей доставляется ему от магистрата или другого подлежащего присутственного места того города, в коем проситель пребывание свое имел].

15.

Буде случится, что за какой-либо иск, или как бы то ни было, имение поселянина подлежать будет описи, конфискованию или отъятию, то все земледельческие орудия и все, к ремеслу его принадлежащее, как то: соха или плуг, борона, коса, телега и тому подобное, лошади, волы, житницы с семянным хлебом, овин или рига и другие земледельческие строения, к званию земледельца относящиеся, не должны у него быть отъяты ни под каким видом и ни в какое время.

Сия собственность, основывая существенно состояние земледельца, не имеет быть ни под каким видом и предлогом нарушаема, ни за казенный каковой долг, взыскание, недоимку или подать, ниже за какое-либо требование владельца, и да пребудет она свята и ненарушима навсегда. Земледелец, лишаясь ее, лишается совсем своего звания.

[IX. В случае конфискации за долг или иначе над крестьянином орудия пахатные и все то, что принадлежит до его ремесла, как то соха, плуга, борона, лошади, волы и прочее тому подобное, ни под каким видом и ни в какое время не долженствует отнято у него быть.

Сия собственность движимая, будучи единая только по нашим законам, предоставленная крестьянину (ибо самоличная и недвижимая не суть подлежащими его сану), должна тем паче ему так утверждена быть, чтобы никаким образом он не мог оной лишиться, ни казною за долг податей, ни господином своим].

16.

Обвиняемый в каком-либо преступлении или под судом находящийся да не почитается преступником, и да не лишается тем доброго в обществе о нем мнения, и да пользуется всеми личными преимуществами (буде какие имеет), доколе действительно не будет доказано, что он преступление учинил и доколе не будет оно объявлено решительным приговором законных судей.

[X. Каждый обвиненный или преступник да не будет почтен преступником и не лишится благомыслия общего, ни употребления личных преимуществ (буде он какие-то имеет), доколе преступление его не будет утверждено и оглашено решительным приговором].

17.

Обещаем императорским нашим словом обратить все внимание наше к усовершенствованию права, отчасти в российской юриспруденции уже существующего, дабы всякий подданный российский судим был судиями равного с ним

состояния. Ничего сердцу нашему не будет приятнее, как основать на твердых и единых для всех званий правилах правосудие в империи нашей.

18.

Обвиняемому в преступлении, или под судом находящемуся, да будет дозволено во всех случаях, не токмо если того пожелает, но да будет ему предложено избрать себе для суда защитника; сие предложение об избрании защитника долженствует быть существенно к обряду судопроизводства принадлежащим.

[XI. Каждому обвиненному и во всех возможных случаях да будет не токмо позволено, ежели пожелает, но предложено даже избрать себе защитника; и сие предложение да будет обстоятельство формальное и неперменное при каждом тяжёбом производстве].

19.

Обвиняемый в преступлении или под судом находящийся да имеет неперменное право отвергнуть судей, постановленных для суждения о его преступлении, объявляя законную причину, для чего он их отвергает.

Отвержение судей равным образом распространиться должно и на дела тяжёбые или гражданские.

[XII. Каждый обвиненный или преступник да имеет право опровергнуть судей своих, изъясняя причины, кои он для сего имеет].

20.

Да никто, не имеющий на то власти, законами данной, не дерзает российского подданного (к такому бы чиносостоянию он ни принадлежал) оскорблять в личной его безопасности, лишая его свободы, заточая, сажая в темницу, налагая оковы или просто имая под стражу.

21.

Если кто взят будет под стражу, или посажен в тюрьму, или задержан где насильственным образом, и если в течение трех дней не будет ему объявлено о причине, для которой он взят стражу, посажен в тюрьму или задержан, и если в сей тридневный срок он не будет представлен пред законный суд, для учинения ему допросов и для произведения над ним суда, то по единственному его требованию свободы от ближайшего начальства да освободится непременно в тот час, ибо преступление его не известно, а потому в законе еще не существует.

Освобожденный таким образом может произвести иск на взявшего его под стражу, или посадившего его в тюрьму, или задержавшего, или давшего на то повеление, в оскорблении личной безопасности и убытках, и сей повинен ответствовать в суде в произведенном на него иске.

[XIII. Каждый заточенный, коему в течение 3 дней не будет объявлено о причине его заключения, и который в сей срок не будет представлен судиям подлежащим для допросу, может требовать освобождения и освободится непременно по незнанию преступления].

22.

Если кто, будучи взят под стражу и представлен суду, пожелает, узнав причину для коей взят, быть освобожден, предъявляя законами определенное поручительство в том, что являться будет на: суд каждый раз, когда то востребуется, пусть да имеет на то право и да получит личное освобождение, исключая нижеписанных случаев: когда обвиняем кто в умышленном оскорблении Величества в измене, в умышленном смертоубийстве, в разбое; в делании фальшивой монеты, ассигнаций или векселей, в заговоре, клонящемся к нарушению общего покоя или личной безопасности, и когда ясно в суде будет постановлено, что содержащийся под стражею точно таковое преступление соделал умышленно; в сих только случаях поручительство не приемлется, и личное освобождение возбраняется.

Но и тут, желая оградить личную безопасность законом неперменным, поставляем и учреждаем навсегда:

1. Когда обвиняемый в умышленном оскорблении Величества, в измене, в умышленном смертоубийстве, в разбое, в делании фальшивой монеты, ассигнаций или векселей, в заговоре, клонящемся к нарушению общего покоя или личной безопасности, будет требовать освобождения за поручительством, то долг суда да будет постановить предварительно и ясно: 1) что преступление есть точно умышленно и таково, как показывает обвинение, 2) что взятый под стражу, или обвиняемый, точно и умышленно сие преступление соделал. Утвердив все сии статьи приговором, суд может отвергнуть поручительство, а не иначе; ибо простое подозрение не есть доказательство.
2. Дабы именованное преступление в оскорблении Величества не было подвергнуто неопределенному толкованию и дабы оградить всех от злоупотребления самопроизвольного власти, устанавливаем на точном смысле Наказа о сочинении нового уложения блаженной памяти императрицы Екатерины второй, глава XX, чтобы слова и сочинения не почитать никогда преступлением, ибо они суть *предлоги только градского чиновправления*, а преступлением оскорбления Величества почитать следующие деяния: если кто сделает и производить будет самим действием заговор на испровержение высшей власти в государстве, заговор есть условие нескольких людей, или кто произведет явной и умышленной бунт и возмущение в народе, от чего нарушится спокойствие государства, или кто предатель будет самым действием своего Отечества, умышляя с врагом его ему вред, если кто сделает заговор и произведет оный, или производить будет самым действием против жизни и безопасности особы Императорской, тот только да судим будет яко преступник в оскорблении Величества.

[XIV. Каждый заточенный после допросу своего и узнав уже о причине, кои лишили его свободы, может просить об освобождении под поручительством другого, явится всякой раз, что потребно сие будет, и получает просимое личное освобождение, исключая только два случая, то есть оскорбление его Величества и смертоубийство утвержденное; в сих двух случаях только поручительство не приемлется и возбраняется личное освобождение].

23.

Если взятому под стражу, обвиненному в преступлении или под судом находящемуся дана будет свобода или по неизвестности преступления, или по

учиненному о невинности его в суде решению, то да не будет он паки требован к суду, взят под стражу или обеспокоен другой раз по тому же делу; но дело сие да почитается яко решительно оконченное, и да не приемлется о нем вторично нигде никакого прошения, да не дается никакое повеление о его возобновлении или продолжении, и апелляция, какая бы ни была, да не имеет тут места.

[XV. Каждый заточенный, обвиненный или ответчик, когда уже раз освобожден, хотя по незнанию преступления или по формальному суду, тогда не может уже быть утвержден и беспокоен по тому же делу, но будет оное дело почитаемо яко решительно кончено и не приемлется уже по оному никакого дальнейшего поворота или апелляцию].

24.

В случаях какого-либо тяжбного или законного разбирательства между казною или частным лицом казна не иначе в законе должна быть почитаема, как обыкновенный истец или ответчик. Поверенный, обязанный защищать право казенное, не должен иметь никакого преимущества или предпочитания против своего соперника, и в отношении его надлежит наблюдать те самые в судопроизводстве формы, обряды и порядок постановленные, которые положены для частных лиц, ибо достоинства или преимущества истца или ответчика не должны иметь ни малейшего влияния на существо дела, ни на обряд в собрании справок, ни на судопроизводство, а всего паче на решение и приговор. Все лица равно законам суть подвластны.

[XVI. В случае какого-нибудь тяжбного или законного разбирательства между казною и партикулярным лицом, казна не будет законом иначе взираться как только обыкновенный истец или ответчик, поверенный по ее делам, обязанный защищать ее право не будет иметь никакого преимущества, никакой выгоды противу его соперника и долженствует самими теми же формами и обрядами пользоваться и наблюдать тот же самый законный порядок, коим он бы поступал для партикулярного лица. Качество или почести какого-либо истца или ответчика, не долженствуя иметь ни малейшего влияния ни в существе дела, ни над обрядом справок, суда производства и приговора решения].

25.

Да не существует отныне впредь никакая подать, налог, сбор денежный или другого какого-либо рода, ниже требование какое без именного на то указа, в коем подать, налог, сбор или требование изображены будут ясно, и который всенародно объявлен будет по воле нашей от Правительствующего Сената, и в сем обнародовании ясно, внятно и недвусмысленно изобразится, что от кого требуется и сколько.

Сим предохранительным средством уничтожатся всякие частные требования или налоги, постановляемые какими-либо начальствами, как-то: городскими правлениями, магистратами, ратушами, цеховыми управами, собранием дворянских предводителей или кем иным; власть же и право объявлять налоги по воле императорского Величества, предоставляется единому Правительствующему Сенату. Под сим исключением не разумеются, однако ж, добровольные складки или сборы, кои дворянами, купечеством, мещанами, цеховыми управами или

казенными поселянами, каждыми для надобностей собственно того состояния, к которому они принадлежат, чинимы будут. Всякая такая добровольная складка или добровольный сбор, не долженствует иначе принять своего начала, как по предварительном советовании всех участвующих.

[XVII. Да не будет отныне впредь никакой подати денежной или другого налога или требование какого б то роду ни было без именного на сие государева соизволения изображенное ясно и всенародно объявлена указом Правительствующего Сената, коим бесспорно и внятно поставлено будет, от кого что и сколько требуется.]

Сей предохранительной способ уничтожает всякое частное требование или налагательства, происходящие от какого другого нижнего присутственного места, как то городское правление, магистрат, цеховые управы, и предоставляет единому в государстве Правительствующему Сенату право и власть утверждать налоги.]

[XVIII. Квитанции для очистки по налогам или другим требованиям надлежит платящим выдавать без отлагательства и претеснения и должны оные именно показывать то, что уже уплачено, и то, что остается доплачивать]¹⁵.

26.

Поелику наказание, законом определяемое, может иметь две только цели: или исправление преступающих, или воздержание примером, казни от всякого к преступлениям покушения, то не свойственно правительству находить тут какую-либо корысть, ибо пеня или штраф в разных случаях гражданского производства, законами полагаемые, должны всегда иметь целью исправление преступающих, лишая их предлога к преступлению; в делах же уголовных, смерть гражданскую за собою влекущих, пеня или отъятие имения существовать не долженствуют, ибо следствия наказания сего падут на наследников; а потому и постановляем, чтобы конфискация имения в пользу казенную по делам уголовным отныне впредь не существовала; того ради, буде по уголовному преступлению виновный по закону должен наказан быть смертию гражданскою, то имение его да отдается обыкновенным порядком наследства законным наследникам, и да обращается потомственно по обыкновенному законоположенному порядку. Исключаются из правила сего те из преступников, осужденных на смерть гражданскую (которая разрушает все права без изъятия), кои сделали какое-либо похищение казенного или частного имущества, кои, имев в управлении доходы или расходы государственные, состоят в начете, кои имеют долговые казенные или частные обязательства. Имение таковых да не прежде утвердится за наследниками их, как по удовлетворении законном по всем выше писанным пунктам.

[XIX. Государство, не желая воспользоваться заблуждением или погрешением части своих верноподданных насчет другой части оных, ибо все равно суть его дети и поелику пеня или штраф должны пасть на единого преступника, того ради отныне конфискация имения в пользу государства да не будет уже существовать и безвозвратно уничтожается.]

¹⁵ Статья XVIII присутствует только в тексте первоначальной редакции проекта.

Итак буде по следствию его преступления преступник должен лишен быть имения своего, тогда сие имение по обыкновенному течению достается природным и законным наследникам оною, для коих сей случай есть род гражданской смерти, в коей образ наследства следует те же правила и из рук в руки переходит тем же самым порядком, как в случае общей и обыкновенной смерти.

Но прежде утверждения сего имения наследникам надлежит из оною исключить то, что следует для исправления ущерба или урона, происходящего от преступления и для достодолжного удовлетворения закона].

27.

Во всяком законном разбирательстве, или судопроизводстве, да чинится различие и разделение между лицом и вещью или между имением и особою. В делах тяжбных и исковых, какого бы роду ни было лицо или особа, тогда только подлежать может ответу, взысканию или требованию, когда вещь или имение не достаточны на удовлетворение произведенного иска.

Вследствие правила сего закон полагает, что всякого рода сделка, как то: продажа, наем, условие, подряд, заем, расчет, контракт и обязательство, какого бы рода ни было, как между частными людьми, так и между казною и лицом частным, суть постановления, не на обязующееся лицо относимые, но на вещь, на кою делается обязательство, не до особы касающиеся, но до имения; следовательно, имение или вещь должны прежде отвечать об устояке и об исполнении обязательств, но в случаях недостатка имения на удовлетворение сделанных обязательств закон тогда обращает требование к особе или лицу, дабы недостающее в имении на удовлетворение иску пополнено было.

[XX. В каждом законном разбирательстве надлежит делать различие и отделение между вещью и лицом, или между имением и особою. Сей последний предмет обязан отвечать тогда только, когда первых, то есть вещи или имения, недостаточно будет для ответа.

Вследствие сего правила закон будет всегда в виду иметь и полагать, что всякого рода сделка, как то продажа, наем, условие, подряд, заем, расчет, контракт и всякое обязательство так между партикулярного с другим партикулярным лицом, как и между партикулярным лицом с казною, все сие будет почитаемо яко сделанное не для лица контрактующего, но для вещи контрактующей, не с особою, но с имением, и, следовательно, имение долженствует отвечать предварительно об устояке и о соблюдении положенного обязательства.

Но в случае недостатка имения тогда закон приступает уже к особе или к лицу для дополнения недостатка от имения в иске своем].

28¹⁶.

Желая утвердить право частной собственности во всех его видах и отношениях, мы отступаем от права, казне присвоенного, на имения последних в роде, постановляя, да отныне впредь все таковые пользуются имениями их на общем праве владельцев, да будут они властны заложить их и продать или иным образом законно распорядить, предоставляя обращать в казну и почитать вымороч-

¹⁶ Статья, внесенная в проект после 9 сентября 1801 г.

ными те только имения, о коих владельцы их, быв без наследников, при жизни их никакого не сделали распоряжения и умерли без законного завещания. А посему в письме всяких крепостей самое название последних в роде отныне впредь да уничтожится.

29.

Обеспечив коликó возможно безопасность наших верных подданных, мы почитаем, что блаженство их много от того зависеть может, если всякое судопроизводство, в каких делах бы то ни было, которое столь существенную с законом всегда связь имеет, было постановлено законоположением ясным и не переменным; того ради, доколе с помощью Божиею достигнем мы цели нашей в утверждении блаженства России совершением и изданием общего уложения, мы обещаем нашим императорским словом, что мы все узаконенные доселе судопроизводства, обряды, или постановления наблюдать будем ненарушимо, не делая ничего в отмену оных ни общими, ни частными положениями; но если бы случится могло, что прежние постановления, обряд или судопроизводство требовали какие-либо отмены, то каждый раз в таком новом деле Правительствующий Сенат обязан взойти в подробное рассмотрение нужных в существующем положении отмен, и для того да устроит о сем общее советование, приглашая тому коллегии и равные им присутственные места, и рассмотрев да учинит положение и внесет нам на утверждение; тогда только таковое новое постановление да имеет силу закона, а все, иначе учреждаемое, законом да не почитается.

Дана в престольном нашем граде Москве сентября ... дня 1801 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Грацианский П. С.* Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. — М., 1984.
2. *Захаров В. Ю.* «Всемиловейшая жалованная грамота российскому народу» 1801 г. в контексте развития конституционных идей в России во второй половине XVIII — начале XIX в. — М., 2002.
3. *Кодан С. В.* «Все лица, равно законам суть подвластны» // Чиновник. — 2003. — № 6 (28).
4. Конституционные проекты в России XVIII — начала XX в. / сост. А. Н. Медушевский. — М., 2010.
5. Конституционные проекты в России. XVIII — начало XX века / отв. ред. С. Бертолисси. — М., 2000.
6. *Крыжанюк О. В.* Негласный комитет и его проекты // Международный исторический журнал. — 2000. — № 11.
7. *Минаева Н. В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. — Саратов, 1982.
8. *Радищев А. Н.* Материалы и исследования. — М.-Л., 1936.
9. Русский архив. — 1908. — Вып. 6. — Приложение. Из архива Собственной Е. И. В. канцелярии. — С. 4—18.
10. *Сафонов М. М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. — Л., 1988.
11. *Семенников В. П.* Радищев: материалы и исследования. — М.-Пг., 1923.

ПРЕДТЕЧА КОНСТИТУЦИИ РСФСР 1918 г.

Аннотация. В статье рассматриваются конституционные проекты как направление внешнеполитической деятельности России начиная с XIX в. — проект конституции Ионических островов, подготовленный в 1804 г., Конституция Финляндии 1809 г., Конституция Польши 1815 г. В последней Конституции действовала одна из самых либеральных на то время избирательных систем. Принятие Основных государственных законов Российской империи в 1906 г. являлось констатацией практического конституционализма в нашей стране. В решении важнейших вопросов государственной жизни главная роль принадлежала императору. Впервые четко законодательно закреплена унитарная форма государственного устройства. В качестве гаранта государственного единства назван общегосударственный язык — русский. Особое значение для практического конституционализма имело создание в России двухпалатного парламента и народного представительства в лице второй палаты — Государственной думы. Статус человека, гражданина закреплён вслед за положениями о сущности верховной самодержавной власти. Такой же подход был воспринят в нашей стране в дальнейшем — так было сделано в Конституции СССР 1977 г. и Конституции РФ 1993 г. В Основных государственных законах 1906 г. закреплены положения, касающиеся всех составных частей статуса российского подданного. Принятие Основных государственных законов 1906 г. стало отправной точкой установления в России практического конституционализма.

Ключевые слова: конституционные проекты, проект конституции Ионических островов, Конституция Финляндии 1809 г., Конституция Польши 1815 г., Основные государственные законы Российской империи 1906 г., император, унитарная форма государственного устройства, практический конституционализм, Государственная дума, Конституция СССР 1977 г., Конституция РФ 1993 г.

**Юрий Леонидович
ШУЛЬЖЕНКО,**
доктор юридических
наук, профессор, главный
научный сотрудник,
заслуженный юрист РФ,
заведующий сектором
конституционного права
и конституционной
юстиции Института
государства и права РАН
constitution@igpran.ru
119019, Россия, г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.48.8.067-073

Yu. L. SHULZHENKO,

Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Honored Lawyer of the Russian Federation head of the constitutional law sector and constitutional justice Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

constitution@igpran.ru

119019, Russia, Moscow, ul. Znamenka, 10

THE PREDICTION OF THE CONSTITUTION OF THE RSFSR 1918

Abstract. *The article considers constitutional projects as a direction of Russia's foreign policy activity since the 19th century. — the draft constitution of the Ionian Islands, prepared in 1804, the Constitution of Finland in 1809, the Constitution of Poland in 1815. In the last constitution, one of the most liberal at that time, electoral systems operated. The adoption of the Basic State Laws of the Russian Empire in 1906 was a statement of practical constitutionalism in our country. In the solution of the most important questions of state life, the main role belonged to the emperor. For the first time the unitary form of the state structure is clearly legally fixed. As a guarantor of state unity, the national language is called Russian. Of particular importance for practical constitutionalism was the creation in Russia of a bicameral parliament, and the people's representation in the person of the second chamber — the State Duma. The status of a person, a citizen, is enshrined following the provisions on the essence of the supreme autocratic power. The same approach was adopted in our country in the future — this was done in the Constitution of the USSR in 1977 and the Constitution of the Russian Federation of 1993. The Basic State Laws of 1906 stipulate provisions relating to all the components of the status of the Russian citizen. The adoption of the Basic State Laws of 1906 was the starting point for the establishment of practical constitutionalism in Russia.*

Keywords: *constitutional projects, the draft constitution of the Ionian Islands, the Constitution of Finland 1809, the Constitution of Poland 1815, the Basic State Laws of the Russian Empire of 1906, the emperor, the unitary form of state structure, practical constitutionalism, the State Duma, the Constitution of the USSR 1977.*

1. Господствующим в годы советской власти в отечественной науке был подход, состоящий в том, что исключительно социализм мог дать трудовому народу реальный Основной закон. И именно в качестве такового провозглашалась Конституция РСФСР 1918 г. Вместе с тем действительность свидетельствует о том, что еще в начале XIX в. в России разрабатывался ряд конституционных проектов. Особенность здесь состоит в том, что они относились не к нашей стране, а предназначались для других государств. Их можно трактовать как одно из направлений внешнеполитической деятельности России того времени. Первопроходцем здесь стал Александр I. Являясь абсолютным монархом, он в то же время по отношению

к Греции, Ионическим островам выступал как либерал. Это нашло свое выражение в одобрении императором проекта конституции Ионических островов, подготовленного в 1804 г. бароном Г. А. Розенкампом¹. Следующим стал проект первой Конституции Болгарии 1879 г. (Тырновская Конституция)². В разработке его активное участие приняли российские государственные общественные деятели С. И. Лукьянов, А. М. Дундуков-Корсаков, М. Яновский, известный ученый-юрист А. Д. Градовский. Обратим внимание на ряд важных положений данного акта. Болгарское царство характеризуется как наследственная конституционная монархия. При этом имело место народное представительство в лице Народного Собрания. Обратим внимание на то, что законодательная власть реально была сосредоточена в руках царя и Народного Собрания. Исполнительная же власть представлялась царем.

2. Первой реальной конституцией в России можно считать Конституцию Польши 1815 г., дарованную Александром I и действовавшую до 1830 г.³ Обратим внимание на то, что установленное избирательное право в реальности фактически было, пожалуй, одним из наиболее либеральных в мире, в Европе. Оно предусматривало умеренный ценз, а также прямые выборы. Весьма демократичными были и установленные права и свободы подданных, их определенные гарантии. Предусматривалась и система государственных органов. В отсутствие царя власть осуществлял наместник. Пять министров, государственных советников составляли Государственный совет Польши, который возглавлялся наместником. Последний и Государственный совет были и правительством Польши. Сейм — народное представительство, участвующее в осуществлении законодательной власти. Право безусловного вето было у царя, что, в частности, является свидетельством ограничения роли Сейма в данной области.

3. Несколько слов о Конституции Финляндии 1809 г., под которой фактически имелись в виду ряд манифестов. При этом сам термин «конституция» еще в царское время был спорен, хотя употреблялся Александром I. Это результат того, что долгие годы в Финляндии сохранялись Конституция, ряд законов Швеции. Уместна здесь позиция Н. И. Лазаревского, отмечавшего, что желание государя сохранить в Финляндии действующую там конституцию получило в актах 1809 г. столь незаконное выражение, что вряд ли может пониматься как непосредственно воплощенное в нормы права⁴. Проведенный краткий анализ свидетельствует о том, что конституционные проекты, касающиеся иных стран, Конституция Польши 1815 г. устанавливали отсутствующие в России институты, такие как: разработка, принятие конституции; формы правления — конституционная монархия; народное представительство; широкие права и свободы граждан и т.д.

4. Основные государственные законы 1906 г.⁵ — результат буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. Структура, характер, их содержание

¹ Майков В. Барон Розенкампф // Русская старина. М., 1904. Т. 120. С. 373.

² Конституция на Българското Царство. София, 1945.

³ Текст Конституции см.: Borickje M. Konstytucje polskie 1791—1997. Warszawa, 2002.

⁴ Лазаревский Н. И. Русское государственное право. 4-е изд. Пг., 1917. Т. 1 : Конституционное право. Вып. 1. С. 208—209.

⁵ Свод законов Российской империи. СПб., 1906. Т. 1. Ч. 1 : Свод основных государственных законов.

говорят о том, что мы имеем дело с первой общероссийской конституцией. Прежде всего они урегулировали организацию и деятельность важнейших государственно-правовых институтов. Основной закон состоял из введения, 11 глав (всего 124 статьи). В них были урегулированы следующие вопросы: о единстве и неделимости Российского государства; княжестве Финляндском в Российском государстве; общегосударственном русском языке; существовании верховной самодержавной власти; порядке наследования престола; совершеннолетию императора, правительстве, опеке; вступлении на престол, присяге, подданстве; священном короновании и миропомазании; титуле императора, Государственном гербе; правах и обязанностях российских подданных; о законах; о Государственном совете и Государственной думе; Совете министров, главноуправляющих отдельными частями. Отметим, что «Учреждение о императорской фамилии» целиком сохранило прежнюю редакцию и состояло из вводной статьи и шести глав (всего 98 статей). Они касались состава императорской фамилии, статуса членов императорского дома.

Являются ли Основные государственные законы 1906 г. конституцией? Данный вопрос решался дореволюционными учеными-юристами в принципе однозначно — да, это первая российская конституция⁶. В советское время позиция о том, что эти законы — конституция, не являлась популярной, не поддерживалась, затушевывалась. Те, кто характеризовал их как конституцию, были немногочисленны и подвергались резкой критике⁷. Заметим, что и сегодня в отечественной науке также присутствуют два подхода — одни определяют Основные государственные законы 1906 г. как конституцию, другие отрицают это⁸.

5. Дискутировался вопрос о том, какая форма правления возникла в России в 1905—1907 гг. и была установлена Основными государственными законами 1906 г. До 1917 г. большинство ученых считали, что наша страна стала конституционной монархией. В качестве аргументов называлось наличие представительного органа государственной власти, констатация этого в конституции. Заметим, что такая же позиция имела место в советский период. Высказывается она и сегодня⁹. Был представлен и подход, в соответствии с которым реформы в России 1905—1907 гг. не установили конституционную монархию. Родоначальником его был австрийский профессор Ю. Гатчек, который выдвинул тезис о том,

⁶ См., например: *Ивановский В. В.* Учебник государственного права. 4-е изд. Казань, 1913. С. 319 ; *Палиенко Н. И.* Основные законы и форма правления в России. Юридическое исследование. Харьков, 1910. С. 48 ; *Шаланд Л. А.* Русское государственное право. Юрьев, 1908. С. 21.

⁷ См.: *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 23—24 ; *Давидович А. М.* Самодержавие в эпоху империализма: классовая сущность и эволюция абсолютизма в России. М., 1976. С. 274.

⁸ См., например: *Кравец И. А.* Конституционализм и российская государственность в начале XX века : учеб. пособие. М., 2000. С. 123 ; *Колюшин Е. И.* Конституционное право России : курс лекций. М., 2015. С. 54.

⁹ *Сенцов А. А.* Развитие формы Русского государства в начале XX в. // Правоведение. 1990. № 4. С. 88—93 ; *Мазуров А. В.* Конституция и общественная практика. М., 2004. С. 89—90.

что Россия является «автократией» с народным представительством¹⁰. Точку зрения о сохранении в России абсолютной монархии из российских ученых высказали М. А. Рейснер, С. А. Котляревский. Сюда же можно отнести позицию тех, кто считал, что государственный строй в результате реформ 1905—1907 гг. был прежним и лишь обновился¹¹. Аналогичные подходы также встречались в годы советской власти, звучат они и в наши дни. Отметим и позицию ряда советских авторов, которые утверждали, что нельзя дать одностороннего ответа о форме правления в России после 1905 г.¹²

6. Важное значение с нашей точки зрения имело то, что принятие Основных государственных законов в 1906 г., их позиция как первой общероссийской конституции, закрепленные в них положения являлись констатацией наличия конституционализма, практического конституционализма, в частности в нашей стране. Четко обозначим важнейшие из них. Характер конституционализма находит прежде всего свое наиболее яркое выражение в позициях о государственном строе, и в первую очередь в тех, которые касаются верховной власти. В решении важнейших вопросов государственной жизни главная роль принадлежала императору. Отметим также четкое законодательное закрепление впервые унитарной формы государственного устройства нашей страны. В качестве гаранта государственного единства назван общегосударственный язык — русский. Особое значение для практического конституционализма имело создание в России двухпалатного парламента, и прежде всего народного представительства в лице второй палаты — Государственной думы. Обратим внимание также здесь и на достаточно четкое урегулирование статуса Совета министров, выделение особой статьи о судебных органах.

7. В центре конституционализма — статус человека, гражданина. С принятием Основных государственных законов здесь был сделан значительный шаг вперед к демократизации российского общества. Обратим внимание прежде всего на то, как эти вопросы отражены, закреплены в данном правовом акте. Им отведена специальная, отдельная глава — гл. 2. Она идет вслед за главой о сущности верховной самодержавной власти. Констатируем, что такой же подход был воспринят в нашей стране в дальнейшем — так было сделано и в Конституции СССР 1977 г., и в Конституции РФ 1993 г. В Основных государственных законах 1906 г. закреплены положения, касающиеся всех составных статуса российского подданного. Форма, объем регулирования различны. Так, российское подданство раскрывается через формулу его приобретения, утраты. На второе место поставлены обязанности, а именно защита престола и Отечества, и в связи с этим установление воинской повинности; уплата установленных законом налогов и пошлины, отбывание повинности. Третье место заняли основные права, свободы русских подданных. В связи с этим Основные законы провозгласили обеспечение неприкосновенности личности, свободы совести, слова, печати, со-

¹⁰ См.: *Hatschek J.* Allgemeines Staatsrecht auf rechtsvergleichender Grundlage. Leipzig, 1909. S. 23.

¹¹ См., например: *Казанский П. Е.* Власть Всероссийского императора. М., 2007. С. 54, 553.

¹² См., например: *Ерошкин Н. П.* Самодержавие накануне краха. М., 1975. С. 6 ; История буржуазного конституционализма XIX в. М., 1986.

браний и союзов. «Права эти издавна были провозглашены как священные и неотъемлемые права человека и гражданина. В настоящее время они являются достоянием каждой цивилизованной страны, и пользование ими обеспечено в той или иной мере в любой конституции. И это вполне понятно, ибо наличие этих прав служит необходимым условием для развития общественной самостоятельности, необходимым основанием для возвышения и углубления человеческого достоинства... провозглашение этих прав у нас имеет тем большее значение, что до него наше законодательство было построено на совершенно противоположных началах», — отмечали дореволюционные ученые¹³. Заметим, что таких прав не было у русских подданных ранее. В результате принятия Основных государственных законов 1906 г., их содержание стали одним из главных показателей, отправной точкой установления в России практического конституционализма.

8. Акты конституционного значения, которые имели принципиальный, многосторонний характер, кардинально предопределяющий развитие России, принимались на различных этапах ее истории. Это, например, Высочайший манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 г.; Манифест об изменении Учреждения Государственного совета и Учреждения Государственной думы от 6 августа 1905 г.; Указ от 23 февраля 1917 г. о перерыве заседаний Государственного совета и Государственной думы до 17 апреля 1917 г.; постановления от 20 июня, 11, 23 сентября 1917 г. об утверждении Положения о выборах Учредительного собрания. Обратим внимание на их оценки, представленные в дореволюционной литературе. Так, например, касаясь Манифеста 17 октября 1905 г., П. Струве утверждал, что с момента его опубликования «в России есть конституция...». Ф. Ф. Кокошкин отмечал, что этот акт носит характер правового обещания, программного документа, «приказа министерству» выработать такие-то реформы. Более точную и логичную оценку Манифесту дал В. В. Ивановский. С его точки зрения, он является предварительным конституционным актом, выражающим волю монарха по основным вопросам государственного устройства, выполнение которой во всех ее деталях, логически вытекающих из основных положений, возлагается на правительство¹⁴. Заметим, что аналогичную картину мы имели в первые месяцы советской власти, когда был принят ряд декретов, которые являлись актами конституционного значения. В современной научной литературе обоснованно отмечается, что «на тот период они в совокупности составляли неписаную конституцию Российского государства...»¹⁵.

¹³ Устинов В. М. Краткий очерк русского государственного строя. Пг., 1915. С. 108.

¹⁴ См.: Полярная звезда. 1905. № 3. С. 227; Кокошкин Ф. Ф. Юридическая природа Манифеста 17 октября // Юридический вестник. 1913. Кн. I. С. 43; Ивановский В. В. Учебник государственного права. 4-е изд. Казань, 1913. С. 312.

¹⁵ Авакьян С. А. Конституционное право России : учебный курс. 4-е изд. М., 2010. Т. 1. С. 216.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Конституционное право России : учебный курс. — 4-е изд. — М., 2010. — Т. 1.
2. Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма: классовая сущность и эволюция абсолютизма в России. — М., 1976.
3. Ерошкин Н. П. Самодержавие накануне краха. — М., 1975.
4. Ивановский В. В. Учебник государственного права. — 4-е изд. — Казань, 1913.
5. Казанский П. Е. Власть Всероссийского императора. — М., 2007.
6. Кокошкин Ф. Ф. Юридическая природа Манифеста 17 октября // Юридический вестник. — 1913.
7. Колюшин Е. И. Конституционное право России : курс лекций. — М., 2015.
8. Кравец И. А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века : учеб. пособие. — М., 2000.
9. Лазаревский Н. И. Русское государственное право. — 4-е изд. — Пг., 1917. — Т. 1 : Конституционное право. — Вып. 1.
10. Майков В. Барон Розенкамф // Русская старина. — М., 1904. — Т. 120.
11. Мазуров А. В. Конституция и общественная практика. — М., 2004.
12. Палиенко Н. И. Основные законы и форма правления в России. Юридическое исследование. — Харьков, 1910.
13. Сенцов А. А. Развитие формы Русского государства в начале XX в. // Правоведение. — 1990. — № 4.
14. Устинов В. М. Краткий очерк русского государственного строя. — Пг., 1915.
15. Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. — М., 1976.
16. Шаланд Л. А. Русское государственное право. — Юрьев, 1908.
17. Hatschek J. Allgemeines Staatsrecht auf rechtsvergleichender Grundlage. — Leipzig, 1909.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА (1918–1977 гг.)

**Галина Алексеевна
ЖОЛОВА,**

заведующий кафедрой
истории государства
и права Оренбургского
института (филиала)
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
доцент
galina-zholobova@mail.ru
460000, Россия,
г. Оренбург,
ул. Комсомольская, д. 50

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В КОНСТИТУЦИИ РСФСР 1918 г.: К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ ПРИНЯТИЯ

Аннотация. В статье поднята проблема правовой преемственности и новизны в развитии института личных и гражданских прав и свобод в Конституции РСФСР 1918 г. Исходя из сложившихся исторических условий, представлен авторский взгляд на главные достижения первого Основного закона молодого Советского государства в вопросе расширения прав и свобод трудового народа.

Ключевые слова: Конституция РСФСР 1918 г., Свод Основных государственных законов Российской империи, права, свободы, обязанности, «диктатура пролетариата», демократия, трудящиеся, эксплуататоры, класс, государство.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.48.8.074-091

G. A. ZHOLOBOVA,

Chief of the chair of State and Law History of Orenburg Institute (branch)
of University, Doctor of Judicial Science, senior lecturer
galina-zholobova@mail.ru

THE DEVELOPMENT OF PERSONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF CITIZENS IN THE RSFSR CONSTITUTION 1918: FOR CENTENARY

Abstract. The article provides a comprehensive study of the legal continuity and modern view in the development of personal rights and freedoms of citizens in the RSFSR Constitution 1918. According to historical events the author considers the main achievements of the first major law in Soviet state relating to extension of rights and freedoms of working class.

Keywords: RSFSR Constitution 1918, Major State Laws of Russian Empire, rights, freedoms, duties, "dictatorship of proletariat", democracy, working class, exploiters, class, state.

Конституция РСФСР 1918 г. — первый в истории Основной закон социалистического государства, который подвел итог революционным завоеваниям, став «первой в мире попыткой вылить в формулах государственного права стремление рабочих, крестьян и всех угнетенных положить навсегда конец политическому и экономическому неравенству»¹.

Неоднозначное отношение к революции как способу разрешения социальных противоречий и к социализму как пути общественно-политического развития закономерно порождает весьма полярные оценки сущности и роли первой советской Конституции.

Американский ученый А. Мейер, английский историк Л. Шапиро подвергают критике Конституцию 1918 г., провозглашенные принципы советской национальной политики и демократического централизма². В. Л. Шейнис говорит о том, что слова «Право власти, соединенное с правом войны» емко и точно характеризуют первую советскую Конституцию. Кроме того, исследователь замечает, что с профессиональной точки зрения документ не выдерживает критики: декларативен, малосодержателен³. Б. Н. Земцов указывает на то, что большевики, взяв курс на расширение социальных прав трудящихся, на первый взгляд делали качественный скачок в борьбе за лучшую жизнь для всех людей. Однако отрыв политических и социальных прав от гражданских (неприкосновенность личности и жилища, тайна переписки, права на участие в выборах центральных и местных органов власти и т.д.), лишение или ограничение прав нетрудовых элементов советского общества, отсутствие механизмов защиты Конституции и внесения поправок в ее текст ставили под вопрос преимущества советской демократии перед буржуазной⁴.

С точки зрения О. И. Чистякова, Конституция РСФСР 1918 г., напротив, закрепила основные принципы советской демократии, организацию государственного единства, демократическую структуру государственного механизма, наиболее демократичную для своего времени избирательную систему. Конституция советской России ставила задачи подавления эксплуататорских слоев населения, уничтожения всякой эксплуатации человека человеком, установления социалистической организации общества. По мнению ученого, характер Конституции как закона эпохи диктатуры пролетариата проявляется в особенностях закрепленной в ней демократии — демократии для большинства против меньшинства. О. И. Чистяков обращает внимание на то, что первая советская Конституция оставила неизгладимый след не только в истории Советского государства и права, но и во всемирной истории⁵.

¹ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов : стенографический отчет (Москва, 4—10 июля 1918 г.). М. : Изд-во ВЦИК, 1918. С. 186.

² См.: Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 года. 2-е изд., перераб. М. : Зерцало-М, 2003. С. 45.

³ См.: Шейнис В. Л. Большевицкая власть и первая советская Конституция // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 106.

⁴ См.: Земцов Б. Н. Конституционные основы большевистской власти (первая советская конституция) // Российская история. 2006. № 5. С. 65—74.

⁵ См.: Чистяков О. И. Указ. соч. С. 150—151.

Е. А. Лукьянова показала, что именно с Конституции 1918 г. начинается отсчет истории отечественного конституционализма, его традиций и принципов. Конституция открыто провозгласила диктатуру как функцию государства, но диктатуру неведомую и невиданную доселе в мире — диктатуру «власти народа над меньшинством, над горсткой полицейских насильников, над кучкой привилегированных дворян и чиновников. Таково отличие диктатуры над народом от диктатуры революционного народа». В этой Конституции воплотились представления партии большевиков о новом государственном строе, о социалистической демократии, о правах человека в условиях строящегося социализма, о самой Конституции социалистического государства. Е. А. Лукьянова обращает внимание на то, что именно с 1918 г. отечественной традицией стал политико-правовой программный характер конституций. Когда заявленная в Конституции программа развития общества выполнялась, ее цели и задачи достигались, ставился вопрос об изменении или принятии новой Конституции⁶.

Рассмотрим проблему правовой преемственности и новизны в развитии конституционного института прав и свобод человека, обозначив главные достижения первого Основного закона социалистического государства в вопросе расширения прав и свобод трудового народа.

Понять специфику и достижения первой советской Конституции можно только исходя из всестороннего анализа сложившейся к тому времени исторической обстановки. В начале 1917 г. массы населения, задавленные нерешенностью аграрного, рабочего, национального вопросов, в условиях духовного и политического кризиса, вызванного разрывом связи монархии с народом, падением авторитета церкви, деструктивностью враждебных партийно-политических отношений, измотанные войной и голодом, стали активными участниками революционных событий.

Первая мировая война, продемонстрировавшая неспособность правительства и правящей верхушки в целом управлять страной, породила бурный всплеск тоталитарного движения. Война всегда становится серьезным испытанием для общественной нравственности и социального порядка. Смирившись с насильственными методами разрешения внешних противоречий, общество становится терпимее ко всякому насилию вообще. Человеческая жизнь обесценивается, миллионы людей привыкают к виду смерти и страданий. Первая мировая война вырвала миллионы людей из их естественного окружения и научила убивать. А тем временем армия голодных женщин и детей теряла своих кормильцев. Война превращала всех их в маргиналов (тех, кому «нечего терять, кроме своих цепей», людей, похожих на героев поэмы Блока «Двенадцать»: «И идут без имени святого, все двенадцать вдаль. Ко всему готовы, ничего не жаль...»).

В рамках революционных событий 1917 г. грянул Октябрь. Октябрьский переворот был совершен большевиками под знаком общечеловеческих ценностей. И первые декреты Советской власти: о мире, о земле, о правах народов России, о рабочем контроле и т.д. соответствовали не столько большевистской программе, сколько народным (может, где-то наивно-утопическим) представлениям о справедливости.

⁶ См.: Лукьянова Е. А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917—1993). М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. С. 5.

Но, свершившись под знаком общечеловеческих ценностей, Октябрьская революция несла в себе и невиданный заряд революционного насилия, направленный против всех «нетрудящихся», а равно и правовых атрибутов старого строя. Не случайно Фридрих Энгельс говорил, что «революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна»⁷. Революция — это чрезвычайный метод решения общественных противоречий. Но к 1917 г. другой возможности выхода из кризиса, по нашему мнению, у России уже не было.

И здесь важно учитывать конкретные исторические обстоятельства этой революции, произошедшей во время войны, в отсталой стране, где неграмотные темные массы, не слишком давно освободившиеся от крепостного рабства, впервые поднялись к активной жизни. Накопленные ими за века горы ненависти обрушились не только на эксплуататоров, но и на интеллигенцию. В условиях мировой войны свертывались многие политические и гражданские права и свободы, на смену идеалам демократии шла диктатура.

В России, еще не вышедшей из войны, продолжали углубляться экономические трудности. Октябрьские события стали прологом не мировой революции, на которую рассчитывали большевики, а гражданской войны в самой России. К тому же страны Антанты ждали падения власти большевиков...

В этих условиях надежды на переход страны на западный (демократический) путь развития через Учредительное собрание становились все призрачнее. Устанавливается «диктатура пролетариата», которую В. И. Ленин, правда, считал демократической формой власти, поскольку речь шла о подавлении большинством меньшинства общества, осуществляемом во имя «светлого будущего», в котором «кто был никем, тот станет всем».

Таким образом, 1917 г. для большинства населения поставил не столько проблему выбора пути развития, сколько проблему выживания в обстановке сложнейшего, охватившего все стороны жизни, кризиса. Революция 1917 г. в России явилась объективно обусловленной социальной революцией, которая началась с решения вопроса о власти, политического переустройства государства, как буржуазно-демократическая, а закончилась антибуржуазной, антикапиталистической, пролетарской с установлением власти диктатуры пролетариата и переходом к строительству государственного социализма во имя победы коммунизма.

Нормативным правовым актом, закрепившим важнейшие революционные завоевания советской власти, должна была стать первая советская Конституция.

В Своде Основных государственных законов Российской империи (далее — ОГЗ) в редакции от 23 апреля 1906 г. (принятой по итогам революционных событий 1905—1906 гг.), который можно считать первой российской Конституцией, наряду с системой организации власти, в отдельной главе (гл. 8) закреплялись основные права и обязанности российских подданных: неприкосновенность личности и жилища; право выбора места жительства, занятия; право частной собственности; свобода вероисповедания, мысли и слова, собраний, объединений; право на участие в управлении делами государства⁸.

⁷ Энгельс Ф. Об авторитете. Соч. Т. 18. С. 305.

⁸ Свод законов Российской империи. М., 1910. Т. 1. Ч. 1. Раздел первый.

Советская Конституция 1918 г. в основном сохранила достижения ОГЗ в области защиты прав и свобод человека и гражданина, отменив лишь те из них, которые не соответствовали задачам новой политической организации, и внесла свой вклад в развитие института прав и свобод. Объем предоставленных гражданам прав и свобод был продиктован историческими условиями и во многом обусловлен особенностями самой Конституции.

Конституция определяла цели и задачи общества и государства на определенный период. В своем выступлении по поводу принятия проекта Конституции Ю. М. Стеклов — член комиссии по составлению проекта Основного закона, следуя «ленинским заветам», говорил о том, что цель, к которой стремится советская Россия, это — уничтожение буржуазного режима, уничтожение эксплуатации и угнетения человека человеком, установление такого строя, при котором все богатства, созданные трудом рабочих и крестьян, принадлежат всему народу, объединенному в братский трудовой коллектив, и при котором вся власть принадлежит этому объединенному трудовому народу. Когда этот социалистический строй окончательно упрочится, когда коллективный труд свободного объединенного человека создаст колоссальные производительные силы, тогда возможно будет установить и полный коммунизм, устранить из общественной жизни всякий элемент властвования, принуждения и угнетения⁹.

Если К. И. Каутский считал, что диктатура — это уничтожение демократии, т.е. говорил о «чистой демократии», то В. И. Ленин настаивал на том, что «чистой демократии» не существует и можно говорить только о классовой демократии. Советская демократия принципиально отличается от всех предшествующих ей типов демократии, так как впервые принадлежит тем, кто раньше был эксплуатируемым, трудящимся. В. И. Ленин считал, что все прежние демократии существовали для меньшинства, а пролетарская демократия впервые служит большинству общества.

В статье 7 Конституции РСФСР 1918 г. провозглашалось: «Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Статья 10 со всей определенностью закрепляла: «Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России». Высшим проявлением советской демократии в переходный от капитализма к социализму период выступает диктатура пролетариата. О. И. Чистяков в этой связи замечал, что если демократия в буквальном переводе означает народовластие, то и диктатура пролетариата есть не что иное, как власть этого народа, власть трудящихся, государственное руководство обществом со стороны рабочего класса¹⁰.

Конституция РСФСР устанавливала, что демократия в Советском государстве существует для всех наций, народностей и национальных меньшинств, населяющих страну. Более того, она предоставляла все политические права не только трудящимся — гражданам России, но и трудящимся-иностранцам, находящимся на ее территории. Согласно ст. 20 и 21 Конституции РСФСР 1918 г. иностранным

⁹ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов: стенографический отчет. С. 187.

¹⁰ Чистяков О. И. Указ. соч. С. 23.

гражданам, проживающим на территории Российской Республики для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу или к не пользующемуся чужим трудом крестьянству, предоставлялись политические права российских граждан. Местные советы должны были предоставлять таким иностранцам право российского гражданства без всяких «затруднительных формальностей». Всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политические и религиозные преступления, предоставлялось право убежища.

Для Конституции РСФСР 1918 г. было характерно то, что она изначально принималась как временный закон и была рассчитана на определенный переходный период. Составителями Основного закона было отмечено, что «конституция не является еще совсем готовой и совершенно законченной во всех своих частях конституцией социалистического или коммунистического строя. Такая явится впоследствии. Тот же проект, который мы вам ныне предлагаем, соответствует переживаемому переходному моменту, эпохе перехода от буржуазного строя к социализму, от самодержавного режима к коммунистическому», ими указывалось, что «проект является... проектом только для переходного момента. Он не представляет чего-либо постоянного, навсегда зафиксированного. Напротив, этот проект может быть во всякое время изменен по требованиям жизни, и он со временем должен быть изменен... наша Советская конституция ... должна явиться ничем иным как новой формы оружием, который съезд должен вложить в руки пролетариата и беднейшего крестьянства»¹¹.

Таким образом, Конституция 1918 г. мыслилась как временная, создающая правовое поле переходного периода — от капитализма к коммунизму. Конституционная структура государства диктатуры пролетариата призвана была решать разные, порой мало совместимые задачи: с одной стороны, это должно было быть сильное и безжалостное государство, способное сломить сопротивление свергнутого эксплуататорского меньшинства в интересах большинства трудящихся, с другой стороны, это государство должно было готовиться к собственному «отмиранию».

В этих условиях на развитие конституционного института прав и свобод большое влияние оказывали представления о «революционной справедливости», «революционной совести» и «революционной законности».

Личные права: право на жизнь, свободу и неприкосновенность образуют неразрывное единство, представляя собой основу правового статуса человека. Этот блок прав определяет, что никто не может быть произвольно лишен жизни, подвергнут ограничению в правах.

Напомним, что Свод ОГЗ в редакции от 23 апреля 1906 г. не закреплял за подданными право на жизнь, в законодательстве Российской империи сохранялся институт смертной казни. Известно, что во второй половине XIX в. ежегодно смертная казнь применялась к 10—50 лицам, но после революции 1905 г. практика применения этого института расширилась¹².

¹¹ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. С. 187.

¹² Уголовное право России. Общая часть / под ред. Ф. Р. Сундунова, И. А. Тарханова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2009. С. 515.

После установления советской власти на Втором Всероссийском съезде советов 28 октября 1917 г. смертная казнь была отменена, однако вскоре фактически восстановлена. Вопрос о смертной казни был поднят на Пятом Всероссийском съезде советов. Левый эсер В. А. Карелин обратил внимание, что в практике советских учреждений появилась смертная казнь, против которой велась горячая борьба в эпоху Керенского; ее восстановлением советская власть отменяет постановление Второго съезда, нанося сама себе удар. В. А. Карелин ставил вопрос об отмене смертной казни и пресечении этого «позорного явления: наследия царизма и коалиции»¹³. Однако в разгар гражданской войны об отмене смертной казни говорить было преждевременно. Лишь на завершающем ее этапе, 17 января 1920 г. Всероссийский Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров постановили: «Отменить применение высшей меры наказания (расстрелы), как по приговорам Всероссийской чрезвычайной комиссии и ее местных органов, так и по приговорам городских, губернских, а также и верховного при Всероссийском Центральном исполнительном комитете трибуналов». В постановлении провозглашалось, что разгром контрреволюционных сил и достигнутое этим укрепление советской власти дали возможность рабоче-крестьянскому правительству отказаться от применения высшей меры наказания, т.е. расстрелов¹⁴.

Основные государственные законы Российской империи устанавливали право на свободу и личную неприкосновенность. Согласно ст. 31 и 32 никто не мог быть задержан иначе, как в случаях, определенных законом; никто не мог быть судим и наказан иначе, как за преступные деяния, признаваемые законом на момент совершения преступными, при условии, что вновь принятые законы не исключают данные деяния из числа преступных. Вместе с тем проблема обеспечения неприкосновенности личности оставалась актуальной, а практическая реализация данной конституционной гарантии вызывала множество вопросов. Так, например, представитель партии кадетов Ф. И. Родичев, обращаясь к депутатам Государственной Думы четвертого созыва, призывал задуматься над реальным осуществлением права на личную неприкосновенность, говорил о том, что «в настоящее время в мощь России не верят и в ней сомневаются. Пропадает эта вера в мощь России потому, что не существует понятия русского гражданина. Не может быть настоящего деятельного патриотизма там, где личность гражданина является необеспеченной»¹⁵.

Основные государственные законы в ст. 33 и 34 закрепляли неприкосновенность жилища и свободу передвижения — важные составляющие личной свободы. Устанавливалось, что жилище каждого неприкосновенно. Производство в жилище, без согласия его хозяина, обыска или выемки допускается не иначе, как в случаях и в порядке, законом определенных. Каждый российский подданный имеет право свободно избирать место жительства и занятие, беспрепятственно

¹³ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. С. 17.

¹⁴ Постановление ВЦИК, СНК «Об отмене применения высшей меры наказания (расстрелы)» от 17 января 1920 г.

¹⁵ Стенографические отчеты / Гос. дума, четвертый созыв, сессия первая. Ч. 1, Заседания 1—30 (с 15 ноября 1912 г. по 20 марта 1913 г.). 1913. С. 1508.

выезжать за границу. Для реализации этого права Указом «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний» от 5 октября 1906 г. сельским обывателям предоставлялась свобода избрания места жительства на одинаковых, указанных в Уставе о паспортах основаниях с лицами других состояний¹⁶.

Конституция РСФСР 1918 г. в условиях гражданской войны и решения задачи уничтожения эксплуататорского класса не могла ни провозглашать, ни тем более гарантировать ни неприкосновенность личности, ни право на неприкосновенность жилища.

Безусловным атрибутом свободы личности является также **свобода совести**. Как известно, свободу вероисповедания составляет право исповедовать какую-либо из признанных законом религий, а свобода совести, являясь более широкой категорией, предполагает право исповедовать любую религию или придерживаться атеистических убеждений.

Статья 39 ОГЗ 1906 г. провозглашала: «Российские подданные пользуются свободой веры. Условия пользования этою свободой определяются законом», устанавливая, что каждый человек должен был принадлежать к одному из признанных законом вероучений — православному, мусульманскому, иудейскому. В Российской империи отрицание принадлежности к религии влекло за собой негативные последствия в повседневной жизни, так как все акты гражданского состояния — рождение, смерть, вступление в брак оформлялись через церковь. Таким образом, российским подданным предоставлялась свобода вероисповедания, но не свобода совести. И хотя Манифест 17 октября 1905 г. обещал даровать населению «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести...»¹⁷, это обещание не было реализовано. Не случайно лидер конституционно-демократической партии П. Н. Милюков в Государственной думе четвертого созыва заявлял: «К сожалению, мы должны констатировать, что за шесть лет вопрос о таком коренном пункте Манифеста 17 октября, как свобода совести, не подвинулся ни на шаг. Мало того, мы должны заявить, что вопрос этот подвинулся не вперед, а назад»¹⁸.

Важнейшим актом, направленным на обеспечение свободы совести в условиях «диктатуры пролетариата», явился Декрет Совета народных комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В Конституции РСФСР 1918 г. свобода совести была провозглашена в ст. 13: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». Кроме того, законом предусма-

¹⁶ Именной Высочайший указ, данный Сенату «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (далее — ПСЗ III). Т. 26. № 28392. Октября 5 1906 г. С. 892.

¹⁷ Манифест об усовершенствовании государственного порядка // ПСЗ III. Т. XXV. № 26803. Октября 17 1905 г. С. 754.

¹⁸ Стенографические отчеты / Гос. дума, четвертый созыв, сессия первая. Ч. 1, Заседания 1—30 (с 15 ноября 1912 г. по 20 марта 1913 г.). 1913. С. 1614.

тривалось, что «каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой», разрешалось свободное исполнение религиозных обрядов, не нарушающих общественного порядка и не посягающих на права граждан и государства¹⁹. Как указывал О. И. Чистяков, нарком юстиции П. И. Стучка критиковал ст. 13 Основного закона именно за допущение права религиозной пропаганды, полагая, что свободу совести можно обеспечить лишь антирелигиозной пропагандой²⁰.

Вместе с тем советские лидеры понимали, что общественная психология меняется не вдруг, но со временем: под воздействием просвещения и агитации, и считали, что на смену «темной религиозной идеологии» народа придет новая вера «в светлое будущее» и постепенно утвердятся в народе атеизм и коммунистическая идеология.

Политические права: свобода слова, право на мирные собрания и публичные манифестации, право на объединение, право участвовать в управлении делами государства, в той или иной степени закреплялись как ОГЗ (ред. 1906 г.), так и первой советской Конституцией.

Согласно ст. 37 ОГЗ «каждый может, в пределах, установленных законом, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати или иными способами». В соответствии со ст. 93 Устава о цензуре и печати во всех произведениях печати следовало не допускать нарушения должного уважения к учению и обрядам христианских исповеданий, охранять неприкосновенность верховной власти и ее атрибутов, уважение к особам царствующего дома, непоколебимость Основных законов. Согласно ст. 96 «не допускаются к печати статьи, в которых возбуждается неприязнь и ненависть одного сословия к другому...». Указом императора «Об изменении и дополнении временных правил о периодической печати» от 18 марта 1906 г. устанавливалась обязанность содержателей или управителей типографий предоставлять номера повременного издания местному установлению или должностному лицу по делам печати. Предоставление рисунков, изображений должно было осуществляться не позднее чем за 24 часа до выпуска номера из типографии. Местное установление было вправе наложить арест на все экземпляры печатного издания, когда в этом номере заключались признаки преступного деяния, предусмотренного уголовным законом²¹. То есть действовала предварительная цензура для периодических печатных изданий. Указ «О временных правилах для неповременной печати» от 26 апреля 1906 г. провозгласил отмену предварительной цензуры для непериодических изданий, однако устанавливал обязанность ответственного лица предоставлять издания местному комитету или инспектору по делам печати. Эти органы были вправе наложить арест на экземпляры изданий. Кроме того, данным Указом в Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. вносились изменения и дополнения, устанавливающие ответственность и виды наказания для владельцев или

¹⁹ Декрет СНК от 20 января 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1918 г. № 18. Ст. 263.

²⁰ Чистяков О. И. Указ. соч. С. 38.

²¹ Именной Высочайший указ, данный Сенату «Об изменении и дополнении временных правил о периодической печати» // ПСЗ III. Т. 26. № 27574. Марта 18 1906 г. С. 281—283.

управляющих типографий в отношении «учинения оными преступных деяний в неповременных изданиях»²².

Конституция РСФСР 1918 г. в ст. 14 провозгласила уничтожение зависимости печати от капитала, предоставляя в руки рабочего класса и крестьянской бедноты технические и материальные средства печати, для обеспечения их свободного распространения по всей стране. Вместе с тем советская Конституция ограничивала в этом праве «отдельных лиц», которые могли воспользоваться им «в ущерб интересам социалистической революции». Надзор за печатью в целях охраны военной и государственной тайны, недопущения контрреволюционной пропаганды в печати с 6 июня 1922 г. осуществляло вновь учрежденное Главное управление по делам литературы и издательства (Главлит).

Таким образом, свобода слова и печати была закреплена в ОГЗ Российской империи и в Конституции РСФСР 1918 г., но ограничивалась и юридически (принятием нормативных правовых актов, устанавливающих правила печати), и фактически (посредством контроля со стороны уполномоченных органов власти за печатными изданиями). Такие ограничения предусматривались ввиду обеспечения государственной безопасности и общественного спокойствия, для сохранения существующей власти.

Свобода собраний и публичных манифестаций закреплялась ст. 36 ОГЗ, в которой говорилось, что российские подданные имеют право устраивать собрания в целях, не противных законам, мирно и без оружия. Порядок проведения собраний определялся законом.

Указом «О временных правилах о публичных собраниях» от 4 марта 1906 г. предусматривался уведомительный порядок проведения собраний. Публичные собрания под открытым небом должны были проходить в соответствии с правилами, установленными Указом, и с разрешения губернатора или градоначальника и начальника местной полиции. Желая устроить публичное собрание обязан был уведомить начальника полиции подачей заявления, в котором указывались день, час, предмет собрания, данные об устроителе, докладчике. Губернатор или начальник полиции были вправе назначать должностное лицо для присутствия в публичном собрании. Надзирающий за порядком собрания должен был распорядиться о закрытии собрания в случае, если оно отклонилось от предмета занятий, когда высказываются суждения, возбуждающие вражду одной части населения против другой, когда нарушен порядок собрания побуждением к насилию или неповиновению властям и вследствие этого собрание приняло характер, угрожающий общественному спокойствию, безопасности²³.

«Свобода собраний — что может быть выше, что может быть лучше этого слова! Мыслимо ли развитие трудящихся и их сознательности без свободы собраний? Мыслимы ли основы человечности без свободы собраний?» — говорил В. И. Ленин²⁴. Статья 15 Конституции РСФСР 1918 г. признавала право граждан

²² Именной Высочайший указ, данный Сенату «О временных правилах для неповременной печати» // ПСЗ III. Т. 26. № 27815. Апреля 26 1906 г. С. 481—483.

²³ Именной Высочайший указ, данный Сенату «О временных правилах о публичных собраниях» // ПСЗ III. Т. 26. № 27480. Марта 4 1906 г. С. 207—210.

²⁴ Ленин В. И. ПСС. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1967. Т. 38. С. 350.

свободно устраивать собрания, митинги, шествия и т.п. Конституционной гарантией реализации этого права для рабочего класса и крестьянской бедноты стало предоставление в их распоряжение «всех пригодных для устройства народных собраний помещений с обстановкой, освещением и отоплением». Вместе с тем данное право также было ограничено законом, не допускавшим контрреволюционной деятельности и пропаганды.

Право на объединение гарантировалось ст. 38 ОГЗ, закреплявшей право на создание обществ и союзов в целях, не противных законам. В соответствии с Указом от 4 марта 1906 г. «О временных правилах об обществах и союзах» общества могли образовываться без разрешения органов власти при соблюдении правил, однако министр внутренних дел был вправе во всякое время, по ближайшему своему усмотрению закрывать общества, если их деятельность признается им угрожающей общественному спокойствию или безопасности²⁵.

Право на объединение закреплялось и в ст. 16 Конституции РСФСР 1918 г.: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы союзов Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, слолив экономическую и политическую власть имущих классов и этим устранив все препятствия, которые до сих пор мешали в буржуазном обществе рабочим и крестьянам пользоваться свободой организации и действия, оказывает рабочим и беднейшим крестьянам всяческое содействие, материальное и иное, для их объединения и организации».

По мнению Б. Н. Земцова, при самодержавии такие права были нужны большевикам для неограниченной критики существующего строя, а после Октября 1917 г. ситуация в корне менялась, и большевики отнюдь не были заинтересованы в том, чтобы кто-то мог свободно вести работу по подрыву их власти²⁶. То есть законодательство сохранило общий принцип, в соответствии с которым деятельность обществ и союзов должна согласовываться с целями советской Конституции и задачами социалистического строительства.

Избирательный закон от 11 декабря 1905 г. впервые предоставил избирательные права землевладельцам, части городских жителей и рабочих. Для рабочих и горожан была установлена система трехстепенных выборов, для крестьян — четырехстепенных выборов. Но, несмотря на то, что закон не дал ни всеобщего, ни прямого, ни равного избирательного права, Государственная дума первого и второго созывов оказалась слишком радикальной для правительства. С. Ю. Витте по этому поводу не без досады отмечал: «Думу эту, кажется, прозвали “Думой народного возмездия”. Мне кажется, было бы правильнее ее прозвать “Думой общественного увлечения и государственной неопытности”»²⁷. Невозможность организовать конструктивную работу вновь созданного российского парламента вызвала его роспуск и вынудила Николая II пойти на нарушение ОГЗ. 3 июня 1907 г. было принято новое Положение о выборах в Государственную думу, лишившее избирательных прав жителей окраин страны, сократившее представительство

²⁵ Именной Высочайший указ, данный Сенату «О временных правилах об обществах и союзах» // ПСЗ III. Т. 26. № 27479. Марта 4 1906 г. С. 201—207.

²⁶ Земцов Б. Н. Конституционные основы большевистской власти (первая советская Конституция) // Российская история. 2006. № 5. С. 65—74.

²⁷ Витте С. Ю. Воспоминания, мемуары. М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2002. Т. 2. С. 456.

от городов и общее количество выборщиков от крестьянской курии, усилившее позиции крупных землевладельцев.

Таким образом, несмотря на долгожданное учреждение в России законодательного представительного органа, выборы были косвенными, многоступенчатыми, имели классовый и цензовый характер. Относительная работоспособность (послушность правительству) Думы третьего и четвертого созывов была обеспечена формированием в ней проправительственного октябристского блока и системой принятия законов, вошедших в историю под названием «октябристский маятник».

Большевики критиковали царское правительство за недемократическую систему выборов, ратуя за «четыреххвостку»: всеобщие, равные, прямые выборы при тайном голосовании, однако, придя к власти, в условиях переходного периода вынуждены были на время от нее отказаться. Конституция РСФСР 1918 г. в ст. 10 установила, что вся власть в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских советах. Конституцией РСФСР определялся характер избирательного права: выборы становятся всеобщими только для трудящихся, однако представительство остается неравным, а система выборов по-прежнему сохраняет многоступенчатый характер.

На Пятом Всероссийском съезде советов максималист Полянский заявил о том, что «едва ли считается правильным неравенство представительства тех или иных групп трудящихся», когда Всероссийский съезд советов составляется из представителей городских советов по расчету 1 депутат на 25 000 избирателей, а представителей губернских съездов советов по расчету 1 депутат на 125 000 жителей. Ю. М. Стеклов возражал и так обосновывал особенности избирательной системы: «Мы создавали свой проект сообразно тому, как строилась советская Россия в процессе борьбы. В городах процент взрослого населения гораздо больше: сюда прибывает главным образом взрослое население. Вот почему мы городу предоставляем выбирать по числу избирателей. Иначе получилась бы несправедливость, потому что в деревне, например, на 125 тыс. жителей избирателей гораздо меньше, чем на такое же число в городах. Вот блестящий пример. Петроград, который имеет свыше 2 млн жителей, на съезде никогда не имел больше 20—25 делегатов. Это показывает, что даже такие специфические города, где процент избирателей выше по отношению к числу жителей, не имеют никаких преимуществ»²⁸.

Таким образом, выборы не стали ни всеобщими, ни равными, ни прямыми, да и голосование чаще всего проводилось открыто (не было тайным).

В сфере **экономических, социальных и культурных прав** большое значение имели право частной собственности и свобода экономической деятельности, которые устанавливались в ст. 34 ОГЗ: «Каждый российский подданный имеет право свободно избирать место жительства и занятие, приобретать и отчуждать имущество», а также в ст. 35, гласившей: «Собственность неприкосновенна. Принудительное отчуждение недвижимых имуществ, когда сие необходимо для

²⁸ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. С. 193—196.

какой-либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе, как за справедливое и приличное вознаграждение»²⁹.

Конституция РСФСР 1918 г. в ст. 3 гл. 2 отменила эти нормы и провозгласила, что частная собственность на землю отменяется, осуществляются социализация земли, переход сельскохозяйственных и промышленных предприятий в собственность рабоче-крестьянского государства. Б. А. Страшун предложил тому следующее обоснование: стихийное развитие капитализма порождало все более разрушительные кризисы, ввиду чего от государства требовалось интенсивное включение в хозяйственную жизнь, что и отразилось в конституционных формулах, относящихся к собственности. В конституциях, принятых после Первой мировой войны, собственность более не является священной, ей свойственна общественная функция³⁰.

Одним из немаловажных социальных прав человека, которое создает необходимые условия для развития как личности, так и всего общества, является право на образование. Чем лучше и шире образовано общество, тем выше его достижения в экономике, социальной жизни и культуре, тем благоприятнее условия жизни каждого человека³¹.

Вопрос о предоставлении права на образование не раз ставился на обсуждение в Государственной думе, однако лишь Конституция РСФСР 1918 г. в ст. 17 провозгласила: «В целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика ставит своей задачей предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование».

С целью реализации этой задачи в 1918 г. был издан Декрет «О создании школ для национальных меньшинств», а в 1919 г. — Декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», предусматривающий, что «все население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязано обучиться грамоте на родном или русском языке по желанию». Декретом 1918 г. «О единой трудовой школе» была начата реформа образования. Кроме того, была предложена долгосрочная программа развития народного образования, которая и выполнялась в течение всего советского периода. С. Кара-Мурза показал, что эта программа определила черты советской системы образования, которая понимала школу как главный государственный институт, который «создает» гражданина и воспроизводит общество. Советская школа стала формироваться как единая общеобразовательная, основанная на университетской культуре и ставящая своей целью воспроизводство народа, а не классов. Это была невиданная социальная роскошь, которая с трудностями и частными неудачами была предоставлена всему населению СССР³².

²⁹ Высочайше утвержденные Основные государственные законы Именной Высочайший указ, данный Сенату // ПСЗ III. Т. 26. № 27805. Апреля 23 1906 г. С. 458.

³⁰ Конституционное (государственное право) зарубежных стран : учебник : в 4 т. / отв. ред. Б. А. Страшун. 3-е изд., обновл. и дораб. М. : Бек, 2000. Т. 1—2 : Часть общая. С. 108.

³¹ Конституционное (государственное право) зарубежных стран. Т. 1—2. С. 149.

³² Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. М. : Алгоритм, 2001. Кн. 1 : От начала до Великой победы.

Особое внимание советской власти к постановке всеобщего образования было обусловлено стремлением к достижению высшей цели — коммунизма, что не мыслилось без воспитания нового человека — хорошо образованного и высоко сознательного, воспитанного в духе коллективизма, который в меру своих способностей приложит все возможные усилия для построения «светлого будущего».

Как известно, взаимосвязь и взаимообусловленность прав и обязанностей является принципом правового статуса личности. Основные государственные законы 1906 г. в качестве наиболее значимых обязанностей устанавливали две — воинскую: «Защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. Мужское население, без различия состояний, подлежит воинской повинности согласно постановлениям закона» (ст. 28) и обязанность уплаты законно установленных налогов и сборов: «Российские подданные обязаны платить установленные законом налоги и пошлины, а также отбывать повинности согласно постановлениям закона» (ст. 29).

Конституция РСФСР 1918 г. также возлагает обязанности на советских граждан. Для ликвидации эксплуатации человека человеком, обеспечения потребностей молодого Советского государства и воспитания личности в духе идеалов коммунизма была введена всеобщая трудовая повинность, ст. 18 Конституции РСФСР провозгласила: «Не трудящийся, да не ест!».

Всеобщая трудовая повинность допускала возможность работать в любой сфере общественно полезной деятельности. На практике от этой обязанности освобождались граждане, не имеющие возможности трудиться по состоянию здоровья или по возрасту — малолетние дети и старики. Допуская все виды и формы труда, законодательство устанавливало лишь одно условие — труд должен быть общественно полезным. За неисполнение обязанности трудиться к лицу применялись меры государственного принуждения.

Другой важнейшей обязанностью советских граждан Конституция 1918 г. признает защиту социалистического Отечества в целях всемерной охраны завоеваний Великой октябрьской революции, установленной в ее ст. 19. Обязанность возлагалась на всех граждан РСФСР, в том числе на нетрудовые элементы, однако почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставлялось только трудящимся. Нетрудовые элементы должны были защищать родину путем исполнения иных военных обязанностей, например, в военно-строительных или хозяйственных подразделениях.

Первая советская Конституция, закрепляя обязанности, объясняла их назначение — «охрана завоеваний Великой Рабоче-Крестьянской Революции», «уничтожение эксплуатации человека человеком», строительство социализма. Основные обязанности советских граждан осуществлялись в интересах укрепления социалистического общественного и государственного строя. Тем самым они соответствовали не только общественным, но и личным интересам граждан Советской страны. Это одно из важнейших проявлений единства прав и обязанностей советских граждан³³.

Постановлением Шестого всероссийского чрезвычайного съезда советов «О законности» была введена и обязанность всех субъектов общественных от-

³³ Чистяков О. И. Указ. соч. С. 57.

ношений точно соблюдать основы выработанных законов в целях дальнейшего развития и укрепления власти рабочих и крестьян в России. Съезд постановил призвать всех граждан Республики, все органы и всех должностных лиц советской власти к строжайшему соблюдению законов РСФСР, постановлений и распоряжений; установить, что меры, отступающие от законов РСФСР, допустимы только в случае, если они вызваны экстренными условиями гражданской войны и борьбой с контрреволюцией. В каждом подобном случае применение меры должно сопровождаться точным формальным установлением условий, требующих выхода за пределы закона, немедленным сообщением о данном случае в СНК. Кроме того, данный акт закрепил право на обжалование лицом неправомерных действий государственных органов и должностных лиц³⁴.

Важным условием обеспечения прав и свобод человека и гражданина, сформировавшимся в противовес системе сословных привилегий, является реализация принципа всеобщности прав, свобод и обязанностей, или равноправия.

В Российской империи, как известно, сохранялось неравенство по сословному, национальному и половому признакам. Массовые недовольства вызывали сохранение «черты еврейской оседлости» и острота «еврейского вопроса» в целом.

Конституция РСФСР 1918 г. объявив, что: «Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России» (ст. 10 гл. 5), впервые в истории российского права в ст. 22 устанавливала равенство всех трудящихся независимо от расовой и национальной принадлежности, запрещала допущение привилегий или ограничений на этом основании. Вместе с тем в ней устанавливались некоторые изъятия, соответствующие провозглашенной диктатуре городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства. «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции» (ст. 23). И в первую очередь здесь имелись в виду лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли, живущие на нетрудовой доход, частные торговцы, монахи и духовные служители церквей, служащие и агенты бывшей полиции, а также члены царствовавшего в России дома, которые в отличие от трудящихся были лишены избирательных прав (ст. 65).

О реализации равенства граждан независимо от их национальности Ю. М. Стеклов говорил, что в пределах границ советской республики проживают народы, находящиеся на различных стадиях развития и отличающиеся своими особенностями. Некоторые из них опасаются применения старой политики, тревожатся за неприкосновенность своих национальных прав, ввиду чего советскому правительству необходимо считаться с их особенностями и предоставить их трудовым массам права самоопределения, права войти в состав советской Республики на федеративных началах³⁵.

³⁴ Шестой Всероссийский чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов : стенографический отчет. 6—9 ноября 1918 г. М. : Изд-во ВЦИК, 1919. С. 17.

³⁵ См.: Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. С. 187.

Член Пятого Всероссийского съезда советов максималист Полянский вносил предложение «отказаться от всех архаичных названий, которые мы принесли из прошлого... в деле деления трудящихся на группы рабочих, крестьян, солдат, матросов и т.д. Ныне труд должен быть представлен солидарно, без всяких разделений на группы». Ю. М. Стеклов же полагал, что путем издания декрета или параграфа Конституции невозможно создать или отменить сословные деления. Названия вырабатываются в процессе борьбы и строительства, и таким же порядком они изменяются. Ввиду переходного момента особую важность имело то, чтобы «всякий темный, отсталый крестьянин в деревне, да, если хотите, и не отсталый, чувствовал обязательно, что принимает в этой центральной власти участие, и чтобы он видел, что там находятся и крестьяне, и рабочий класс, и казачество. Это — исторические термины. Они исчезнут со временем, с преобразованием социального строя, но незачем уничтожать их насильственно и механически»³⁶.

Итак, Конституция РСФСР 1918 г., в отличие от Свода Основных государственных законов (изд. 1906 г.), не имела специальной главы, посвященной правам и обязанностям граждан, эти нормы содержались главным образом в разделе втором «Общие положения Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Но наряду с объявленными правами и свободами в Конституции впервые были прописаны гарантии их реализации.

В речи, посвященной годовщине революции, В. И. Ленин отмечал: «Мы знаем, что эта советская Конституция... не выдумана какой-нибудь комиссией, не сочинена юристами, не списана с других конституций. В мире не бывало таких конституций, как наша. В ней записан опыт борьбы и организации пролетарских масс против эксплуататоров и внутри страны, и во всем мире»³⁷.

Представляя проект конституции, Ю. М. Стеклов признавал некоторые недостатки, указывая, что она не полна, не складна, возможно, имеет ряд стилистических недостатков. Он отмечал, что составители Конституции не гнались за тем, чтобы филигранно отделывать фразы, а интересовались существом дела, и уповал на то, что впоследствии будет выработана еще не одна новая Конституция, так как пределы для человеческого развития не установлены³⁸.

И содержание, и уровень юридической техники, и сам дух Конституции соответствовали ее народному характеру: ведь эта Конституция и мыслилась как Основной закон трудового народа молодой советской Республики. Она должна была быть понятной трудящимся и соответствующей основным его чаяниям.

Конституция РСФСР 1918 г. отменила такие права, как право частной собственности на землю, и свободу экономической деятельности, что было обусловлено базовыми принципами построения социалистического государства. Она объявила свободу совести и вероисповедания и предоставила политические права трудящимся: свободу слова, собраний, объединений, избирательные пра-

³⁶ См.: Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. С. 190—196.

³⁷ См.: Шестой Всероссийский чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. С. 34.

³⁸ См.: Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. С. 191.

ва. Важнейшим достижением государственного права, зафиксированным в Конституции РСФСР 1918 года, стало равенство трудящихся независимо от пола, национальности, происхождения. Впервые была провозглашена задача — предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование.

Конституция провозглашала только те права и свободы, которые реально могла гарантировать. Временный характер Конституции переходного периода и задачи подавления сопротивления свергнутых классов предполагали существенные ограничения в правах всех, кто к таковым относился. Условия гражданской войны не позволяли обеспечить личные свободы: неприкосновенность личности и жилища, тайну переписки. А серьезные материальные и организационные трудности не давали возможности пока гарантировать соответствующий уровень образования и медицинского обслуживания. Вместе с тем Конституция создавала юридическую базу, всемерно способствующую формированию условий для дальнейшего решения этих важнейших, хорошо осознаваемых советской властью задач. На базе конституционных норм развивалось отраслевое законодательство, впервые была сформирована отрасль трудового права, ставшая важнейшим революционным завоеванием, обеспечившим интересы трудящихся масс.

Первая советская Конституция носила международный характер, она оказала влияние на становление и развитие конституционализма в других социалистических государствах. Не случайно составители Конституции указывали на всемирно-историческое значение первой советской Конституции, в которой русская революция окончательно сметает остатки старого строя и создает новые социальные отношения, впервые в акте общегосударственного характера выдвигает принципы Интернационала. В. И. Ленин указывал и на громадное пропагандистское значение Конституции для трудящихся зарубежных стран³⁹.

Таким образом, Конституция РСФСР 1918 г. закрепила итоги революции 1917 г., уникальным образом выстроила систему взаимодействия личности, общества и государства в условиях «диктатуры пролетариата» и поставила цель дальнейшего развития России на путях социализма и строительства коммунизма, провозгласив задачи «подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти». Правда, как показала история, последняя задача оказалась утопической.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Bumte С. Ю.* Воспоминания, мемуары. — М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2002. — Т. 2. — 800 с.
2. *Земцов Б. Н.* Конституционные основы большевистской власти (первая советская Конституция) // Российская история. — 2006. — № 5. — С. 65—74.
3. *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация. — М. : Алгоритм, 2001. — Кн. 1 : От начала до Великой победы.

³⁹ Подробнее см.: *Чистяков О. И.* Указ. соч. С. 1.

4. Конституционное (государственное право) зарубежных стран : учебник : в 4 т. / отв. ред. Б. А. Страшун. 3-е изд., обновл. и дораб. — М. : Бек, 2000. — Т. 1—2 : Часть общая. — 784 с.
5. Ленин В. И. ПСС. 5-е изд. — М. : Издательство политической литературы, 1967. — Т. 38.
6. Лукьянова Е. А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917—1993). — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. — 190 с.
7. Уголовное право России. Общая часть / под ред. Ф. Р. Сундунова, И. А. Тарханова. 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2009. — 751 с.
8. Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 года. — 2-е изд., перераб. — М. : Зерцало-М, 2003. — 183 с.
9. Шейнис В. Л. Большеви́стская власть и первая советская Конституция // Общественные науки и современность. — 2012. — № 1. — С. 106.
10. Энгельс Ф. Об авторитете // Соч. Т. 18. С. 305.

**Людмила Анатольевна
ЗАЙЦЕВА,**

кандидат
юридических наук, доцент
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
disersovet@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТАТУС СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (1918—1977 гг.)

Аннотация. Статья посвящена правовому статусу правительства в период Советского государства и права. Анализируются статьи конституционных актов, закрепляющие порядок формирования, права, обязанности и ответственность правительства на каждом этапе развития Советского государства. Подчеркивается, что через все конституционное строительство Советского государства проходила «красной нитью» так называемая идеологическая составляющая. Партийные органы, с формально-юридической точки зрения не встроенные в систему государственного управления, являлись «ядром» советской государственности.

Ключевые слова: конституция, правительство, система государственного управления.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.48.8.092-104

L. A. ZAYTSEVA,

Candidate of Juridical Sciences (PhD)
at O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA)
disersovet@mail.ru

STATUS OF THE GOVERNMENT IN CONSTITUTIONS (1918—1977)

Abstract. This article deals with the legal status of the government in the soviet state. Author analyses constitutional acts, stipulating the way of forming, rights, obligations and responsibilities of the government on every stage of state development. Author determines that ideology component played an important role in constitutional construction in USSR. Party organs being legally not the part of the system of public administration were the core organs in the soviet state.

Keywords: Constitution, government, system of the state government.

В истории государства и права формирование правительственных структур является длительным и трудным процессом. На каждом этапе развития государства статус правительства как основного органа управления имеет свои особенности и отличительные черты. Так, раннефеодальная монархия располагала советом при князе, феодальные республики — Осподой (Совет господ или Боярский совет), самодержавная монархия — Боярской думой, которая играла значимую роль и в рамках сословно-представительной монархии. В период абсолютной монархии все правительства, какими бы разнообразными они ни были, исполняли неограниченную волю монарха. Начало XX в. внесло в историю российского правительства существенные изменения: четкое структурирование

исполнительной власти, появление Совета министров как коллегиального органа управления государством. В истории российской государственности правительство являлось высшим исполнительно-распорядительным и законодательным органом в очень короткий период — период функционирования Временного правительства, возникшего в результате революционных событий. Первое советское правительство также возникло в результате революционных событий, некоторое время именовавшихся государственным переворотом.

Формально новый общественно-государственный строй был закреплён в Декрете об образовании Рабочего и крестьянского правительства от 27 октября 1917 г., в котором провозглашалось образование «для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, Временного рабочего и крестьянского правительства, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров» (далее — Декрет 1917 г.)¹. Декрет 1917 г. определял, что «заведование отдельными отраслями государственной жизни поручается комиссиям... а правительственная власть принадлежит коллегии председателей этих комиссий, то есть Совету Народных Комиссаров». Декретом 1917 г. был определен персональный состав первого советского правительства, а его Председателем стал Владимир Ульянов (Ленин). Данная ситуация свидетельствовала об особой роли правительства в упрочении советской власти. Правительство состояло из народных комиссаров, осуществлявших государственное управление в следующих областях: «по внутренним делам, по вопросам земледелия, труда, по делам военным и морским, по делам торговли и промышленности, народного просвещения, финансов, по делам иностранным, юстиции, по делам продовольствия, почт и телеграфов, по делам национальностей, по делам железнодорожным»². По мнению профессора И. А. Исаева, Второй Всероссийский съезд советов, на котором был принят Декрет 1917 г., «носил учредительный характер. На нем были созданы руководящие государственные органы и приняты первые правовые акты, имевшие конституционное, основополагающее для новой власти значение»³.

На Третьем Всероссийском съезде советов (10—18 января 1918 г.) было принято постановление «О новом наименовании существующей государственной власти», которое имело вполне закономерный характер и связано было с роспуском Учредительного собрания. Теперь из наименования правительства было исключено слово «Временное». Данным постановлением утверждалось следу-

¹ Декрет Второго съезда советов рабочих и солдатских депутатов от 27 октября 1917 г. «Об образовании рабочего и крестьянского правительства» // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 20—21. См. подробнее: Первое Советское правительство. Окт. 1917 — июль 1918 / науч. ред. А. П. Ненароков. М. : Политиздат, 1991.

² Декрет Второго съезда советов рабочих и солдатских депутатов «Об образовании рабочего и крестьянского правительства».

³ Исаев И. А. История государства и права России : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2009. С. 559. См. также: Декрет о земле Второго Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов от 26 октября 1917 г., Декрет о мире Второго Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов от 26 октября 1917 г., Декрет Второго съезда советов рабочих и солдатских депутатов об образовании рабочего и крестьянского правительства от 27 октября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. С. 12—21.

ющее наименование правительства: «Рабочее и Крестьянское Правительство Российской Советской Республики»⁴.

Несомненно, для закрепления нового государственного строя и обобщения накопившегося законодательного материала необходим был «заключительный этап конституционного строительства»⁵ — принятие Основного закона государства.

В Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 10 июля 1918 г.⁶ статьи, регулирующие правовой статус правительства, размещены в третьем разделе «Конструкция советской власти», который состоял из двух подразделов: А. «Организация центральной власти» и Б. «Организация советской власти на местах». В рамках подраздела А. «Организация центральной власти» размещена специальная глава 8 (ст. 37—48), посвященная правовому статусу правительства. Вместе с тем статьи, посвященные правительству, имеются и в некоторых других разделах Конституции РСФСР 1918 г.

Статья 37 Конституции РСФСР 1918 г. провозглашала, что «Совету Народных Комиссаров принадлежит общее управление делами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Таким образом, советское правительство данного периода являлось федеральным.

Совет народных комиссаров (далее — СНК) формировался основным органом государственной власти в период между съездами советов — Всероссийским центральным исполнительным комитетом (далее — ВЦИК) (ст. 31, 35 Конституции РСФСР 1918 г.). ВЦИК в рамках реализации своих полномочий утверждал «общее направление деятельности рабоче-крестьянского правительства и всех органов советской власти в стране», а члены ВЦИК «работали в отделах (народных комиссариатах)», которые создавались в целях осуществления государственного управления в различных отраслях (ст. 35, 36 Конституции РСФСР 1918 г.).

Так, ст. 43 Конституции РСФСР 1918 г. закрепляла следующий перечень народных комиссариатов: «а) по иностранным делам; б) по военным делам; в) по морским делам; г) по внутренним делам; д) юстиции; е) труда; ж) социального обеспечения; з) просвещения; и) почт и телеграфов; к) по делам национальностей; л) по финансовым делам; м) путей сообщения; н) земледелия; о) торговли и промышленности; п) продовольствия; р) государственного контроля; с) Высший совет народного хозяйства; т) здравоохранения».

Согласно Конституции РСФСР 1918 г. возглавлял работу народного комиссариата член СНК (ст. 42). Статья 48 закрепляла, что «звание народного комиссара принадлежит исключительно членам Совета народных комиссаров, ведающего

⁴ URL: <http://constitution.garant.ru/history/act.1600-1918/5324> (дата обращения: 02.05.2018).

⁵ *Исаев И. А.* История государства и права России. С. 583.

⁶ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 10 июля 1918 г. // СПС «ГАРАНТ».

Конституция РСФСР 1918 г. состоит из шести разделов: Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. «Общие положения Конституции РСФСР», «Конструкция советской власти», «Активное и пассивное избирательное право», «Бюджетное право», «О гербе и флаге РСФСР». См. подробнее: *Исаев И. А.* История государства и права России. С. 583—588; *Чистяков О. И.* Конституция РСФСР 1918 года. 2-е изд., перераб. М.: Зерцало-М, 2003.

общими делами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, и никаким иным представителям советской власти как в центре, так и на местах присвоено быть не может». При каждом народном комиссаре, который имел право также и единолично принимать решения, образовывалась коллегия под его председательством (ст. 43). Таким образом, в системе исполнительной власти закреплялось сочетание единоначалия и коллегиальности.

Предусматривался институт обжалования решений народного комиссара в СНК и ВЦИК (ст. 45). С целью реализации своих полномочий СНК принимал нормативные правовые акты, а ВЦИК, в свою очередь, «имел право приостановить или отменить решение или постановление СНК» (ст. 38, 40). Нормативные правовые акты СНК, имевшие важное общеполитическое значение, подлежали утверждению ВЦИК (ст. 41). Вместе с тем примечание ст. 41 конкретизировало, что «мероприятия, требующие неотложного выполнения, могли быть осуществлены СНК непосредственно».

Анализ рассмотренных статей Конституции РСФСР 1918 г. показывает, что СНК как орган государственного управления был наделен законодательными полномочиями. Данное положение отразило сложившуюся на тот момент практику. Примером могут служить первые советские декреты, а именно Декрет о суде № 1 от 22 ноября 1917 г.⁷, который был принят СНК. Таким образом, в первые годы формирования советской государственности принцип разделения властей не применялся.

Отмечая своеобразие государственного строительства в революционную эпоху, стоит согласиться с Б. М. Лазаревым, который обосновывает причины такой практики необходимостью «срочного законодательного оформления ломки старых и создания новых общественных отношений; невозможностью сразу же точно разграничить компетенцию между высшими органами государства; отрицательным отношением к принципу “разделения законодательной и исполнительной властей”»⁸. И. А. Исаев, определяя историческое значение Конституции РСФСР 1918 г., подчеркивает, что данная Конституция «подвергла пересмотру старую систему общественных отношений, декларировав новые принципы и социальные ценности; закрепила реальные механизмы власти и формирования ее структур, положив в их основание новую идеологию», создала правовую базу для последующего законотворчества⁹.

В 1922 г. четыре советские республики объединялись в новую форму федерации — Союз Советских Социалистических Республик¹⁰. Образование нового социалистического советского государства явилось вполне закономерным этапом, поскольку основные территории бывшей Российской империи по многим причинам тяготели к объединению. Вместе с тем смогли объединиться в новое государственное образование только те территории, на которых установилась

⁷ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. 124—126.

⁸ Лазарев Б. М. «Разделение властей» и опыт советского государства // Социалистическое правовое государство. Проблемы и суждения / Институт государства и права АН СССР ; ред. колл. : Казимирчук В. П., Славин М. М., Топорнин Б. Н. (отв. ред.). М., 1989. С. 146.

⁹ Исаев И. А. История государства и права России. С. 588.

¹⁰ Исаев И. А. Правовая культура России : учеб. пособие. М. : Проспект, 2013. С. 86.

советская власть, сложилось политическое и социально-экономическое единство, предопределенное сильным влиянием Российской коммунистической партии (большевиков).

В 1924 г. был принят Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик¹¹. Конституцию СССР 1924 г. условно можно считать «специальной» конституцией, она закрепляла образование нового государства¹².

В Конституции СССР 1924 г. федеральному правительству посвящены две главы Договора об образовании СССР¹³. Кроме того, ряд статей, касающихся статуса правительства, имелся также и в других главах. Конституция СССР 1924 г. определяла статус и место СНК СССР в системе органов государственного управления, указывая в ст. 49, что СНК СССР создавался для осуществления отраслевого государственного управления.

Согласно Конституции СССР 1924 г. союзное правительство (СНК СССР) создавалось ЦИК СССР, который определял «круг деятельности» правительства (ст. 17)¹⁴, с целью реализации своих исполнительных и распорядительных полномочий. Правительство могло также принимать «декреты и постановления, обязательные к исполнению на всей территории СССР» (ст. 38). Статья 18 указывала, что «все декреты и постановления, определяющие общие нормы политической и экономической жизни СССР, а также вносящие коренные изменения в существующую практику государственных органов СССР, обязательно должны восходить на рассмотрение и утверждение ЦИК СССР». Раскрывая компетенцию Президиума ЦИК СССР, Конституция закрепляла, что именно этот орган «рассматривает и утверждает проекты декретов и постановлений, вносимых СНК СССР» (ст. 33)¹⁵.

¹¹ Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик 1924 г. // СПС «ГАРАНТ».

¹² См. подробнее: *Исаев И. А.* История государства и права России. С. 673—675; *Чистяков О. И.* Конституция СССР 1924 года. М. : Зерцало-М, 2015.

¹³ Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик состоял из 11 глав: гл. I «О предметах ведения верховных органов власти Союза Советских Социалистических Республик»; гл. II «О суверенных правах союзных республик и о союзном гражданстве»; гл. III «О Съезде Советов Союза Советских Социалистических Республик»; гл. IV «О Центральном исполнительном комитете Союза Советских Социалистических Республик»; гл. V «О Президиуме Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик»; гл. VI «О Совете Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик»; гл. VII «О Верховном Суде Союза Советских Социалистических Республик»; гл. VIII «О Народных Комиссариатах Союза Советских Социалистических Республик»; гл. IX «Об объединенном государственном политическом управлении»; гл. X «О союзных республиках»; гл. XI «О гербе, флаге и столице Союза Советских Социалистических Республик».

¹⁴ Центральный исполнительный комитет Союза Советских Социалистических Республик являлся верховным органом власти СССР в период между съездами советов СССР. ЦИК СССР состоял из Союзного Совета и Совета Национальностей (ст. 8).

¹⁵ Статья 34 опосредованно показывала субъектный состав нового государства: «Декреты и постановления Центрального Исполнительного Комитета, его Президиума и Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик печатаются на

Таким образом, Конституция СССР 1924 г. сужала законодательную компетенцию СНК СССР по сравнению с Конституцией РСФСР 1918 г. Согласно духу Конституции СССР 1924 г. СНК СССР являлся органом государственного управления, который не мог самостоятельно осуществлять законодательные полномочия. Правительство в своей деятельности было подотчетно ЦИК СССР и его Президиуму (ст. 40), которые, в свою очередь, могли приостанавливать и отменять любые его решения (ст. 31, 41).

Конституция СССР 1924 г. уделяла большое внимание разграничению полномочий союзных и республиканских органов власти. Так, согласно ст. 40 и 41 правительство должно было «рассматривать декреты и постановления, вносимые как отдельными народными комиссарами Союза Советских Социалистических Республик, так и центральными исполнительными комитетами союзных республик и их президиумами». Центральные исполнительные комитеты союзных республик и их президиумы могли обратиться в Президиум ЦИК с несогласием в отношении решений союзного правительства. Именно Президиум ЦИК урегулировал споры «между СНК СССР и народными комиссариатами СССР, с одной стороны, и центральными исполнительными комитетами союзных республик и их президиумами — с другой» (ст. 35). Вместе с тем в Конституции СССР 1924 г. гл. X «О союзных республиках» закрепляла состав республиканских Советов народных комиссаров и отчасти взаимоотношения союзных и республиканских СНК. Так, в соответствии со ст. 67 «Центральные исполнительные комитеты союзных республик образуют свои исполнительные комитеты — советы народных комиссаров в составе: председателя СНК; заместителей председателя; председателя Высшего совета народного хозяйства; народных комиссаров земледелия; финансов; продовольствия; труда; внутренних дел; юстиции; рабоче-крестьянской инспекции; просвещения; здравоохранения; социального обеспечения, а также с правом совещательного или решающего голоса, по решению центральных исполнительных комитетов союзных республик, — уполномоченных народных комиссаров СССР по иностранным делам, по военным и морским делам, внешней торговли, путей сообщения, почт и телеграфов». Кроме того, ст. 68 конкретизировала, что Высший совет народного хозяйства и народные комиссариаты союзных республик, «подчиняясь центральным исполнительным комитетам и советам народных комиссаров союзных республик, осуществляют в своей деятельности директивы соответственных народных комиссаров СССР».

По Конституции СССР 1924 г. Правительство формировалось в составе: председателя, заместителей председателя, председателя Высшего совета народного хозяйства, народных комиссаров по иностранным делам, по военным и морским делам, внешней торговли, путей сообщения, почт и телеграфов, рабоче-крестьянской инспекции, труда, продовольствия, финансов (ст. 37). Отраслевые органы государственного управления создавались как общесоюзные (по иностранным делам, по военным и морским делам, внешней торговли, путей сообщения, почт и телеграфов), так и объединенные (Высший совет народного хозяйства, комиссариаты продовольствия, труда, финансов и рабоче-крестьянской инспекции)

языках, общепотребительных в союзных республиках (русский, украинский, белорусский, грузинский, армянский, тюрко-татарский)».

(ст. 49—52). Представители общесоюзных наркоматов функционировали в союзных республиках (ст. 53), одноименные объединенным наркоматам создавались в союзных республиках (ст. 54).

Возглавлял наркомат член СНК — народный комиссар (ст. 55). При каждом народном комиссаре формировалась коллегия, но нарком единолично мог принимать решения, поставив при этом в известность коллегию (ст. 56). Тем самым снова, как и в Конституции РСФСР 1918 г., закреплялось сочетание принципов единоначалия и коллегиальности в системе государственного управления.

Статья 57 закрепляла институт обжалования решений народного комиссара в СНК СССР либо коллегией, либо отдельными ее членами. Кроме того, распоряжения народных комиссаров могли быть отменены Президиумом ЦИК СССР и СНК СССР; приостановлены центральными исполнительными комитетами или президиумами центральных исполнительных комитетов союзных республик (ст. 58, 59).

Закреплялась персональная ответственность наркомов перед правительством и ЦИК (ст. 60). Статья 48 гл. VII «О Верховном Суде Союза Советских Социалистических Республик» предусматривала формирование специальных судебных присутствий (составов) для рассмотрения дел персональной подсудности членов ЦИК СССР и СНК СССР.

После принятия Конституции СССР 1924 г. в последующие годы были приняты новые конституции союзных республик, положения которых «почти текстуально повторяли основные положения союзной конституции»¹⁶.

Определяя характерные черты Конституции СССР 1924 г., И. А. Исаев указывает, что ее положения «дали Центру значительные полномочия для контроля периферии и были направлены на создание новой политической культуры, “пролетарской по содержанию и национальной по форме” (Сталин), на компромисс между коммунистическими планами всеобщего объединения и национальными традициями»¹⁷. Таким образом, республики, став составляющими частями федеративного государства, попали в подчинение центральных органов власти, а компетенция республиканских органов власти стала распространяться только на вопросы, не составляющие исключительной компетенции союзных органов власти.

Нельзя не отметить высокую активность советской власти в конституционном строительстве Советского государства. На смену Конституции СССР 1924 г. уже 5 декабря 1936 г. приходит Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, которая отразила произошедшие в стране политические, социальные и экономические изменения¹⁸. Кроме того, определенная

¹⁶ Исаев И. А. Правовая культура России. С. 87.

¹⁷ Исаев И. А. История государства и права России. С. 674—657.

¹⁸ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 1936 года // СПС «ГАРАНТ». См. подробнее: Исаев И. А. История государства и права России. С. 713—716.

Конституция СССР 1936 г. состояла из 13 глав: гл. I «Общественное устройство»; гл. II «Государственное устройство»; гл. III «Высшие органы государственной власти Союза Советских Социалистических Республик»; гл. IV «Высшие органы государственной вла-

специфика Конституции СССР 1924 г., как минимум в части отсутствия раздела, фиксирующего права и обязанности граждан, обосновывала необходимость принятия нового Основного Закона.

В Конституции СССР 1936 г. статусу Правительства СССР — Совету народных комиссаров посвящена гл. V «Органы государственного управления Союза Советских Социалистических Республик» и статьи в других разделах.

Согласно Конституции СССР 1936 г. Правительство формировалось Верховным Советом, впервые ставшим высшим органом государственной власти. Процедура формирования правительства предусматривала объединенное заседание палат Верховного Совета — Совета Союза и Совета национальностей (ст. 56, 33). Правительство образовывалось в составе председателя, его заместителей, председателя Государственной плановой комиссии, председателя Комиссии советского контроля, народных комиссаров, председателя Комитета заготовок, председателя Комитета по делам искусств, председателя Комитета по делам высшей школы и являлось высшим исполнительным и распорядительным органом (ст. 64, 70).

В соответствии со ст. 68 Конституции СССР 1936 г. Правительство объединяло и направляло работу народных комиссариатов СССР, других подведомственных ему учреждений; в случае необходимости могло образовывать специальные комитеты и главные управления при СНК СССР. Непосредственно народные комиссары руководили различными отраслями государственного управления (ст. 72). С этой целью образовывались народные комиссариаты как общесоюзные, так и союзно-республиканские (ст. 74). На территории всего государства осуществляли свою деятельность общесоюзные наркоматы¹⁹. Союзно-республиканские наркоматы осуществляли отраслевое управление, как правило, через одноименные наркоматы союзных республик и управляли предприятиями, список которых утверждал Верховный Совет СССР.

С целью реализации своих полномочий правительство принимало постановления и распоряжения (подзаконные акты) на основе и во исполнение действующих законов (ст. 66, 67). Статья 73 конкретизировала, что народные комиссары, в пределах своих полномочий, могли издавать приказы и инструкции, которые могло отменить правительство (СНК СССР). Теперь СНК СССР не имел права

сти союзных республик; гл. V «Органы государственного управления Союза Советских Социалистических Республик»; гл. VI «Органы государственного управления союзных республик»; гл. VII «Высшие органы государственной власти автономных Советских Социалистических Республик»; гл. VIII «Местные органы государственной власти»; гл. IX «Суд и прокуратура»; гл. X «Основные права и обязанности граждан»; гл. XI «Избирательная система»; гл. XII «Герб, флаг, столица»; гл. XIII «Порядок изменения Конституции».

¹⁹ К общесоюзным народным комиссариатам относились народные комиссариаты: обороны; иностранных дел; внешней торговли; путей сообщения; связи; водного транспорта; тяжелой промышленности; обороной промышленности (ст. 77). К союзно-республиканским народным комиссариатам относились народные комиссариаты: пищевой промышленности; легкой промышленности; лесной промышленности; земледелия; зерновых и животноводческих совхозов; финансов; внутренней торговли; внутренних дел; юстиции; здравоохранения (ст. 78).

принимать законодательные акты, поскольку это относилось к исключительной компетенции Верховного Совета СССР (ст. 32). По мнению Б. М. Лазарева, «сам по себе это был, несомненно, положительный факт. Однако Конституция почти не определила материальных предметов закона, а правительство сохранило право издания первичных нормативных актов по широкому кругу вопросов, то есть актов, выполняющих роль законов»²⁰.

Таким образом, анализируя законодательные полномочия СНК СССР согласно Конституциям 1918, 1924 и 1936 гг., можно сделать вывод о последовательном ограничении полномочий СНК СССР в области законотворчества.

В соответствии со ст. 65 Конституции СССР 1936 г. правительство несло ответственность перед Верховным Советом СССР, а в период между сессиями Верховного Совета — перед его Президиумом. Статья 71 ввела институт запроса депутата, не известный ранее конституции: «Правительство СССР или Народный Комиссар СССР, к которым обращен запрос депутата Верховного Совета СССР, обязаны не более чем в трехдневный срок дать устный или письменный ответ в соответствующей палате».

По аналогии с союзными органами власти создавалась и функционировала система органов государственного управления внутри союзных республик. И. А. Исаев обоснованно указывает, что в Конституции СССР 1936 г. «по сравнению с предыдущей Конституцией СССР 1924 г. значительно расширилась компетенция союзного Правительства (возросло число объединенных наркоматов в центре), особенно в сфере экономических задач»²¹.

Завершающий этап советского конституционализма связан с принятием Конституции (Основного Закона) СССР 1977 г.²² В данный период произошли значимые изменения в советском обществе и государстве. Сложилась объективная необходимость принятия современной конституции, основной целью которой стала бы попытка смягчения идеологических штампов. В доктринальный оборот вошли такие термины, как «общенародное государство», «развитое социалистическое общество», «референдум», «социалистическая демократия», «расширение гласности», «правовая основа государственной и общественной жизни». Вместе с тем, по мнению И. А. Исаева, «Конституция 1977 г. («эпоха застоя»), затушевывая классовую заостренность, свойственную Конституции 1936 г., тем не менее зафиксировала существующий статус кво: ведущую роль компартии, однозначно плановый характер экономики («пятилетки», «семилетки» и пр.), обязательное идеологическое единство «новой исторической общности» советский народ»²³.

²⁰ Лазарев Б. М. Указ. соч. С. 153.

²¹ Исаев И. А. История государства и права России. С. 715.

²² Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 1977 г. // СПС «ГАРАНТ». См. подробнее: Исаев И. А. История государства и права России. С. 756—757; Конституция развитого социализма: В помощь изучающим Конституцию СССР / В. Н. Кудрявцев, И. А. Азовкин, Б. М. Лазарев [и др.]. 2-е изд. М.: Политиздат, 1978; Стрекалов И. Н. Последняя Конституция Советского Союза. К вопросу о создании. М.: Алгоритм, 2018.

²³ Исаев И. А. Правовая культура России. С. 93.

Конституция СССР 1977 г. состоит из преамбулы и 9 разделов, которые разделены на главы²⁴. Статусу правительства посвящена гл. 16 «Совет Министров СССР» (ст. 128—136), которая размещена в разд. V «Высшие органы государственной власти и управления СССР».

Совет министров СССР, заменивший Совет народных комиссаров, формировался Верховным Советом СССР. В состав правительства входили: председатель, его первые заместители и заместители, союзные министры (взамен народных комиссаров в соответствии с Конституцией СССР 1936 г.), председатели государственных комитетов СССР, председатели советов министров союзных республик. Кроме того, Верховный Совет СССР мог включать в состав Совета министров СССР руководителей организаций и учреждений на основании представления председателя Совета министров СССР. В рамках Совета министров СССР образовывался Президиум в составе председателя, первых заместителей и заместителей председателя (ст. 128, 129, 132).

Статья 131 закрепляла, что Совет министров СССР «правомочен решать все вопросы государственного управления» союзного значения. В этой связи он: «1) обеспечивает руководство народным хозяйством и социально-культурным строительством; разрабатывает и осуществляет меры по обеспечению роста благосостояния и культуры народа, по развитию науки и техники, рациональному использованию и охране природных ресурсов, по укреплению денежной и кредитной системы, проведению единой политики цен, оплаты труда, социального обеспечения, организации государственного страхования и единой системы учета и статистики; организует управление промышленными, строительными, сельскохозяйственными предприятиями и объединениями, предприятиями транспорта и связи, банками, а также иными организациями и учреждениями союзного подчинения; 2) разрабатывает и вносит в Верховный Совет СССР текущие и перспективные планы экономического и социального развития СССР, государственный

²⁴ Конституция СССР 1977 г. состоит из преамбулы и 9 разделов, которые разделены на главы: разд. I «Основы общественного строя и политики СССР: гл. 1 «Политическая система»; гл. 2 «Экономическая система»; гл. 3 «Социальное развитие и культура»; гл. 4 «Внешняя политика»; гл. 5 «Защита социалистического Отечества»; разд. II «Государство и личность»: гл. 6 «Гражданство СССР. Равноправие граждан»; гл. 7 «Основные права, свободы и обязанности граждан СССР»; разд. III «Национально-государственное устройство СССР»: гл. 8 «СССР — Союзное государство»; гл. 9 «Союзная Советская Социалистическая Республика»; гл. 10 «Автономная Советская Социалистическая Республика»; гл. 11 «Автономная области и автономный округ»; разд. IV «Советы народных депутатов и порядок их избрания»: гл. 12 «Система и принципы деятельности Советов народных депутатов»; гл. 13 «Избирательная система»; гл. 14 «Народный депутат»; разд. V «Высшие органы государственной власти и управления СССР»: гл. 15 «Верховный Совет СССР»; гл. 16 «Совет министров СССР»; разд. VI «Основы построения государственной власти и управления в союзных республиках»: гл. 17 «Высшие органы государственной власти и управления союзной республики»; гл. 18 «Высшие органы государственной власти и управления автономной республики»; гл. 19 «Местные органы государственной власти и управления»; разд. VII «Правосудие, арбитраж и прокурорский надзор»: гл. 20 «Суд и арбитраж»; гл. 21 «Прокуратура»; разд. VIII «Герб. Флаг. Гимн и Столица СССР»; разд. IX «Действие Конституции СССР и порядок ее изменения».

бюджет СССР; 3) осуществляет меры по защите интересов государства, охране социалистической собственности и общественного порядка, по обеспечению и защите прав и свобод граждан; 4) принимает меры по обеспечению государственной безопасности; 5) осуществляет общее руководство строительством Вооруженных Сил СССР; 6) осуществляет общее руководство в области отношений с иностранными государствами, внешней торговли, экономического, научно-технического и культурного сотрудничества СССР с зарубежными странами; 7) образует в случае необходимости комитеты, главные управления и другие ведомства по делам хозяйственного, социально-культурного и оборонного строительства».

При сравнении объема компетенций Правительства СССР, закрепленных в Конституции СССР 1936 г. и Конституции СССР 1977 г., очевидно, что объем компетенций Правительства СССР был существенно расширен. Правительство возглавляло деятельность общесоюзных министерств, союзно-республиканских министерств, государственных комитетов и других особо значимых подведомственных органов и учреждений. Таким образом, можно говорить о всеобъемлющем характере государственного управления через Совет министров СССР в условиях «развитого социализма».

С целью реализации своих полномочий Совет министров СССР «на основе и во исполнение законов СССР и иных решений Верховного Совета СССР и его Президиума» издавал постановления и распоряжения и проверял их исполнение (ст. 133). Законотворческая деятельность по-прежнему составляла исключительную компетенцию Верховного Совета СССР (ст. 108). Таким образом, постановления и распоряжения Совета министров СССР являлись подзаконными актами. Совет министров СССР располагал возможностью приостанавливать решения правительств союзных республик, а также «отменять акты министров СССР, государственных комитетов СССР, других подведомственных ему органов» (ст. 134).

Правительство несло ответственность перед Верховным Советом СССР (а в период между сессиями — его Президиумом) и регулярно отчитывалось перед ним. Правительство уходило в отставку на первой сессии вновь избранного Верховного Совета СССР. В Конституции 1977 г. также был закреплен институт депутатского запроса к правительству, к министрам и руководителям иных органов государственной власти (ст. 117).

Впервые в Конституции 1977 г. вводился институт Президиума Совета министров СССР, основной задачей которого являлось обеспечение оперативного руководства народным хозяйством.

Как видно из текста Конституции 1977 г., конкретный перечень министерств и государственных комитетов отсутствует, что и для современной Конституции выглядит вполне обоснованным, особенно с учетом широчайшей компетенции правительства и динамичности государственного управления в целом. В этой связи принятие Закона СССР «О Совете Министров СССР»²⁵ явилось вполне логичным и закономерным. В упомянутом Законе давалось расширенное толкование компетенций Правительства, был подробно изложен порядок деятельности правительства, установлены основные подходы к выстраиванию взаимоотно-

²⁵ Закон СССР от 5 июля 1978 г. № 7765-IX «О Совете министров СССР» // СПС «ГАРАНТ».

шений правительства с другими государственными органами, а также перечень министерств и ведомств.

В советский период поиск моделей государственного управления имел перманентный характер. Примером тому может служить реформа, проведенная сразу после окончания Великой Отечественной войны в 1946 г.²⁶ На смену наименованию советского правительства «Совет народных комиссаров» было принято наименование «Совет министров». Соответственно, изменялось наименование отраслевых органов государственного управления: на смену народным комиссариатам пришло министерство. Безусловно, реформа не сводилась лишь к переименованию органов управления, а проводилась с целью оптимизации государственного управления в послевоенное время. Реформа 1965 г., очень часто считающаяся исключительно экономической реформой, была в большей степени обусловлена необходимостью совершенствования системы государственного управления с целью внедрения в управление элементов децентрализации государственной власти²⁷.

Период советского государства и права является одним из наиболее противоречивых периодов отечественной истории, оценки которого часто имеют крайне полярный характер. Вместе с тем бесспорно мнение И. А. Исаева, который указывает, что «советский режим провозглашал себя олицетворением новой политической (пролетарской) эры», в рамках которой «демократическую республику должна заменить республика Советов, плюралистическую многопартийную систему — власть одной партии, быстро срастающейся с государством»²⁸.

Особо необходимо подчеркнуть то, что проходило «красной нитью» через все конституционное строительство Советского государства — так называемая идеологическая составляющая. Партийные органы, с формально-юридической точки зрения не встроенные в систему государственного управления, являлись «ядром» советской государственности, закрепленным впервые в Конституции СССР 1936 г. (ст. 126), а также позднее в Конституции СССР 1977 г. (ст. 6)²⁹. Именно партия на основе принципа демократического централизма играла ведущую роль в системе государственного управления.

По мнению Б. М. Лазарева, Конституция СССР 1977 г., «действовавшая в условиях окостеневшей политической системы, не предохранила наше общество

²⁶ Закон Верховного Совета СССР от 15 марта 1946 г. «О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Советов Народных Комиссаров Союзных и Автономных Республик — в Совет Министров Союзных и Автономных Республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1946. № 10.

²⁷ Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1965. № 19—20. Ст. 153.

²⁸ Исаев И. А. Правовая культура России. С. 79.

²⁹ В своих воспоминаниях о первых шагах советской власти Л. А. Фотиева цитировала В. И. Ленина, который отмечал: «Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии» (Цит. по: Бельский К. С. Персональная ответственность в советском государственном управлении (понятие, формы, факторы укрепления). М.: ВЮЗИ, 1988. С. 20).

от застойных явлений. Усилилось сосредоточение, по сути дела, государственно-управленческих функций в руках партийных органов. Роль аппарата государственного управления гипертрофировалась, а Советов — снижалась»³⁰.

Последняя советская Конституция СССР 1977 г. в своей преамбуле закрепляла единение «идей и принципов первой советской Конституции 1918 года, Конституции СССР 1924 года и Конституции СССР 1936 года». Профессор Е. И. Козлова отмечала, что «несмотря на существенные особенности, свойственные каждой из них, они развивались в соответствии с принципом преемственности»³¹.

Конституция является основополагающим нормативным правовым актом в жизни государства, безусловно представляющим научный интерес и актуальность, нуждающимся и требующим дальнейших историко-правовых исследований. Изучение рассмотренных конституций является основой понимания общественной и государственно-правовой систем периода действия каждой из них. В этой связи остается актуальным решение, закрепленное в преамбуле первой советской Конституции, которой в 2018 году отмечается 100-летие, о необходимости Народному комиссариату просвещения ввести во всех «учебных заведениях Российской Республики изучение основных положений настоящей Конституции, а равно их разъяснение и истолкование».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бельский К. С.* Персональная ответственность в советском государственном управлении (понятие, формы, факторы укрепления). — М. : ВЮЗИ, 1988.
2. *Исаев И. А.* История государства и права России : учебник. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2009.
3. *Исаев И. А.* Правовая культура России: учеб. пособие. — М. : Проспект, 2013.
4. *Лазарев Б. М.* «Разделение властей» и опыт советского государства // Социалистическое правовое государство. Проблемы и суждения / Институт государства и права АН СССР ; ред. колл. : Казимирчук В. П., Славин М. М., Топорнин Б. Н. (отв. ред.). — М., 1989.
5. *Козлова Е. И., Кутафин О. Е.* Конституционное право России : учебник. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Велби ; Проспект, 2006.
6. Конституция развитого социализма : В помощь изучающим Конституцию СССР. — 2-е изд. — М. : Политиздат, 1978.
7. *Стрекалов И. Н.* Последняя Конституция Советского Союза. К вопросу о создании. — М. : Алгоритм, 2018.
8. *Чистяков О. И.* Конституция РСФСР 1918 года. — 2-е изд., перераб. — М. : Зерцало-М, 2003.

³⁰ *Лазарев Б. М.* Указ. соч. С. 155.

³¹ *Козлова Е. И., Кутафин О. Е.* Конституционное право России : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Велби ; Проспект, 2006. С. 84.

«ЖЕНЩИНУ В СОВЕТЫ!»: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ УЧАСТИЯ ЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

Аннотация. В статье на основе архивных материалов и норм Конституции 1918 г. анализируется динамика участия женского населения в избирательных кампаниях Курской губернии в начале 1920-х гг. Исследуются механизмы и формы привлечения женщин к формированию советских органов власти, причины низкой политической активности работниц и крестьянок.

Ключевые слова: избирательный процесс, избирательные кампании, выборы, абсентеизм, советы, женотделы.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.48.8.105-110

O. G. LARINA,

Head of the chair of theory and history of state and law of the Southwest State University, Doctor of Law, professor
leryc@mail.ru

305040, Russia, Kursk, 50 Let Oktyabrya Str., 94

N. S. PETRISHCHEVA,

Associate professor of the theory and history of state and law of the Southwest State University, candidate of historical sciences
petrishceva_nc@mail.ru

305040, Russia, Kursk, 50 Let Oktyabrya Str., 94

«THE WOMAN IN SOVIETS!»: HISTORICAL AND LEGAL EXPERIENCE OF PARTICIPATION OF FEMALE POPULATION IN ELECTION CAMPAIGNS OF THE KURSK PROVINCE IN THE EARLY TWENTIES

Abstract. In article on the basis of archival materials and articles of Constitutions 1918 of dynamics of participation of female population in election campaigns of the Kursk province in the beginning the 1920th is analyzed. Mechanisms and forms of involvement of women to formation of the Soviet authorities, the reasons of low political activity of workers and peasants are investigated.

Keywords: electoral process, election campaigns, elections, electing rights, gender equality, Soviets.

Ольга Григорьевна ЛАРИНА,

заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юго-Западного государственного университета, доктор юридических наук, профессор
leryc@mail.ru

305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94

Наталья Сергеевна ПЕТРИЩЕВА,

доцент кафедры теории и истории государства и права Юго-Западного государственного университета, кандидат исторических наук
petrishceva_nc@mail.ru

305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94

© О. Г. Ларина,
Н. С. Петрищева, 2018

Конституционно-правовое оформление гендерного равноправия в отечественной историографии традиционно связывают с победой пролетарской революции в Октябре 1917 г. Приход к власти партии большевиков положил начало проведению в стране широкомасштабного политического эксперимента по строительству социалистического государства, основанного на диктатуре пролетариата и всех «неимущих». Принципиально новыми органами управления провозглашались советы всех уровней, избиравшиеся на основе демократических выборов.

Первая Конституция РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г., в общих чертах определяла основные начала избирательной системы, оставляя широкое поле для правотворчества центральным и местным представительным структурам. Правом избирать и быть избранными наделялись трудящиеся «обоих полов»¹. Прямого указания на предоставление равных избирательных прав мужчинам и женщинам Основной Закон не содержал, что вполне объяснимо: в основу советского избирательного права был положен не гендерный признак, а классово-трудовой ценз, поэтому законодатель акцентировал внимание на определении «трудящийся» и составление перечня лиц, лишенных избирательного права.

В первое послереволюционное десятилетие избирательные кампании проходили в условиях жесткого администрирования и партийного диктата. Приоритетной задачей становления советской вертикали власти являлось обеспечение ее коммунистического состава. Абсолютная прозрачность результатов голосования отталкивала население от участия в выборах. Явка на избирательные участки была низкой. Как правило, этот факт списывался на недостаточную осведомленность жителей города и деревни. Однако главной причиной, на наш взгляд, было непризнание советской системы населением. Оперативно-розыскные сводки о состоянии Курской губернии за 1920—1921 гг. сообщали, что крестьяне до конца не принимают советскую власть и не желают ходить на выборы.

Представительство женщин в избирательных кампаниях начала 1920-х гг. было ничтожным. Фрагментарность архивных данных о перевыборных кампаниях в советы Курской губернии в 1920 г. не позволяет представить детальный анализ, тем не менее известно, что в работе VI Губернского съезда советов участвовала только одна женщина (0,5%)².

В 1921 г. в Курской губернии, как и в целом по стране, переизбрание советов проходило весной и осенью. Как свидетельствуют архивные материалы, местные парторганизации «со всей ответственностью» приступили к подготовке весенне-летней избирательной кампании. Уездные и волостные женотделы получили циркулярное предписание «самым серьезным образом» не только сосредоточиться на привлечении крестьянок к участию в выборах, но и проследить за тем, чтобы в советы и исполкомы прошли «честные деловые крестьяне»³. Предоставление изби-

¹ Конституция (Основной Закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. Отд. I. 20 июля 1918. № 51. Ст. 582. С. 671—682.

² Государственный архив Курской области (далее — ГАКО). Ф. Р. 23. Оп. 1. Д. 95. Л. 106—107.

³ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее — ГАОПИКО). Ф. 65. Оп. 1. Д. 218. Л. 28.

рательных прав женщине отнюдь не означало предоставление ей права свободного волеизъявления. Женщины, по мнению руководителей государства, категория наиболее уязвимая и подверженная вредному воздействию, потому требовалась кропотливая и длительная работа по формированию подлинного женского коммунистического мировоззрения. А назначение женщин на ответственные руководящие посты тем более требовало высокого уровня коммунистического воспитания.

На практике реализация ленинского завета «Женщину — в Советы!» натолкнулась на целый комплекс проблем. В отчете Курского губернского отдела по работе среди женщин указано: «...губерния крестьянская, недостаток коммунистических сил, в силу этого работа ведется плохо, большинство работниц женотделов полуграмотные»⁴.

Исполнение директивных установок центра по вовлечению в перевыборы большего числа крестьянок и работниц заставляло местные парторганизации мобилизовать усилия по активизации женского электората. С этой целью курский губернский отдел по работе среди женщин направил на время избирательной кампании всех сотрудниц уездных женотделов в деревню. На деле их задача сводилась к тщательному отбору наиболее «сознательных» крестьянок, составлению списков женщин — делегатов и контролю над проведением в составы советов и исполкомов кандидатур «наиболее преданных советской власти».

Отметим, что подобная практика не принесла ошеломительных результатов. Как следует из докладов уездных женотделов по итогам весенне-летней кампании 1921 г., в составы сельсоветов по Рыльскому уезду прошли 5 женщин, по Фатежскому — 13, по Корочанскому — 5, по Белгородскому — 4, по Суджанскому — 2, по Грайворонскому — 4. В Путивльском уезде членами сельсоветов было избрано 6 женщин, одна стала председателем, в Обоянском уезде 2 делегатки прошли в городской совет⁵. По остальным уездам сведения не представлены. В целом представительство женщин по итогам перевыборной кампании незначительно возросло, составив 2,1%⁶.

К подготовке осенне-зимней избирательной кампании местные власти подошли более основательно: повышение электоральной активности сельского населения объявлялось первоочередной задачей. В этой связи большое внимание уделялось проведению массовой агитационно-пропагандистской работы. Статьи в местной прессе пестрели громкими заголовками: «Да здравствует РКП(б)!», «Да здравствуют Советы рабочих и крестьян!», «Долой кулаков из Советов! Больше голосов за Коммунистов!», «Женщина! Прояви активное участие в перевыборах Советов!». Однако проблема была в том, что большая часть взрослого крестьянского населения не умела читать, кроме того, массовое тиражирование агитлистовок, газет, брошюр в условиях острого дефицита бюджета не представлялось возможным. Популярностью пользовалась «устная», или «живая», газета, доводившаяся до населения путем публичного чтения. На многочисленных митингах и собраниях подчеркивалась важность привлечения женщин к предстоящим выборам для укрепления позиций Коммунистической партии в провинции.

⁴ ГАОПИКО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 223. Л. 94.

⁵ ГАОПИКО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 223. Л. 45—57.

⁶ ГАКО. Ф. Р. 323. Оп. 1. Д. 586. Л. 16.

Использование административного нажима в сочетании с активной пропагандой позволило достичь желаемого результата. Подавляющее большинство делегатов (81 %) IX Губернского съезда советов составили коммунисты, в состав губернского исполкома из 23 депутатов прошли 20 членов РКП(б)⁷. Данных о количестве избранных представителей женского пола не обнаружено.

После внесения изменений в Конституцию РСФСР на IX Всероссийском съезде советов (23—28 декабря 1921 г.) выборы стали проводиться один раз в год в установленные сроки на всей территории государства⁸.

Очередная избирательная кампания в Курской губернии проходила осенью 1922 г. Как и в предыдущей, значительное внимание уделялось информационному сопровождению. Курским агитотделом были выработаны специальные тезисы по перевыборам, велась широкая пропаганда в прессе, было распространено 5 000 экземпляров советской Конституции с детальным разъяснением механизмов и принципов организации выборных кампаний. Цели же оставались неизменными — вовлекать крестьянок в работу сельских сходов для выборов в составы советов, выделять отличающихся деловитостью и политической сознательностью, строго следить за проведением проверенных кандидатов. В результате в избирательную кампанию 1922 г. в советы губернии и исполнительные комитеты было избрано 119 женщин⁹.

Способы проведения и организации избирательной кампании в 1923 г. не изменились. Допустить свободные демократические выборы большевики не могли. Напротив, требовали от местных органов установления тотального контроля над каждой стадией избирательного процесса. Огромная ответственность в этом возлагалась на сельские и городские избирательные комиссии, которые первыми проводили фильтрацию населения, тщательно выверяя списки лиц, допущенных до голосования. Инертное, равнодушное отношение к выборам правящая партия пыталась оправдать общей усталостью послереволюционной борьбы и страхом быть избранным. Однако, на наш взгляд, советы не пользовались популярностью из-за низкой заработной платы, плохо поставленной работы, недоверия к коммунистам и представителям советской власти. На селе все насущные проблемы продолжали решаться на сельских сходах. Женщины в сходах участия не принимали, их интересы представлял глава семьи. Поэтому по традиции в выборных собраниях участвовали преимущественно мужчины.

Индифферентность женщин в отчетных материалах руководящих органов списывалась на низкий уровень образования и трактовалась как неизбежный пережиток дореволюционного прошлого, где работница и крестьянка были лишены всякой возможности участвовать в управлении государством. В 1922—1923 гг. по Курской губернии едва насчитывалось 1,5% процента женщин в качестве выборных¹⁰.

Весомым препятствием в преодолении женского абсентеизма являлось категоричное отношение мужчин к участию в выборах женщин. Нередки случаи, когда мужья запрещали приходить на выборы женам, не пускали дочерей и сестер на

⁷ ГАОПИКО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 236. Л. 46.

⁸ Постановление IX Всероссийского съезда Советов «О советском строительстве» // Собрание узаконений РСФСР. Отдел I. 27 декабря 1922 г. № 4. С. 44.

⁹ ГАОПИКО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 290. Л. 22.

¹⁰ ГАОПИКО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 339. Л. 1.

сельские собрания и сходы. Да и сама женщина во избежание семейной ссоры в день выборов предпочитала оставаться дома.

В отчете Курского губернского отдела по работе среди женщин за 1923 г. отдельное внимание уделено ущемлению политических прав женщин: «Крестьянок отказываются избирать в Советы, а если и выбрали, то всячески мешают работать, чтобы перед очередными выборами указать на промахи и недочеты, ответить “выбрали бабу, а она работать не умеет”»¹¹. Для преодоления подобных явлений в будущем сотрудницы женотделов получили соответствующие инструкции. Во-первых, строго следить, за ходом всей избирательной кампании, фиксировать нарушения, незамедлительно сообщать уполномоченным органам, принимать меры по их устранению. Во-вторых, выявлять так называемых «баб-крикуний», выступающих с резкими выпадами против советской власти.

Несмотря на столь энергичную подготовку выборной кампании (проведено 672 сельских собрания, 2 специальных женских волостных съезда, 12 собраний на сахарных заводах с числом крестьянок от 35 до 500 человек), принципиально изменить ситуацию с женским представительством не удалось. В сельсоветы губернии было избрано 99 женщин, в волостные исполкомы — 9, в уездные исполкомы — 2, в губернский исполком — 1. На волостных съездах присутствовало 120 крестьянок, на уездных съездах — 43, на губернском съезде — 18. В Курске женщин — членов городского совета — было избрано 14, в Белгороде — 7¹².

Избирательная кампания 1924 г. проходила в условиях реализации политики «оживления Советов». Поворот «лицом к деревне» был вызван нарастающим недовольством крестьян. Сообщения с мест сигнализировали об участившихся фактах антисоветских выступлений, убийствах сельских коммунистов и председателей советов.

Трансформация внутрипартийного курса прямо отразилась на избирательной системе. Для повышения статуса советов требовалось привести в них большее число беспартийных кандидатов от крестьян и крестьянок, обладающих авторитетом в своей среде и способных быть полезными работниками. Инструктирующая избирательная документация центра поставила в затруднительное положение провинциальные власти, которые не представляли, как провести свободные выборы, сохранив контроль над советами.

Поэтому выборная кампания 1924 г. прошла в традиционном ключе, изменилась только тональность отчетов. Для большей наглядности местные избиркомы стали отражать процентное соотношение избранных коммунистов и беспартийных. В сельсоветы прошло всего 25 % членов ВКП(б), однако это вряд ли следствие проводимого курса, скорее — подтверждение малочисленности сельских коммунистов. Женщины в сельсоветах по-прежнему были представлены слабо, всего 5,5 %. Председателями волисполкомов избраны все без исключения коммунисты, ни одной женщины. В выборах Курского городского совета приняло участие мужчин — 9 305 (63,8 %), женщин — 5 277 (36,2 %). В состав Курского горсовета прошло 272 человека, из них мужчин — 178 (87,6 %), женщин — 25 (12,4 %) ¹³.

¹¹ ГАОПИКО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 368. Л. 56.

¹² ГАОПИКО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 368. Л. 72—73.

¹³ ГАКО. Ф. Р. 325. Оп. 2. Д. 8. Л. 168—173.

Оправдывая низкую явку населения на выборы, председатель Курского губизбиркома сообщал: «...представительство, которое полагается по Конституции... при всем желании на местах мы провести не можем: во-первых, женщины не привыкли ходить, во-вторых, мужья не стараются посылать своих жен на выборы, а в-третьих, подростки, преимущественно из женского пола, вовсе не считают нужным участвовать в выборах»¹⁴.

В целом по РСФСР в 1924 г. участие в выборах едва достигло кворума в 35 %. Это был очевидный протест населения против формализации избирательного процесса и административного прессинга. Голосование по предварительно одобренным спискам развеяло миф о демократичности советских выборов. Несмотря на активную пропаганду и совершенствование организационно-технического сопровождения, повысить электоральную активность женского населения в начале 1920-х гг. в Курской губернии, да и в целом по стране не удалось. Женщины сознательно уклонялись от участия в выборах, зачастую не понимая смысла происходящего. Провинциальные избирательные комиссии были сосредоточены на формировании «правильных» составов советов, а не на повышении политической культуры женского населения, поэтому дальше записи в циркуляре «не забудьте привлечь женщину» или «женщину надо привлекать» дело не продвигалось. Если в сельских советах еще можно было встретить крестьянку, то на уровне волисполкомов, а тем более уисполкомов в качестве председателей женское население вообще не было представлено.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р. 325. Оп. 2. Д. 8. Л. 168—173.

О СТАТУСЕ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ (по проекту Конституции СССР 1964 г.)

Аннотация. В статье рассматривается проект Конституции СССР 1964 г., в котором выражено стремление укрепить начала законности и судебную независимость, предотвратить возможность массового произвола и унижения личности. Автор отмечает, что в проекте дан импульс для последующих исследований в сфере конституционного контроля. В целом сделанные разработки стали началом процесса демократизации государственного строя, основанного на принципе разделения властей с независимым, самостоятельным и справедливым судом.

Ключевые слова: Конституция СССР, советская правовая доктрина, Конституционная комиссия, общенародная социалистическая законность, правосудие, Верховный Совет СССР, Комитет конституционного контроля СССР,

**Инна Леонидовна
ДАНИЛЕВСКАЯ,**
кандидат юридических
наук, старший научный
сотрудник сектора теории
конституционного права
Института государства
и права РАН
[danilewskaia.inna@
yandex.ru](mailto:danilewskaia.inna@yandex.ru)
119019, Россия, г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.48.8.111-116

I. L. DANILEVSKAYA,

Candidate of Legal Sciences (PhD), Senior Researcher sector of the theory
of constitutional law Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

danilewskaia.inna@yandex.ru

119019, Russia, Moscow, Znamenka Str., 10

COURT OF JUSTICE STATUS (ON THE CONSTITUTION OF THE USSR IN 1964 PROJECT)

Abstract. The article deals with the project of the USSR Constitution of 1964, which expresses the desire to strengthen the principles of legality and judicial independence, to prevent the possibility of mass arbitrariness and humiliation of the individual. The author notes that the project has given impetus to further research in the sphere of constitutional control. On the whole, these developments became the beginning of the process of democratization of the state system, based on the principle of separation of powers with an independent, independent and fair court.

Keywords: Constitution of the USSR, Soviet legal doctrine, Constitutional Commission, public socialist legality, justice, Supreme Soviet of the USSR, USSR Constitutional Control Committee

В годы «хрущевской оттепели», во второй половине 50-х гг. XX в. был поставлен вопрос о разработке новой конституции СССР: сначала в принятом на основе решений XX съезда КПСС постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», затем — в докладе Н. С. Хрущева

© И. Л. Данилевская, 2018

на XXII съезде КПСС в 1961 г.¹ На официальном уровне необходимость новой Конституции СССР обосновывалась закреплением в ней нового этапа в развитии советского общества, созданием более прочных гарантий демократических прав и свобод трудящихся, строгого соблюдения социалистической законности. Вместе с тем разработка новой конституции позволяла оставить в прошлом Основной Закон эпохи культа личности Сталина — Конституцию СССР 1936 г., которая именовалась «сталинской». Несмотря на то, что «сталинская» Конституция декларировала ряд демократических принципов в построении и деятельности судебной системы и органов прокуратуры, на практике существовала иная ситуация. Как известно, год принятия «сталинской» Конституции и последующие 1937—1938 гг. были периодом незаконных репрессий, поиска «врагов народа», в результате которых были арестованы, осуждены и расстреляны миллионы невиновных советских граждан.

Преодоление серьезных нарушений законности, которые имели место в годы культа личности Сталина, по замыслу авторов проекта, должно было основываться именно на уровне конституционного регулирования.

Следует напомнить, что советская правовая доктрина принцип разделения властей и понятие «судебная власть» не воспринимала. Во главу угла была поставлена идея верховенства советов, которые оставались ключевыми органами в механизме государственной власти. Именно принижение роли суда, отсутствие реальной независимости судей, тотальный партийный контроль над судебными органами и возможность создания внесудебных органов нанесли огромный ущерб развитию общества в годы правления Сталина, обернулись серьезными деформациями в сферах экономики, политики, культуры, национальных отношений и образе жизни.

Разработка проекта новой конституции СССР была поручена специально созданной Конституционной комиссии², в структуре которой было еще девять подкомиссий по различным вопросам конституционного регулирования³. Результаты исследований показывают, что в архиве Конституционной комиссии, которая проработала с 1962 до 1964 г., сохранилось несколько «официальных» проектов Конституции СССР, докладных записок подкомиссий, а также предложений граждан⁴.

¹ Постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». М., 1956. С. 27.

² Постановление Верховного Совета СССР от 25 апреля 1962 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. № 17. Ст. 182.

³ В частности, Подкомиссию по вопросам национальной политики и национального государственного строительства возглавлял А. И. Микоян; Н. М. Шверником возглавлялась Подкомиссия по вопросам народного контроля и социалистического правопорядка; во главе Подкомиссии по вопросам государственного управления, деятельности советов и общественных организаций был Л. И. Брежнев.

⁴ Подробнее см.: *Пыжиков А. В.* «Хрущевская оттепель». М., 2002 ; *Он же.* Забытая Конституция Хрущева // *Родина*. 2003. № 7. С. 88—93 ; *Он же.* Оттепель: идеологические новации и проекты (1953—1964 гг.). М., 1998. 196 с. ; *Згоржельская С. С.* Концепция общенародного государства в проекте Конституции СССР 1964 года : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 211 с. ; *Советский государственный строй: реалии, проекты, идеи, споры (1945—1985 гг.)* / под ред. Ю. Л. Шульженко. М., 2012. 633 с.

В проекте Конституции СССР 1964 г., состоящем из 276 статей⁵, специальный раздел (шестой) назывался «Охрана социалистической законности и правопорядка». Раздел содержал 4 главы: гл. XX «Социалистическая законность» (4 статьи), гл. XXI «Социалистическое правосудие» (13 статей), гл. XXII «Прокурорский надзор» (6 статей), гл. XXIII «Народный контроль» (5 статей)⁶.

Проект устанавливал общенародную социалистическую законность, единую для всего Союза ССР. Задачами социалистической законности были охрана общественного и государственного строя СССР, прав и свобод советских граждан, неприкосновенности личности, социалистической собственности, прав и интересов государственных, кооперативных и общественных организаций, воспитания граждан СССР в духе уважения к советским законам и правилам социалистического общежития (ст. 236, 237). Существенным являлось закрепление на конституционном уровне обязанности точного соблюдения советских законов каждым гражданином СССР, должностными лицами, всеми государственными органами и общественными организациями⁷.

В статье 240 гл. XXI «Социалистическое правосудие» было сказано, что правосудие в СССР осуществляется исключительно судами, и далее перечислялись эти суды: Верховный Суд СССР, верховные суды союзных республик, суды автономных республик, краевые и областные суды, суды автономных областей и автономных округов, районные (городские) народные суды, а также военные трибуналы. Это была не только законодательная новелла, но и конституционная гарантия, в отличие от ст. 102 Конституции 1936 г., предусматривавшей наличие «специальных судов СССР, создаваемых по постановлению Верховного Совета СССР». Конституционный проект 1964 г. никакие специальные суды или особые чрезвычайные судебные органы не предусматривал.

Конституционной гарантией против возможного произвола можно назвать норму проекта об «осуществлении правосудия в СССР в строгом соответствии с законом, на началах полного равенства всех граждан перед законом и судом» (ст. 241)⁸.

В проекте подчеркивалась важность применения такой предупредительной меры для предупреждения совершения новых преступлений, как трудовое воспитание осужденных к лишению свободы (ст. 242).

Среди демократических принципов организации и деятельности суда новеллой по сравнению со «сталинской» Конституцией 1936 г. были принцип коллегиальности при рассмотрении дел во всех судах и равноправие судей и народных заседателей при осуществлении правосудия. При этом было указано, что «количество народных заседателей, участвующих в судебном заседании, устанавливается в зависимости от сложности дела, а также от степени общественной опасности правонарушения» (ст. 243). Проект 1964 г. сохранял

⁵ Российский государственный архив Новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 455. Л. 1—90.

⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 455. Л. 79—85.

⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 455. Л. 79.

⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 455. Л. 80.

нормы об обеспечении обвиняемому права на защиту и национальный язык судопроизводства.

В отличие от Конституции 1936 г., предусматривавшей избрание Верховного Суда ССР, верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных и окружных судов, а также судей районных (городских) народных судов сроком на 5 лет, в проекте предлагалось избирать указанные суды, а также народных судей районных (городских) народных судов сроком на 4 года (ст. 249—250)⁹.

Закреплялся принцип образования всех судов на началах выборности судей и народных заседателей и их отчетности перед народными собраниями и народными советами — предусматривалось их право досрочно отзывать судей и народных заседателей. Отметим, что проект обозначал народные советы в качестве «всеохватывающей организации народа, воплощения его единства, сочетающей в себе черты государственной и общественной организации»¹⁰.

Верховный Суд СССР в проекте конституции СССР 1964 г. (также как и в Конституции СССР 1936 г.) обозначался как высший судебный орган, на который возлагается надзор за осуществлением правосудия судебными органами союзных республик. Новеллой являлось осуществление Верховным Судом СССР надзора за деятельностью военных трибуналов (ст. 252)¹¹.

Можно констатировать, что без кардинальных изменений, при сохранении действующей логики конституционного регулирования в конституционном проекте 1964 г. была сделана попытка укрепить судебную независимость и защитить граждан от беззакония. Ряд новых конституционных норм демонстрировали стремление укрепить в существующем политическом режиме начала законности, предотвратить возможность массового произвола и унижения личности¹².

Новая Конституция СССР была принята только спустя 15 лет, но значение конституционного проекта 1964 г. достаточно велико, и не только в связи с тем, что многие его решения легли в основу новой Конституции СССР 1977 г., но и потому, что при его разработке был дан импульс для последующих исследований в сфере конституционного контроля¹³.

Этот вопрос заслуживает внимания в контексте рассматриваемой проблематики, учитывая, что спустя десятилетия в нашей стране был создан отдельный государственный институт — Комитет конституционного контроля СССР, осуществлявший правовую охрану Конституции¹⁴. Комитет, безусловно, сыграл определенную положительную роль в повышении качества законодательства, развития в нем демократических начал, хотя имел ограниченные возможности. Прорывом

⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 455. Л. 81.

¹⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 455. Л. 10.

¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 455. Л. 82.

¹² См.: Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000. С. 75.

¹³ См.: Митюков М. А. Предтечи конституционного правосудия: взгляды, проекты и предпосылки. М., 2006. С. 22—29 ; Згоржельская С. С. Указ. соч. С. 157—159.

¹⁴ См.: Закон СССР «О конституционном надзоре в СССР» // Ведомости Совета народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 29. Ст. 572.

в государственном строительстве стало учреждение впоследствии Конституционного Суда — высшего судебного органа, осуществляющего судебную власть в форме конституционного судопроизводства¹⁵.

Но первым политико-правовым прорывом в советской конституционной доктрине исследователи справедливо называют предложение о введении конституционного суда, сделанное Конституционной комиссией в процессе подготовки проекта конституции СССР 1964 г.¹⁶

В частности, подкомиссией по вопросам национальной политики и национального государственного строительства было высказано предложение о том, что необходим специальный орган, который мог бы разрешать разногласия между республиками и союзными органами управления или между двумя республиками. Предлагалось создать государственный конституционный суд, в состав которого будут входить председатель верховного народного совета Союза ССР и председатели верховных народных советов всех республик, а также другие лица (какие — не уточнялось). При этом функцией защиты основных прав человека и гражданина конституционный суд не обладал и не входил в судебную систему СССР (в главу о социалистическом правосудии он не включен): конституционный контроль должен был обеспечиваться путем выявления правовых актов, противоречащих конституции, а выявленные противоречия докладывать верховному народному совету¹⁷. В итоге это предложение трансформировалось в норму проекта (ст. 157) о том, что в случае необходимости верховный народный совет может образовывать «специальные контрольные органы»¹⁸.

Интересно отметить, что предложения о введении органа конституционного контроля высказывались не только видными учеными-государствоведами, которые участвовали в работе подкомиссий Конституционной комиссии, но и обычными гражданами¹⁹.

Ожиданиям конституционной реформы хрущевской «оттепели» не суждено было сбыться. Работа Конституционной комиссии была прекращена в 1964 г. после отстранения Н. С. Хрущева от партийной и государственной власти, документы Конституционной комиссии на долгие годы были сданы в архив, но сделанные разработки стали началом процесса демократизации государственного строя, основанного на принципе разделения властей с независимым, самостоятельным и справедливым судом.

¹⁵ См.: *Топорнин Б. Н.* Развитие судебной власти в России: общие подходы // Судебная реформа: проблемы и перспективы. М., 2001. С. 32—33.

¹⁶ См.: *Митюков М. А.* Указ. соч. С. 27—29.

¹⁷ *Згоржельская С. С.* Указ. соч. С. 157—158.

¹⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 455. Л. 54.

¹⁹ *Пыжиков А. В.* Забытая Конституция Хрущева // Родина. 2003. № 7. С. 91.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авакьян С. А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. — М., 2000.
2. *Згоржельская С. С.* Концепция общенародного государства в проекте Конституции СССР 1964 года : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 211 с.
3. *Митюков М. А.* Предтечи конституционного правосудия: взгляды, проекты и предпосылки. — М., 2006.
4. *Пыжиков А. В.* Забытая Конституция Хрущева // Родина. — 2003. — № 7.
5. *Пыжиков А. В.* Оттепель: идеологические новации и проекты (1953—1964 гг.). — М., 1998.
6. *Пыжиков А. В.* «Хрущевская оттепель». — М., 2002.
7. Советский государственный строй: реалии, проекты, идеи, споры (1945—1985 гг.) / под ред. Ю. Л. Шульженко. — М., 2012.
8. *Топорнин Б. Н.* Развитие судебной власти в России: общие подходы // Судебная реформа: проблемы и перспективы. — М., 2001.

ОТ 1918 ДО 2018: КОНСТИТУЦИОННЫЙ МОСТ ДЛИНОЮ В ВЕК, или ДАВАЙТЕ ЖИТЬ ПО ПЛУТАРХУ

Аннотация. Фактическое претворение в жизнь главного политического документа страны показывает, что, несмотря на меняющиеся фасадные вывески, мы движемся по одной и той же модели конституционно-исторического развития Российского государства. Пороки конституционно-правовой конструкции влекут за собой и пороки государственно-правовой конструкции, влияют на взаимоотношения политической и экономической жизни системы «общество — государство». Главная проблема российской юридической науки — отсутствие междисциплинарных исследований реализации норм конституций (начиная с Конституции РСФСР 1918 г.), их влияния на социально-экономическое благополучие населения. Результаты коллективно-междисциплинарных исследований, выведение природной формулы успеха Российского государства необходимо было бы использовать в построении новой системы российского законодательства и новой конституции.

Ключевые слова: революции 1917 года, 100-летие Конституции РСФСР 1918 г., Конституция РФ 1993 г., Плутарх, социально-экономическое благополучие населения.

**Айгуль Фаридовна
ЧУПИЛКИНА,**

кандидат юридических наук, доцент кафедры профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

aygul8@yandex.ru
443033, Россия, г. Самара,
ул. Рыльская, д. 24в

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.48.8.117-126

A. F. CHUPILKINA,

Associate Professor of the Department of Professional Disciplines Samara Law
Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences
aygul8@yandex.ru

443033, Russia, Samara, Rylskaya Str., 24e

FROM 1918 TO 2018: THE CONSTITUTIONAL BRIDGE IS A CENTURY LONG, OR LET'S LIVE ON PLUTARCH

Abstract. The actual implementation of the main political document of the country shows that, despite the changing facade signs, we are moving on the same model of constitutional and historical development of the Russian state. The defects of the constitutional and legal structure entail the defects of the state and legal structure, affect the relationship of political and economic life of the system «society-state». The main problem of the Russian legal science is the lack of interdisciplinary studies of the implementation of the Constitution norms, since the Constitution of the RSFSR in 1918, their

© А. Ф. Чупилкина, 2018

impact on the socio-economic well-being of the population. The results of collective and interdisciplinary research and the development of a natural formula for the success of the Russian state should be used in the construction of A new system of Russian legislation and a new Constitution.

Keywords: *revolution of 1917, the 100th anniversary of the Constitution of the RSFSR 1918, the Constitution of the Russian Federation 1993, Plutarch, socio-economic well-being.*

С одной стороны, принятие конституции в любом государстве — это основа формирования нового общественного согласия. В статье «Насилие и господство: правовой аспект» И. А. Исаев очень интересно и познавательно (как всегда) анализирует опыт революционных преобразований и идей в Европе XVIII—XIX вв., основанных на легальном применении насилия, внешне мотивационно опирающихся, в свою очередь, на черты суверенной демократии, что в результате приводит к риску возникновения состояния господства¹.

Обращаю внимание читателя, что данная работа И. А. Исаева по мере углубления в материал производит впечатление социально-психологического эссе, потому что в отношении объема и функции данный жанр граничит с научной статьей (в виде которой эта работа и представлена), с одной стороны, и с философским трактатом (атрибутируя этим старинным термином, однако, подчеркиваем его значимость с точки зрения историко-правовых наук) — с другой. Социально-психологическое впечатление контекста вытекает из-за всплывающих перед глазами конкретно-исторических аналогий в революционной и постреволюционной судьбе Российского государства (и не только Российского).

Характеризуя черты равенства, историк приводит мнение французского философа и политического теоретика Жана Рансьера: «Демократия не ограничивается законодательным провозглашением равенства — необходима еще мощь демоса, которая уничтожает партнерство, накопление и отменяет порядковость»².

Разбирая институт «политической реальности» одного из основателей философской антропологии Хельмута Плеснера, И. А. Исаев комментирует размышления немецкого философа и социолога: «Политика — состояние жизни, в которой та получает свою конституцию не только внешним юридическим образом, но и по существу, тем самым утверждая свои смысловые связи с миром»³.

Анализируя наступающий в государстве процесс «суверенной демократии», рожденной революцией, когда идея равенства ставится выше идеи свободы, и, подчиняя личность обществу, тем самым подчиняя общество и нацию государству, один из самых спорных исследователей в теории права XX в. Карл Шмитт писал, что «всякое государство стремится установить свое политическое господство, проявляя тенденцию к тотальности и преодолевая сопротивление любых оппозиционных сил»⁴.

¹ Исаев И. А. Насилие и господство: правовой аспект // История государства и права. 2017. № 2. С. 24—29.

² Исаев И. А. Указ. соч. С. 26.

³ Исаев И. А. Указ. соч. С. 28.

⁴ Исаев И. А. Указ. соч. С. 28.

Также без промаха И. А. Исаевым выделена мысль французского политического деятеля Алексиса де Токвиля о появлении в постреволюционном обществе «нового типа страха — растекающейся тревоги без определенного объекта опасения... Тотальность становилась не только условием унификации и усреднения, но и являла собой конкретный симптом взаимного страха власти и страха подданных»⁵.

Приводим европейский исторический опыт, изложенный в работе «Насилие и господство...», поскольку за последний век отнюдь не линейного российского развития «оздоровительные» мероприятия политического режима приводили и к «получению новой конституции», и к «законодательному провозглашению равенства», в результате которого мы получали «мощь демоса, которая уничтожает всякое партнерство», и к «взаимному страху власти и страху подданных».

2017 г. в России являлся годом 100-летия революции 1917 г., 2018 г. — годом 100-летия Конституции РСФСР 1918 г.

Документ, который в чистом виде получил название «конституция» — это, конечно, документ 1918 г. Но здесь представляется совершенно необходимым озвучить мнение С. А. Авакьяна: «Нельзя сводить конституционное развитие в нашей стране лишь к появлению актов, формально именуемых конституциями... можно говорить о существовании конституционного регулирования (или его начал) в России во все периоды отечественной истории — монархический, социалистический и современный...»⁶.

Конституция РСФСР 1918 г. является, конечно, следствием социально-политических потрясений (данный факт часто сопровождает «рождение» многих основных законов на планете Земля) и является «точкой отсчета» для последующих конституций нашей страны (1925, 1937, 1978, 1993 гг.).

Ограниченность рамок изложения не позволяет проанализировать все акты серьезного значения как до, так и после двух революций 1917 г., а ведь они являлись конституционной основой развития России и предтечей ее исторического хода (конечно, Манифест 17 октября 1905 г. занимает здесь центральное место). Полагаю, в этом нет особой необходимости, так как в своем известнейшем труде «Конституция России: природа, эволюция, современность», в гл. 2, С. А. Авакьян в хронологическом порядке исчерпывающе привел первые законодательные шаги по пути введения конституционной монархии, ряд высочайших указов об осуществлении политических свобод, обстоятельства изменения формы правления в России после Февральской революции 1917 г., ряд актов, имевших ключевое значение для формирования новой политической системы России, описал революционный процесс создания новых органов, претендующих на руководящие позиции в государстве, первые декреты Советского государства (после Октябрьской революции 1917 г.) и т.д.

Все эти юридические акты, конечно же, являлись магистральными в истории России за последние 100—115 лет. Среди асоциального разгула, захватившего страну, апофеозом становления новой государственной системы в результате революции стала Конституция РСФСР 1918 г.

⁵ Исаев И. А. Указ. соч. С. 29.

⁶ Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М. : РЮИД ; Сашко, 2000. Гл. 2.

Конституция — это, безусловно, политический документ, он дает живущим надежду на лучшее будущее, а в будущем оправдывает рукотворное прошлое. Напомним вышеприведенное миропонимание Х. Плеснера, озвученное И. А. Исаевым, о том, что конституция утверждает свои смысловые связи с миром.

Революция 1917 г. могла и не произойти. Но так как она произошла — ее оправданием могла бы послужить великая, экономически развитая страна без тоталитарной или авторитарной парадигмы. И происходящее в жизни государства в течение последующих 10—20 лет не является временным мерилom совершившегося. Необходимо изучать геометрию исторического развития по сегодняшний день и (чем обязательно займутся следующие поколения) по завтрашний.

Необходимо сделать некоторое отступление и дать короткое пояснение. Автор данных строк ранее ссылаясь на фрагментарность, поневоле пронизывающую мировосприятие большого количества ученых: «Со дня принятия Конституции РФ (1993 г. — А. Ч.) пройден насыщенный путь, являющийся мигом в соотношении с академической теорией многомиллиардного возраста планеты Земля», но являющийся «большим судьбоносным этапом в жизни каждого из нас»⁷. Действительно, наша собственная система ценностей и взгляд на мир в большей части формируются из личного опыта. Но если ретроспектировать исторический процесс Российского государства и «просмотреть» несколько последних веков, то в поле зрения могут попасть как относительно недавние, так и «давнишние» любопытные (даже трагические) обстоятельства российского государственного строительства.

Немного разворошим шмиттовскую «тотальность», «сопротивление любых оппозиционных сил», токвилевский «новый тип страха — растекающуюся тревогу без определенного объекта опасения», «конкретный симптом взаимного страха власти и страха подданных». Эти симптомы в исторической России идут рука об руку, и даже (феноменально!) влекут за собой экономические всплески, военные победы, но далее, в перспективе — государственную стагнацию. К примеру, видный теоретик государства и права А. В. Корнев в своей недавней статье «Правопонимание в эпоху революций» пишет следующее: «Власть нужна для того, чтобы провести социальные преобразования, и в первую очередь экономические. СССРхватило трех пятилеток, чтобы к 1937 году — страшному в истории нашей страны, то есть до массовых репрессий, стать одним из мировых лидеров по объему промышленной продукции, а по темпам индустриального роста он обогнал даже США»⁸.

В. О. Ключевский в своем знаменитом полном курсе лекций, останавливаясь перед IV периодом нашей истории (до половины XIX в.), приводит антиномию российской жизни: «политическое положение трудящихся классов устанавливается в обратно пропорциональном отношении к экономической производительности их труда, т.е. этот труд становится тем менее свободен, чем более делается производителем. Отношение народного хозяйства к социальному строю народа,

⁷ Чупилкина А. Ф. Конституционно-правовая ответственность Председателя Правительства Российской Федерации: экономический концепт действительности // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 7. С. 11.

⁸ Корнев А. В. Правопонимание в эпоху революций // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 3. С. 35.

открывающееся во втором процессе, противоречит нашему привычному представлению о связи производительности народного труда с его свободой. Мы привыкли думать, что рабский труд не может равняться в энергии с трудом свободным и что трудовая сила не может развиваться в ущерб правовому положению трудящихся классов... Но, стесняемый политически, народный труд расширяется экономически...». И итог: «Государство пухло, а народ хирел»⁹.

Это наводит на размышления, созвучные с мнением Б. С. Эбзеева, который, описывая Великую российскую революцию и конституционное устройство 1918 г., обращает внимание научной общественности на следующее: «Юристы часто берут исторические события как они есть, тщательно изучают их соотношение, но не пытаются проникнуть в тайну причинности и бытия. В результате остается плод бессознательного реализма, не способный дать верной исторической картины. Между тем факты, отделенные друг от друга многими десятилетиями, укладываются в общую закономерность только тогда, когда сохраняются вызывающие их обстоятельства»¹⁰.

Мы уже предпринимали попытки передачи чувства «народного пульса», бесспорно, направляющего течение государственных событий в то или иное русло¹¹. Также, к примеру, приводили обзор фактических преемства/смены верховной власти с XIV в. до наших дней и, исходя из содержания, а не из формы, делали вывод о том, что самодержавие, коммунистическая система, современная Россия — разные типы одной и той же политической школы¹². Для нашей страны, всего ее населения на протяжении многих веков центральным вопросом являлась и является личность вставшего у руля первого лица. Но, независимо от введенных актов конституционного значения, циклично сохраняются или возвращаются правовые институты, безусловно, влияющие на развитие или неразвитие российской государственности.

Мало кто будет спорить с тезисом о том, что современный институт президентства (эволюционирующий из институтов великого князя, царя, императора, генсека и т.д.), исходя из текста Конституции РФ 1993 г. и внесенных в нее поправок, несмотря на провозглашение России демократическим государством с республиканской формой правления, имеет тенденцию к монархизации¹³. И даже если категория «монархия» не употребляется буквально, то она вытекает из контекста «неограниченности» в статьях фундаментальных конституционалистов: «Президент как глава государства не только определяет основы внутренней и внешней политики страны. По Конституции РФ Президент не несет ни перед

⁹ Ключевский В. О. Русская история : полный курс лекций. Лекция 41. URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusKluch/> (дата обращения: 28.05.2018).

¹⁰ Эбзеев Б. С. Великая Российская революция, власть и свобода: идейные истоки и конституционное устройство // Государство и право. 2017. № 7. С. 5.

¹¹ См.: Чупилкина А. Ф. Крепостное право и крестьянские общины как антагонизмы, или некоторые размышления об аксиомах построения российского государства // История государства и права. 2017. № 20. С. 43—48.

¹² См.: Чупилкина А. Ф. Институт преемства/смены верховной власти: взгляд в прошлое и тревоги о будущем // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 5. С. 21—28.

¹³ См. об этом: Чупилкина А. Ф. Институт преемства/смены верховной власти. С. 26.

кем и никакой конституционно-правовой ответственности, и это не совсем естественно для демократического государства»¹⁴; «Требуется устранить перекосы в системе разделения властей. Несбалансированность ее в пользу Президента и исполнительной власти...»¹⁵ и т.д.

Разбирая действующий институт народовластия как принцип конституционного строя (ст. 3 Конституции РФ), С. А. Авакьян делает неутешительный вывод и рекомендацию «не просто провозгласить, но и гарантировать народовластие»¹⁶. Среди причин, обуславливающих неотложность сегодняшней конституционной реформы, Н. М. Добрынин называет «конституционное регулирование форм непосредственной демократии и участия гражданского общества в управлении страной»¹⁷.

Развитие государства Российского идет по исторической спирали. Конституция РФ 1993 г. точно так же, как и революционные события 1917 г., и принятая в результате этих государственных драм Конституция РСФСР 1918 г. (с ее юридическими тезисами о принадлежности власти «целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» (ст. 7), об основных задачах «рассчитанной на настоящий переходный момент Конституции... в установлении диктатуры... пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти» (ст. 9)¹⁸), не явилась истинным рубежом для двух государствоопределяющих высших конституционных институтов: смены верховной власти и провозглашенного народовластия¹⁹.

Советская власть Конституцией 1918 г. заложила правовую основу для изменения структуры старой власти, разделив общество на четко выраженные классы, предоставив «демократию» для рабочих и беднейшего крестьянства и лишив остальные классы политических, гражданских и экономических свобод. Однако в результате в стране советов опять фактически была возрождена феодально-бюрократическая иерархия, приведшая страну к экономическому застою²⁰.

Абсолютно верны утверждения С. А. Авакьяна о том, что «принятие конституций имеет задачей отразить все качественно новые явления»²¹, и Н. М. Добрынина о том, что «главное — это фактическая трансформация конституционных устоев»²².

¹⁴ Авакьян С. А. Нужна ли конституционная реформа в России? // Конституционное и муниципальное право. М. : Юрист. 2012. № 9. С. 6.

¹⁵ Добрынин Н. М. К вопросу о соотношении Конституции РФ и конституционализма: действительное и неизбежное // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3. С. 8.

¹⁶ Авакьян С. А. Нужна ли конституционная реформа в России? С. 4.

¹⁷ Добрынин Н. М. Указ. соч. С. 7.

¹⁸ Конституция РСФСР 1918 г. // URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (дата обращения: 28.05.2018).

¹⁹ Чупилкина А. Ф. Институт преемства/смены верховной власти.

²⁰ Ясин Е. Г. Не сильная рука, а сильные мозги // URL: <http://www.aif.ru/society/9190> (дата обращения: 28.05.2018).

²¹ Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность.

²² Добрынин Н. М. Указ. соч. С. 5.

Конституционный мост длиною в век, а точнее, фактическое претворение в жизнь главного политического документа страны показывает, что, несмотря на меняющиеся фасадные вывески, мы по большому счету движемся по одной и той же модели конституционно-исторического развития Российского государства. Автор данных строк в своих более ранних статьях уже рассматривал эволюционную «биологию» государства как процесс, движимый менталитетом нации, который, в свою очередь, обусловлен культурно-историческим геном, стереотипом восприятия происходящих явлений²³.

Что же касается результатов глобальных социально-политических потрясений (революций), которые юридически обуславливают изменения конституционной нравственности, но, к сожалению, никак не влияют на ход государственной жизни практически, то они исчерпывающе объясняются И. А. Исаевым, который, поднимая тему переворотов и крушения старого порядка, объясняет происходящие процессы так: «Тогда на политическом пепелище возрождаются новая система и новый режим, при этом все же сохраняющие некую глубинную связь с казалось бы разорвавшейся нитью исторического бытия данной государственности: если этого не происходит, тогда можно говорить о смерти государства»²⁴.

Оптимистический вывод «Наше государство живо!» имеет и обратную картину российской медали: не происходит массовой эволюции правосознания.

Один из авторов Конституции РФ 1993 г. С. М. Шахрай в статье «Конституционные ловушки истории: была ли революция 1917 года неизбежна?», анализируя возможность проведения конституционных реформ вместо революционного переворота в 1917 г. и «революционную ситуацию» в СССР начала 1990-х гг., формулирует вывод о том, что «дело тут не в силе тех, кто демонтировал прежний строй, а в порочности его государственно-правовой конструкции»²⁵.

Как минимум конституционалистам совершенно очевидно, что категории «государственно-правовая конструкция» и «конституционно-правовая конструкция» могут совпадать, а могут расходиться как в теоретическом, так и в практическом смысле. Однако в современном мире, бесспорно, пороки конституционно-правовой конструкции повлекут за собой и пороки государственно-правовой конструкции.

У автора данных строк, к примеру, есть абсолютная уверенность в том, что развитие института конституционно-правовой ответственности высших органов власти в конституционном пространстве России повлекло бы за собой рост экономического благополучия²⁶.

Тоталитарные или авторитарные тенденции на протяжении всей истории нашей страны не приводили к долгосрочному и стабильному социально-экономическому развитию как самого государства, так и его *социума* (речь идет о росте благополучия самого широкого пласта населения). Сказанное кажется

²³ Чупилкина А. Ф. От Ивана Грозного к Новому времени: конституционно-исторический код нации // История государства и права. 2017. № 2. С. 3—7.

²⁴ Исаев И. А. Легальность и государственный интерес // Lex Russica. 2016. № 11 (120). С. 225.

²⁵ Шахрай С. М. Конституционные ловушки истории: была ли революция 1917 года неизбежна? // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 5. С. 19.

²⁶ Чупилкина А. Ф. Конституционно-правовая ответственность Председателя Правительства Российской Федерации. С. 10—14.

абсурдным. Но в истории российского госстроительства мощь государства во все не совпадала с мощью народной, в качестве пояснения здесь на память опять приходит драматический вывод В. О. Ключевского: «Государство пухло, а народ хирел».

Но российский народ, да и наша история устали от многовековых страданий и противопоставлений «человек — государство»! Счастливое, политически и экономически уверенное народонаселение — это залог жизни государства. Широко известно высказывание Плутарха: «Государство есть некая совокупность объединившихся частных домов и сильно лишь в том случае, если преуспевают его граждане — каждый в отдельности»²⁷. Звучит так убедительно, что даже поневоле выступишь с предложением: давайте жить по Плутарху! Необходимо понимать, что заложенность механизма конституционно-правовой конструкции влияет на взаимоотношения политической и экономической жизни «общество — государство», на *самовосприятие общества* либо как

- 1) придаток государства, властных структур, либо как
- 2) надежду, опору и смысл развития российской государственности — без «политического господства», без «тенденций к тотальности и преодоления сопротивлений любых оппозиционных сил», без «симптома взаимного страха власти и страха подданных».

В своих размышлениях о состоянии и перспективах конституционно-политического развития России ведущий конституционалист страны пишет: «Парадоксально, но факт: в действующей Конституции... слова “общество” нет... Появление в конституции государства норм, обращенных к обществу и его институтам, не означает возникновения конкуренции “общество — государство”. Не будем забывать, что стратегические цели у них едины, а различие состоит в средствах и методах достижения»²⁸.

До сих пор актуальны «Тезисы о правовой реформе в России», впервые озвученные в 2004 г. Председателем Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькиным. И здесь напомним про самый первый тезис: «Правовая реформа еще никогда не провозглашалась в российской истории»²⁹.

Текст конституции в любой стране определяется теми политическими условиями, которые сопровождают ее появление. Но хотя бы одна российская конституция должна быть разработана и принята без суеты — именно в рамках запланированной правовой реформы. И здесь на помощь должны прийти не только конституционалисты, но прежде всего — историки, генетики, психологи и экономисты с предварительным осмыслением хода российской конституционной истории в веках и результатов применения той или иной конституции

²⁷ Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 3 т. М. : Изд-во АН СССР, 1961. Т. 1. С. 457.

²⁸ Авакьян С. А. Некоторые мысли о состоянии и перспективах конституционно-политического развития России // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2016. № 1. С. 8—9.

²⁹ Зорькин В. Д. Тезисы о правовой реформе в России // Законодательство и экономика. 2004. № 2. С. 5.

онной конструкции и ее влияния на социально-экономическое благополучие населения.

Как представляется, российская наука к осмыслению этого идет — за последние 2—3 года громко озвучивается необходимость активизации междисциплинарных исследований права, которые дают возможность преодолевать рамки относительно узкого, исключительно юридического подхода к восприятию правовой действительности и получению более объективных результатов.

На взгляд автора, главная проблема российской юридической науки — это отсутствие междисциплинарных исследований реализации норм Конституций, и прежде всего — Конституции РСФСР 1918 г. Между тем результаты коллективно-междисциплинарных исследований, выведение природной формулы успеха Российского государства необходимо было бы использовать в построении новой системы российского законодательства и новой Конституции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авакьян С. А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. — 2-е изд. — М. : РЮИД ; Сашко, 2000.
2. *Авакьян С. А.* Некоторые мысли о состоянии и перспективах конституционно-политического развития России // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». — 2016. — № 1. — С. 3—17.
3. *Авакьян С. А.* Нужна ли конституционная реформа в России? // Конституционное и муниципальное право. — 2012. — № 9. — С. 2—9.
4. *Добрынин Н. М.* К вопросу о соотношении Конституции РФ и конституционализма: действительное и неизбежное // Конституционное и муниципальное право. — 2014. — № 3. — С. 3—10.
5. *Зорькин В. Д.* Тезисы о правовой реформе в России // Законодательство и экономика. — 2004. — № 2. — С. 5—10.
6. *Исаев И. А.* Легальность и государственный интерес // Lex Russica. — 2016. — № 11 (120). — С. 223—232.
7. *Исаев И. А.* Насилие и господство: правовой аспект // История государства и права. — 2017. — № 2. — С. 24—29.
8. *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций. Лекция 41 // URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusKluch/> (дата обращения: 28.05.2018).
9. *Корнев А. В.* Правопонимание в эпоху революций // Юридическая наука: история и современность. — 2017. — № 3. — С. 28—36.
10. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания : в 3 т. — М. : Изд-во АН СССР, 1961. — Т. 1. — 503 с.
11. *Чупилкина А. Ф.* Институт преемства/смены верховной власти: взгляд в прошлое и тревоги о будущем // Конституционное и муниципальное право. — 2018. — № 5. — С. 21—28.
12. *Чупилкина А. Ф.* Конституционно-правовая ответственность Председателя Правительства РФ: экономический концепт действительности // Конституционное и муниципальное право. — 2017. — № 7. — С. 10—14.

13. Чупилкина А. Ф. Крепостное право и крестьянские общины как антагонизмы, или Некоторые размышления об аксиомах построения российского государства // История государства и права. — 2017. — № 20. — С. 43—48.
14. Чупилкина А. Ф. От Ивана Грозного к Новому времени: конституционно-исторический код нации // История государства и права. — 2017. — № 2. — С. 3—7.
15. Шахрай С. М. Конституционные ловушки истории: была ли революция 1917 года неизбежна? // Юридическая наука: история и современность. — 2017. — № 5. — С. 16—20.
16. Эбзеев Б. С. Великая Российская революция, власть и свобода: идейные истоки и конституционное устройство // Государство и право. — 2017. — № 7. — С. 5—21.
17. Ясин Е. Г. Не сильная рука, а сильные мозги // URL: <http://www.aif.ru/society/9190> (дата обращения: 28.05.2018).

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ И ИХ РОЛЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СУДЕЙ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Аннотация. Статья посвящена историческому пути юридического образования в глобальном контексте, показывающему, что континентально-европейская система подготовки юристов, являющаяся наследницей римской правовой школы, основана на приоритете фундаментальных дисциплин, в то время как англо-американская школа, сформировавшаяся «с чистого листа» по гильдейскому принципу, отдает приоритет практическим занятиям. Российской системе юридического образования органически близка континентальная модель, в связи с чем особое значение в отечественной системе подготовки юристов исторически придается фундаментально-теоретическим знаниям.

Ключевые слова: судья, юридическое образование, фундаментальные дисциплины, история права.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.48.8.127-133

V V. MOMOTOV,

*Secretary of the Plenum, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation.
Doctor of Law, professor, Judge of the highest qualification level*

FUNDAMENTAL LEGAL DISCIPLINE AND THEIR ROLE IN THE TRAINING OF JUDGES: A HISTORICAL RETROSPECTIVE

Abstract. The article is devoted to the historical path of legal education in the global context is explored, showing that the continental European system of training of lawyers, which is the successor of the Roman law school, is based on the priority of fundamental disciplines, while the Anglo-American school, formed from scratch on the guild principle, gives priority to practical pursuits. The Russian system of juridical education is organically close to the continental model, and therefore the fundamental importance in the domestic system of training lawyers is given to fundamental theoretical knowledge.

Keywords: Judge, legal education, fundamental disciplines, history of law.

**Виктор Викторович
МОМОТОВ,**

секретарь Пленума, судья
Верховного Суда РФ,
ученый секретарь Научно-
консультативного совета
при Верховном Суде РФ,
доктор юридических наук,
профессор, присвоен
высший квалификационный
класс судьи
121260, Россия, г. Москва,
ул. Поварская, д. 15

© В. В. Момотов, 2018

В последнее время все чаще приходится слышать об «отрыве» высшего юридического образования, в особенности университетского, от практической юридической деятельности и о необходимости повысить практическую ориентированность юридического образования. Некоторые представители экспертного сообщества указывают, что слишком много внимания и времени в учебном процессе уделяется фундаментальным правовым дисциплинам — теории государства и права, истории государства и права (отечественных и зарубежных), истории политических и правовых учений и т.д.

По мнению сторонников названной точки зрения, преувеличенная роль фундаментальных дисциплин является пережитком старой системы образования, а в настоящее время целесообразно ограничить (или вовсе прекратить) изучение тех областей знания, которые напрямую не связаны с повседневной юридической практикой, и увеличить количество академических часов, посвященных конкретным правовым отраслям, учебным судебным процессам и т.д.

Для того, чтобы адекватно оценить подобные предложения и сформулировать свое отношение к рассматриваемой проблеме, следует в первую очередь проанализировать историю юридического образования и роль фундаментальных правовых дисциплин в профессиональной подготовке юристов, а также дать оценку значению фундаментальных правовых знаний в работе судьи.

Высшее юридическое образование исторически является одной из древнейших форм высшего образования как такового, берущего свое начало в древнем Риме. При этом самые ранние прототипы юридического образования имели фундаментально-ценностный характер, что было обусловлено сакральным характером самого древнего права, а процесс его изучения и передачи правовых знаний следующим поколениям осуществлялся понтификами¹. Правовое просвещение было неразрывно связано с передачей ценностно-религиозной основы римской юриспруденции и основных теологических догматов.

Когда римское право обрело светский характер (приблизительно в III в. до н.э.), появились первые формы светского юридического образования. Такое образование не имело и не могло иметь фундаментального характера, поскольку римское право еще не было систематизированным и представляло собой огромный массив разрозненных прецедентов и комментариев. Передача правовых знаний происходила преимущественно в форме консультаций у известных юристов (*auditores*). Роль учеников при этом сводилась к восприятию устно сообщаемой юристами информации².

Первым преподавателем права в Дигестах Юстиниана назван Тиберий Корунканий. Помпоний писал, что «никто до Тиберия Корункания не занимался публичным преподаванием»³.

Только к I веку н.э. появляются правовые школы, в которых юридическое образование было разделено на три ступени. На первой из них (*instituere*) учащиеся изучали фундаментальные принципы и понятийный аппарат юриспруденции. На

¹ См., например: *Брунс-Ленель К.* Внешняя история римского права / пер. с нем. А. и В. Д. Труханович-Ходановичей ; под ред. В. А. Краснокутского. М., 1904. С. 77—78.

² См.: *Пухта Г. Ф.* История римского права. М., 1864. С. 386—388.

³ *Дигесты Юстиниана* / сост. И. С. Перетерский. М., 1984. С. 29.

второй ступени (*instruere*) происходило более детальное изучение конкретных правовых институтов. Третья ступень (*audire*) представляла собой получение консультаций у известных юристов⁴.

Как известно, фундаментом континентально-европейского права является римское право, воспринятое европейскими правовыми порядками в результате его рецепции. Процесс рецепции римского права заключался в переводе и адаптации к европейским реалиям не столько самих предписаний римского права, сколько трудов римских комментаторов⁵. Поэтому можно с некоторой долей условности сказать, что в основе европейского права лежит римская фундаментальная правовая доктрина.

Являясь наследником римского правового порядка, континентально-европейская правовая система заимствовала у римлян и подход к юридическому образованию. Главными центрами подготовки юристов в Европе стали университеты: принадлежность к юридической профессии в Европе традиционно определялась и определяется тем, в каком университете обучался тот или иной юрист. Именно университетское образование является «пропуском в профессию», и именно вокруг университетов в Европе формировались основные правовые школы, продвигавшие вперед развитие континентально-европейского права и правоприменения⁶.

Система высшего юридического образования в Западной Европе сложилась с появлением первых университетов (X в.), которые представляли собой «свободные корпорации преподавателей и студентов». Известны первые университетские учебные заведения в Салерно, Павии, Болонье и Париже, где впервые было начато преподавание права⁷.

При этом наибольшее значение для системы высшего юридического образования имеют процессы, происходившие в Университете Болоньи. Именно в библиотеке этого Университета в XII в. был обнаружен *Corpus Juris Civilis* императора Юстиниана. Это событие положило начало не только процессу рецепции римского права, ставшему основополагающим для формирования континентально-европейского права, но и возникновению фундаментального университетского юридического образования в Европе⁸.

На протяжении более шести веков европейское высшее университетское образование, по сути, целиком и полностью носило фундаментально-теоретический характер. При этом учебные планы европейских университетов характеризовались двумя существенными признаками. Во-первых, учебный процесс представлял собой интегрированное преподавание таких дисциплин, как история, политика, философия и право (на средневековом этапе — также теология). Эти предметы не были разделены на самостоятельные дисциплины и препода-

⁴ См.: *Иванов Б. П.* Преподавание права в древнем Риме (Очерк по истории римской юриспруденции). Казань, 1913. С. 23.

⁵ Подробнее об этом см.: *Муромцев С. А.* Рецепция римского права. М., 1886.

⁶ См.: *Ruegg W.* A History of the University in Europe. Cambridge University Press, 2003. Vol. 1 : Universities in the Middle Ages. P. 9—14.

⁷ См., например: *Sampford C., Breakey H.* Law, Lawyering and Legal Education: Building an Ethical Profession in a Globalizing World. Routledge, 2017. P. 113—115.

⁸ См.: *Покровский И. А.* История римского права. М., 2002. С. 129.

вались единым «комплексом», как некое нерасщепленное гуманитарное знание о человеке, обществе и государстве.

Во-вторых, преподавание права вплоть до XIX в., несмотря на наличие национальных правовых источников, было основано на исследовании римского права, и в первую очередь — работ европейских глоссаторов и комментаторов. Это было связано с тем, что акты европейского национального права до начавшихся в XIX в. кодификационных работ не были систематизированы и представляли собой разрозненный набор переработанных выводов римских юристов. Для того, чтобы ориентироваться в таком правовом массиве, где не всегда четко видна грань между правовой нормой, обычаем и доктринальным положением, необходимы были фундаментальные правовые познания (прежде всего — в области истории и теории права), позволяющие юристу не зависеть от динамики изменений конкретных норм и судебной казуистики⁹.

С XIX в. названные тенденции отходят на второй план, и в университетах Европы начинается процесс специализации образования. Возникают университетские кафедры, образованные не по критерию «областей знания», а по критерию «отраслей права». Представляется, что этот процесс должен быть интерпретирован как результат не столько осознания необходимости увязать образование с практической деятельностью, сколько с началом кодификационных работ и разграничения права на отрасли¹⁰.

Тогда же формируется и европейский подход к соотношению фундаментальной и практической подготовки, в основном сохраняющийся до сегодняшнего дня в образовательных системах ключевых европейских правовых порядков (Германии, Франции, Италии). Речь идет о двухступенчатой системе образования, при которой студент в течение первых четырех лет обучения проходит общеторетическую подготовку, а затем — практику в судах, адвокатских конторах или прокуратуре¹¹. Традиционный континентально-европейский подход предполагает определенное «разделение труда» в образовательной сфере: роль профессорско-преподавательского состава состоит в том, чтобы дать молодому человеку интеллектуальный, теоретический и мировоззренческий фундамент, позволяющий ему состояться как профессиональному юристу, а роль практикующих юристов, у которых студент проходит обязательную стажировку, — сформировать навыки практической юриспруденции.

Несколько по-иному развивалось юридическое образование в англо-американской правовой системе. Свое начало оно берет в 1292 г., когда Эдуард I приказал каждому королевскому судье помимо функций по отправлению правосудия осуществлять поиск наиболее способных и заинтересованных в изучении права молодых людей, проживающих в графствах, относящихся к юрисдикции соответствующего судьи. Судьям было поручено приглашать таких молодых людей на

⁹ См.: *Padoa-Schioppa A.* A History of Law in Europe: From the Early Middle Ages to the Twentieth Century. Cambridge University Press, 2016. P. 300—301.

¹⁰ См.: *Grimes R.* Re-thinking Legal Education Under the Civil and Common Law: A Road Map for Constructive Change. Routledge, 2017. P. 178—179.

¹¹ См.: *Kellner M.* Legal Education in Japan, Germany and the United States: Recent Developments and Future Perspectives. *Zeitschrift für Japanisches Recht.* 2007. № 12. P. 198.

судебные слушания в качестве публики, а после судебных процессов обсуждать с ними рассмотренные дела¹².

Подобные обсуждения активно развивались, в результате чего в крупных городах сформировались объединения студентов и судей, проводивших регулярные встречи и обсуждения. Со временем такие встречи породили возникновение так называемых судебных иннов (Inns of Courts) — существующих при покровительстве судов корпораций (гильдий) юристов, которые сочетали в себе признаки некоего органа юридического сообщества и образовательной организации, в рамках которой молодые юристы обучались навыкам судебного представительства и юридического консультирования¹³. В рамках иннов происходила профессиональная подготовка юриста, завершением которой традиционно выступала сдача адвокатского или судейского экзамена¹⁴. В настоящее время процессу укрупнения и объединения иннов привели к возникновению четырех основных британских иннов, в каждом из которых существуют собственные традиции, оригинальные правовые подходы и способы передачи знаний новым поколениям юристов¹⁵.

В американском правовом порядке аналогичную роль выполняли (и продолжают выполнять) ассоциации юристов: на федеральном уровне это Американская ассоциация юристов (American Bar Association), а на уровне штатов — ее региональные подразделения. Право вести юридическую практику можно получить, только вступив в соответствующую ассоциацию, пройдя в рамках нее специальное обучение и сдав юридический экзамен по различным отраслям права¹⁶.

Необходимо обратить внимание на еще одну тенденцию, связанную с различиями между континентально-европейским и англо-американским подходами к подготовке юристов. В континентальной Европе преподавание права осуществляется в основном лекционным методом — еще со времен появления первых юридических факультетов иной метод преподавания права был бы невозможен, поскольку студентам необходимо было передать нормативные и доктринальные положения римского права. В англо-американской правовой системе, не знавшей рецепции римского права, такая необходимость отсутствовала и преподавание велось так называемым «сократовским методом» — в форме свободных обсуждений различных правовых казусов¹⁷.

Российская система подготовки юристов всегда развивалась в рамках континентально-европейской традиции и в теснейшем взаимодействии с научно-академическим сообществом европейских стран. Идея развития образования на базе научных исследований, сформулированная как руководящий принцип

¹² См.: *Stein R. M.* The Path of Legal Education from Edward I to Langdell: a History of Insular Reaction // *Chicago-Kent Law Review*. 1981. № 2. P. 430.

¹³ См.: *Pearce R. R.* A History of the Inns of Court and Chancery. R. Bentley, 1848. P. 51—55.

¹⁴ См.: *Stein R. M.* Op. cit. P. 436.

¹⁵ Подробнее об этом см., например: *Dugdale W.* The History and Antiquities of the four Inns of Courts. G. Kearsly, 1780.

¹⁶ См.: The American Bar Examination // URL: <http://www2.mmu.ac.uk/media/mmuacuk/content/documents/careers/guides/The-American-Bar-Exam.pdf>.

¹⁷ См.: *Gane C.* Legal Education in the Global Context: Opportunities and Challenges. Taylor and Francis, 2016. P. 121—123.

основателем Берлинского университета Вильгельмом Гумбольдтом, была одним из важных оснований и в деятельности первых российских университетов, учрежденных в XVIII — начале XX в.¹⁸

Первые попытки учреждения в России юридического образования предпринимались еще в XVI в. при создании Славяно-греко-латинской академии, где предполагалось «преподавание правосудия духовного и мирского»¹⁹.

Появление первых высших юридических учебных заведений в России сопровождалось сугубо научным осмыслением римских и германских источников права, переходом от казуальных предписаний к абстрактно-общим нормам, изучением наиболее всеобщих юридических взаимосвязей и закономерностей. Такой подход был связан прежде всего с именем С. Е. Десницкого, одного из первых докторов права, который написал ряд фундаментальных работ, посвященных методологии преподавания юридических наук²⁰.

Российское юридическое образование приобрело системный характер только в Московском университете, учрежденном в 1755 г. В проекте об учреждении Московского университета предполагалось создание трех кафедр — кафедры всеобщей юриспруденции для преподавания римского, натурального (естественного) и народного (международного) права, кафедры юриспруденции российской и кафедры политики²¹. Таким образом, две из трех кафедр были учреждены для преподавания фундаментальных дисциплин, а не конкретных отраслей российского права.

Помимо Московского университета право преподавалось в Харьковском, Казанском, Дерптском, Петербургском, Киевском и Новороссийском университетах. Весьма характерно, что именно вокруг университетов сложились все главные отечественные правовые школы²².

Первый Университетский устав 1804 г. предусматривал создание семи кафедр вместо трех:

- естественного, политического и народного права;
- права знатнейших древних и современных народов;
- гражданского и уголовного судопроизводства Российской империи;
- дипломатии и политической экономии;
- умозрительной и практической философии;
- богословия догматического и правоучительного;
- толкования Святого Писания и церковной истории²³.

¹⁸ См.: *Богданов А. И.* Эволюция идеи университета: прошлое, настоящее, будущее // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1.

¹⁹ *Смирнов С. К.* История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1856. С. 32.

²⁰ См.: *Малько А. В., Афанасьев С. Ф.* Интеграция юридического образования и науки как основное направление российской образовательной политики // *Право и образование*. 2005. № 3. С. 61—63.

²¹ Университетский устав 1863 года. СПб.: Типография Иосафата Огризко, 1863. С. 90—93.

²² Подробнее об этом см.: *Томсинов В. А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. М., 2013.

²³ См.: *Андреев А. Ю.* Лекции по истории Московского университета (1755—1855). М., 2001. С. 130.

Нетрудно заметить, что приоритет явным образом отдавался фундаментально-правовым дисциплинам. Эта тенденция сохранилась и в дальнейшем. Так, Университетский устав 1835 г. предусматривал создание на юридических факультетах семи кафедр, из которых три (36 %) носили фундаментальный, а четыре — прикладной характер. В свою очередь, Университетский устав 1863 г. предусматривал создание уже 13 кафедр, из которых семь (54 %) носили фундаментальный, а шесть — конкретно-отраслевой характер²⁴. Таким образом, проявилась тенденция к росту значения фундаментальных юридических дисциплин. С принятием Университетского устава 1863 г. на смену догматическому юридическому образованию, целью которого была передача суммы знаний о действующем праве, пришло фундаментальное юридическое образование. Его задача состояла прежде всего в формировании систематизированного теоретического знания, соединении науки и обучения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреев А. Ю. Лекции по истории Московского университета (1755—1855). — М., 2001.
2. Богданов А. И. Эволюция идеи университета: прошлое, настоящее, будущее // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1.
3. Брунс-Ленель К. Внешняя история римского права / пер. с нем. А. и В. Д. Труханович-Ходановичей ; под ред. В. А. Краснокутского. — М., 1904.
4. Генкин Д. М. Гражданское и торговое право капиталистических стран. — М., 1947.
5. Залесский В. Ф. Сводная таблица расположения : лекция на юридическом факультете Казанского императорского университета за время с 14 февраля 1805 по 01 мая 1903 г. — Казань, 1903.
6. Захаров В. В. Модернизация юридического образования в российских университетах в середине XIX столетия // Юридическое образование и наука. — 2003. — № 4.
7. Покровский И. А. История римского права. — М., 2002.
8. Смирнов С. К. История Московской славяно-греко-латинской академии. — М., 1856.
9. Томсинов В. А. Государственная власть и юриспруденция в России // Законодательство. — 1998. — № 2.
10. Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. — М., 2013.
11. Casper G. Two Models of Legal Education. — Chicago Unbound. — Tennessee Law Abstract. 1973. Vol. 41.

²⁴ См.: Захаров В. В. Модернизация юридического образования в российских университетах в середине XIX столетия // Юридическое образование и наука. 2003. № 4. С. 42.

Трибуна молодого ученого

**Анна Теймуразовна
ГОРОБЕНКО,**

аспирант кафедры
теории государства
и права Новгородского
государственного
университета имени
Я. Мудрого
agorobenko@gmail.com
173003, Россия, г. Великий
Новгород, ул. Большая
Санкт-Петербургская,
д. 41

ОПЫТ НАРОДОВЛАСТИЯ В НОВГОРОДЕ И ШВЕЦИИ В XII—XIII вв.

Аннотация. В статье рассматривается история конституционной организации основ государственного управления в России периода Новгородской вечековой республики. Автор предпринимает сравнительный анализ институтов народовластия средневекового Новгорода и Швеции.

Ключевые слова: Новгородская республика, народовластие в Швеции, тинги, Альтинг, Виг Мудрый, судебники, король, феодальное общество.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.48.8.134-138

A. T. GOROBENKO,

Post-graduate student of the Chair of Theory of State
and Law Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
agorobenko@gmail.com

173003, Russia, Novgorod the Great, Great St. Petersburg str., 41

THE EXPERIENCE OF DEMOCRACY IN NOVGOROD AND SWEDEN IN THE 12—13TH CENTURIES

Abstract. The article tells about the history of the constitutional organization of the foundations of public administration in Russia during the Novgorod Republic. The author undertakes a comparative analysis of the institutions of democracy of medieval Novgorod and Sweden.

Keywords: Novgorod republic, democracy in Sweden, tings, Althing, Vig the Wise, judiciaries, king, feudal society.

Исторические корни конституционной организации основ государственно-го управления в России восходят к периоду Новгородской вечековой республики. Объективно оценить роль данного исторического опыта можно только в ходе сравнительного анализа процессов формирования институтов народовластия на отечественной почве и за границей (на примере средневекового Новгорода и Швеции). Это обусловлено тем, что многие принципы организации и деятельности государственного аппарата зародились именно в этот период, но продолжают существовать и в современной Швеции, и в современной России.

Шведские правоведы начали углубленное изучение правовых институтов средневековой Швеции только во второй половине XIX в. Были опубликованы работы

таких исследователей, как К. Шлютер, Э. Вессен, Э. Шёхолм. С позиции данных авторов, тинги (областные народные собрания в средневековой Швеции) и Альтинг (всеобщее собрание жителей Швеции) служили волеизъявлению народа. Нормы, регламентирующие волеизъявление народа, зафиксированы в средневековых шведских областных законах. Таким образом, прототипом местных конституций были областные законы. Именно их анализу посвящены работы этих авторов. Из шведских областных законов становятся понятны структура тингов и Альтинга, а также спектр их полномочий.

Как отмечает А. Шук, во всех областях средневековой Швеции тинги обладали общими характерными чертами¹. Из них можно выделить следующие: публичность, регулярность, обязательность исполнений решений тинга.

До середины XIII в. короли в Швеции не имели законодательной власти². На областном тинге его заменял лагман — «законоговоритель». Лагмана выбирали из числа бондов (землевладельцев). Он управлял тингами, тем самым поддерживая порядок на народном собрании. Как известно из областных законов, лагманы могли не только «говорить» и разъяснять законы присутствующим на тингах, но и создавать новые. Это упоминается в областном законе Упландслаг: «Создателем закона был Виг Мудрый». Решение о принятии нового закона принималось на тинге, и каждый мог повлиять на него. В Швеции при объезде страны конунгом (королем), ярлом (доверенным лицом конунга) или епископом лагман «им отвечает от имени бондов, и бонды поддерживают его. И даже самые могущественные лица не рисковали являться на тинг без согласия не только [местных] бондов, но и лагмана»³. Несмотря на широкие полномочия лагманов, они в большинстве случаев не могли единолично принимать решения без одобрения тинга.

Законы, принимавшиеся на областных тингах и впоследствии вошедшие в областные судебники XIII в., представляли собой нормы обычного права. По мнению А. Сванидзе, новые законы, принимавшиеся на тинге, заключали в себе «определенную консервативность многих областных законов, их ориентированность на обычаи, подчас весьма архаичные»⁴. Интересно, что в середине XIV в. король Магнус Эрикссон создаст первый общешведский свод законов — Ландслаг. В него войдут большое число правовых норм из таких законов, как Упландслаг, Вестманналаг и др. Однако те нормы областных законов, которые не вошли в новый общий закон, все равно продолжали действовать в своих областях. Доподлинно неизвестно, когда именно областные законы перестали действовать, однако Гуталаг (закон Готланда) использовался до XVI в.

Взаимоотношения между областными тингами и королем заслуживают отдельного внимания. Население области во главе с группой крупных землевла-

¹ См.: Schuck A. *Ur medeltidens samhällsliv*. Stockholm : Wahlström & Widstrand, 1928. P. 20—21.

² Ковалевский С. Д. Шведские областные законы как исторический источник // Средние века. 1971. № 33.

³ Слага об Олаве Святом // URL: <http://norse.ulver.com/src/konung/heimskringla/olaf-helg/ru.html> (дата обращения: 01.03.2018).

⁴ Сванидзе А. А. Викинги — люди саги: жизнь и нравы. М. : Новое литературное обозрение, 2014. С. 621.

дельцев и лагманом принимало решение о назначении короля. Король должен был заручиться поддержкой всех областных тингов, в то же время любой тинг имел право отказать ему в этой поддержке. Короли были обязаны спрашивать разрешение на созыв ополчения и на сбор средств для ведения войны⁵. Тинг в значительной мере ограничивал круг полномочий короля. Можно сказать, что последний в основном выполнял функцию военачальника и сборщика налогов. К концу XIII в. в Швеции еще не был завершен процесс централизации и укрепления королевской власти. Таким образом, шведские тинги сохраняли свои основные функции. Принцип организации тингов лег в основу формирования шведского парламента — Риксдага в XVII в.

Почему же термин «народовластие» применим к средневековой Швеции? Дело в том, что процесс феодализации в Швеции начался достаточно поздно по сравнению с остальными странами Скандинавии. Так, крестьяне имели намного больше прав и свобод. К примеру, крестьяне могли быть присяжными заседателями на тинге. Для этого им не требовалось разрешение собственника земли⁶. Знать не имела абсолютной власти над землями и крестьянами. Однако степень свободы крестьян зависела от региона Швеции. Чем сильнее было влияние континентальной Европы в регионе, тем меньше прав и свобод было у крестьян. Это также выражалось в увеличении налогов.

Вопросом природы государственного управления в средневековом Новгороде занимались такие видные исследователи, как В. О. Ключевский, Б. Д. Греков, В. Л. Янин и другие российские и зарубежные исследователи. Особый интерес для отечественной науки вызывало новгородское вече как институт самовыражения народной воли в средневековом Новгороде. За несколько столетий в науке появились несколько концепций и подходов к изучению новгородского вече, чего, к сожалению, нельзя сказать про шведские народные собрания. Вече рассматривается как собрание, в котором мог принять участие любой человек, что впоследствии приводило к конфликтам интересов на самом вечевом собрании⁷. В. Л. Янин выдвигает теорию о вече как об органе боярского административно-политического управления Новгородом. По его мнению, участниками вече были 300 владельцев городских усадеб (впоследствии — 500 человек)⁸. В противовес данному подходу существует мнение об участии в вечевых собраниях простого и «черного» люда, упоминаемых в источниках в качестве участников вече. Однако встает вопрос о том, можно ли считать вече институтом народовластия. О. В. Мартышин дает новую оценку вече с точки зрения его законности. На его взгляд, законными вечами были те народные собрания, которые собирались по указу князя. Именно на них народ мог выражать свое недовольство действующим

⁵ Сванидзе А. А. Указ. соч. С. 619.

⁶ Lindkvist T., Sjöberg M. Den svenska samhälle 800-1720. Lund : Studentlitteratur, 2015. P. 149.

⁷ Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (История Новгорода, Пскова и Вятки). 3-е изд. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1886. Т. 2. С. 32—34.

⁸ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (К постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 56—60.

щему князю или же смещать должностных лиц. Незаконные веча — собрания, организованные без разрешения князя. Также О. В. Мартышин уточняет, что законность веча определялась присутствием должностных лиц, таких как посадник и тысяцкий, представителей всех пяти городских концов и всех социальных групп новгородского общества⁹. Данный подход не противоречит широко распространенной в отечественной науке республиканской теории, а дополняет и уточняет ее. Интересная точка зрения у шведского исследователя Ю. Гранберга, который подверг сомнению не только легитимность веча, но и его существование как политического института. Ю. Гранберг обосновал это тем, что во всех русских источниках слово «вече» означало не организованное народное собрание, а любое собрание жителей Новгорода¹⁰. Справедливо замечание А. Е. Мусина о том, что нельзя рассматривать средневековый правовой институт с точки зрения современного понятия, так как этому историческому периоду присуща размытость социальных институтов власти, которая допускает возможность существования слабовыраженной степени институциональности веча¹¹.

Следует также упомянуть работу М. Б. Свердлова «Генезис и структура феодального общества в Древней Руси», где сравниваются новгородские веча со скандинавскими тингами. Исследователь приходит к выводу, что средневековые народные собрания Скандинавии и Новгорода нецелесообразно сравнивать по причине несоответствия развития тингов и веч в течение всего периода Средних веков¹². С этим можно не согласиться, так как в XII—XIII вв. веча и тинги по своей структуре и функционалу были достаточно сходны, однако, несомненно, в последующие столетия их пути развития существенно различаются.

На сегодняшний день история народовластия в Швеции и Новгороде не до конца изучена, для этого требуются новые подходы и идеи. В проблеме новгородского веча и шведских тингов многое остается неясным. Но можно с уверенностью сказать, что народные собрания заложили основные принципы современной демократии, нашедшие отражение в формировании институтов современного конституционализма.

⁹ Мартышин О. В. Вольный Новгород: общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 182—183.

¹⁰ Гранберг Ю. Вече в древнерусских письменных источниках: функции и терминология // Древнейшие государства Восточной Европы : материалы и исследования 2004 : Политические институты Древней Руси / отв. ред. Т. В. Гимон, Е. А. Мельникова. М. : Изд-во восточной литературы РАН, 2006. С. 151—217.

¹¹ Мусин А. Е. Церковь и горожане средневекового Пскова. СПб., 2010. С. 290.

¹² Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л. : Наука, 1983. С. 54.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гранберг Ю. Вече в древнерусских письменных источниках: Функции и терминология // Древнейшие государства Восточной Европы : материалы и исследования 2004 : Политические институты Древней Руси / отв. ред. Т. В. Гимон, Е. А. Мельникова. — М. : Изд-во восточной литературы РАН, 2006. — С. 151—217.
2. Ковалевский С. Д. Шведские областные законы как исторический источник // Средние века. — 1971. — № 33.
3. Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (История Новгорода, Пскова и Вятки). — 3-е изд. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1886. — Т. 2. — С. 32—34.
4. Мартышин О. В. Вольный Новгород: Общественно-политический строй и право феодальной республики. — М., 1992.
5. Мусин А. Е. Церковь и горожане средневекового Пскова. — СПб., 2010.
6. Сванидзе А. А. Викинги — люди саги: жизнь и нравы. — М. : Новое литературное обозрение, 2014.
7. Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. — Л. : Наука, 1983.
8. Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (К постановке проблемы) // История СССР. — 1971. — № 2. — С. 56—60.
9. Halfström G. De svenska rättkällornas historia. — Lund, 1986. — P. 31—62.
10. Lindkvist T., Sjöberg M. Den svenska samhälle 800—1720. — Lund : Studentlitteratur, 2015.
11. Schuck A. Ur medeltidens samhällsliv. — Stockholm : Wahlström & Widstrand, 1928.
12. Sjöholm E. Sweden's Medieval Laws. European Legal Tradition // Scandinavian Journal of History. — 1990. — Vol. 15.

БРЕСТСКИЙ МИР: ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИИ

Аннотация. Исследован один из важнейших и загадочных вопросов конца Российской империи: судьба царского золота по Брестскому миру 1917 г. В статье затронуты вопросы социальной структуры и социальной мобильности населения, города и деревни в процессе слома громадного государства в начале XX в. Эволюцию международных отношений, менталитет различных сословий как фактор социальной динамики и крушение четырех империй невозможно рассматривать без финансовой стороны вопроса.

Ключевые слова: сословно-демографический фактор, народонаселение страны, урбанизация, международные тенденции, золотовалютный запас, контрибуции, репарации, сепаратный мир, резервный фонд, гражданская война, Российская империя.

**Александр Алексеевич
МОРОЗОВ,**

аспирант кафедры новой
и новейшей истории
Института истории
и политики Московского
педагогического
государственного
университета

a.morozov.87@list.ru

119571, Россия, г. Москва,
просп. Вернадского, д. 88

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.48.8.139-142

A. A. MOROZOV,

Post-graduate student of the Chair of Modern and Contemporary History of the
Institute of History and Politics of the Moscow Pedagogical State University

a.morozov.87@list.ru

119571, Russia, Moscow, Vernadsky Avenue, 88

BREST PACT: FINANCIAL AND ECONOMIC CONSEQUENCES FOR RUSSIA

Abstract. This article examines one of the most important and mysterious issues of the end of the Russian Empire: the fate of the Royal gold in the Best world of 1917. The social structure and social mobility of the population, the city and the village in the process of breaking the huge state, at the beginning of the XX century are also marked here. The evolution of international relations, the mentality of different classes as a factor of social dynamics and the collapse of four empires can not be imagined without the financial side of the issue.

Keywords: class-demographic factor, population of the country, urbanization, international trends, gold and currency reserves, indemnities, reparations, separate peace, reserve Fund, civil war, Russian Empire.

Судьба царского золота была одной из главных загадок российской истории XX в. Золотой запас Российской империи в начале прошлого века был крупнейшим в Европе (табл. 1). После успешной денежной реформы

© А. А. Морозов, 2018

С. Ю. Витте 1895—1897 гг. Россия обладала одной из самых устойчивых мировых валют в мире. Перед Первой мировой войной наша страна имела большие запасы золота, серебра, платины и драгоценных камней на общую сумму 2,4 млрд руб. (в ценах 1914 г.). После революции золото растеклось в разные точки земного шара. Следы царского золота можно обнаружить в банках Лондона, Гонконга, Токио и даже Рио-де-Жанейро.

Таблица 1

**Официальные золотые резервы ведущих стран мира
в период 1845—1915 гг.¹**

Год	Всего по миру	Британия	Франция	Германия	Италия	Россия	США
1865	347,1	93	194	—	—	57	—
1870	712,7	161	217	—	30,8	160	107
1875	1 088,8	154	337	43,0	26,0	230	87
1880	1 150,9	170	242	81	22,0	195	208
1885	1 535,7	141	344	99	142	195	371
1890	1 969,0	166	370	186	133	312	442
1895	2 749,7	305	460	252	132	695	169
1900	3 175,1	198	544	211	115	661	602
1905	4 710,0	199	836	267	285	654	1 149
1910	5 818,8	223	952	240	350	954	1 660
1913	8 097,7	248	1 030	437	355	1 233	2 293
1915	9 391,9	585	1 457	876	397	1 250	2 568

Перед Первой мировой войной Российская империя владела солидным запасом золотовалютных ценностей в 1 233 т. в хранилищах Государственного банка; кроме того, около 300 т драгметалла было в ходу в виде монет². Россия по запасу государственных золотых фондов была на втором месте в мире, после Соединенных Штатов Америки. В 1915 г. наша страна сохраняла свой золотой резерв, уступив второе место Франции.

В начале лета 1915 г., вслед за провалом русских войск на западном фронте, произошло наступление немецких войск в приграничные земли России. Сразу встал вопрос возможного попадания золотого запаса, хранившегося в банках Варшавы, Киева, Риги и Петрограда, врагу. Поэтому была проведена эвакуация слитков, алмазов, золотой и серебряной монеты вглубь страны — в Нижний Новгород и Казань.

Вслед за Октябрьской революцией 1917 г. вожди большевиков продолжили передислокацию золота и других ценностей дальше от западных рубежей, однако районы расположения золота скоро попали в центр Гражданской войны. В результате боев они часто переходили от одних другим. Вопросы о том, сколько

¹ Green T. Central Bank Gold Reserves. An historical perspective since 1845 // World Gold Council. November 1999.

² Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1960. 206 с.

имперского золотого запаса ушло красным, а сколько белым, не прекращаются, и точная цифра вряд ли когда-нибудь будет названа. Большинство историков полагают, что царский золотой запас достался примерно поровну большевикам в Нижнем Новгороде и белогвардейцам в Казани.

Согласно источникам Центрального государственного архива народного хозяйства СССР (ЦГАНХ СССР) имперский золотой запас во время Первой мировой войны был распределен следующим образом (см. табл. 2)³.

Таблица 2

**Распределение имперского золотого запаса
во время Первой мировой войны**

Показатель	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	08.10.1917
Золото внутри страны, млн руб.	1 604	1 560	1 614	1 476	1 101,1
Золото за границей, млн руб.	140	170	646	2 141	2 503,1
Общий запас золота, млн руб.	1 744	1 633	2 260	3 617	3 604,2
Доля золота за границей в общем запасе золота, %	8,0	10,4	28,6	59,2	69,5

Антанта и Колчак договорились (вопреки разным слухам) о том, что не было передачи золота в счет оплаты, а был залог золота, который потом следовало вернуть. Это разные вещи, и об этом свидетельствует такой важный документ, как телеграмма российского финансового агента в Северо-Американских Соединенных Штатах (САСШ) С. Угета о поставке оружия в российскую армию от 2 июля 1919 г.

Большевики же потратили большую часть золотого запаса России в основном на то, чтобы откупиться от кайзеровской Германии, даже старались привлечь ее на свою сторону в борьбе против Антанты. После заключения Брестского мира между Германией и РСФСР было подписано секретное приложение к мирному договору, по которому бывшая Российская империя, уже потерявшая всю Прибалтику, Украину и пол-Белоруссии, соглашалась, ко всему прочему, уплатить контрибуцию в 245 564 кг чистого золота (ст. 3 добавочных соглашений «Брест-2»). Первый эшелон с грузом драгоценного металла в марте 1918 г. вышел из Нижнего Новгорода и через Оршу прибыл в Берлин.

В декабре 1917 г. территория, на которой находился форт Ино, отошла к Финляндии, по ленинскому декрету ставшей независимой⁴. Однако в форте остался русский гарнизон, а сам форт получил статус российской военной базы. Из Пе-

³ ЦГАНХ СССР. Ф. 2324. Оп. 1. Ед. хр. 760. Л. 9.

⁴ Декрет о государственной независимости Финляндии 18 (31) декабря 1917 г. // Декреты советской власти. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1957. Т. 1. С. 250.

трограда в форт Ино вела прямая железнодорожная ветка. Таким образом, это было идеальное место для проведения различных тайных операций. Процесс передачи ценностей германским представителям курировали начальник Петроградского ЧК М. Урицкий и его заместитель Г. Бокий⁵.

В конце 1918 г. золотовалютный резерв у страны оставался на достаточном уровне и составлял почти 780 млн золотых руб. В пересчете на чистое золото по золотому паритету рубля это составляло около 600 т, т.е. почти $\frac{1}{2}$ золотого запаса Государственного банка Российской империи накануне Первой мировой войны⁶. Ленин, находившийся на лечении после покушения на него в августе 1918 г., категорически протестовал против выдачи золота по Брестскому миру и говорил так: «Это просто смешно, когда военная история говорит яснее ясно, что подписание договора при поражении есть средство собирания сил»⁷. Известный историк В. Шамбаров отмечает: «В период своего “регентства” Свердлов... взялся вдруг рьяно выполнять обязательства перед немцами по договору “Брест-2”... Слал в Германию миллионы тонн русского зерна. Отправил и первую партию обещанного золота. 93,5 тонны были погружены в 2 эшелона и поехали к немцам. Впрочем, хозяева Свердлова знали. Ведь через месяц Германия капитулировала, и золото благополучно досталось державам Антанты»⁸.

Переговоры СССР с Англией и другими странами с целью уладить вопросы золотого запаса империи велись и после Великой Отечественной войны вплоть до конца Советского Союза.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ленин В. И. Соч. — Т. 22. — 575 с.
2. Петров Ю. А. Государственный банк в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.) // Вестник Банка России. — 2007. — № 61.
3. Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. — М. : АН СССР, 1960. — 579 с.
4. Шамбаров В. Е. Нашествие чужих: заговор против империи. — М. : Алгоритм, 2007.
5. Green T. Central Bank Gold Reserves. An historical perspective since 1845 // World Gold Council. — November 1999.
6. Kongress sootchestvennikov. 19—31 avgusta 1991 g. // Nauchno-informatsionnye materialy / pod red. M. N. Tolstogo, E. P. Chelysheva. — M., 1992.

⁵ Kongress sootchestvennikov. 19—31 avgusta 1991 g. // Nauchno-informatsionnye materialy / pod red. M. N. Tolstogo, E. P. Chelysheva. M., 1992.

⁶ Петров Ю. А. Государственный банк в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.) // Вестник Банка России. 2007. № 61.

⁷ Ленин В. И. Соч. Т. 22. С. 334.

⁸ Шамбаров В. Е. Нашествие чужих: заговор против империи. М. : Алгоритм, 2007. С. 335.

КНИЖНАЯ ПОЛКА КАФЕДРЫ

История государства и права зарубежных стран : учебник для бакалавров / под ред. И. А. Исаева и Т. П. Филипповой. — М. : Проспект, 2017.

Учебник полностью соответствует новым стандартам высшего образования по направлению «Юриспруденция» (квалификация (степень) — «бакалавр»), подготовлен профессорско-преподавательским коллективом Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), который разрабатывает программы учебных дисциплин базовой части нового стандарта.

Учебник предназначен для студентов юридических факультетов и вузов, а также для преподавателей, практикующих юристов и всех интересующихся правом.

История отечественного государства и права : учебник для бакалавров / под ред. И. А. Исаева. — М. : Проспект, 2017.

Учебник полностью соответствует новым стандартам высшего образования по направлению «Юриспруденция» (квалификация (степень) — «бакалавр»), подготовлен профессорско-преподавательским коллективом Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), который разрабатывал программы учебных дисциплин базовой части нового стандарта.

Учебник предназначен для студентов юридических факультетов и вузов, а также преподавателей, практикующих юристов и всех интересующихся правом.

Исаев И. А. История правовых учений : конспект лекций. — М. : Проспект, 2015.

В предлагаемых лекциях рассматриваются наиболее значимые направления в развитии правовых учений с древнейших времен до современности. Правовое, историческое и позитивистское (в различных его модификациях) направления развития права анализируются в соотношении с основными категориями права, такими как справедливость, принудительный характер воздействия и нормативность. Прослеживается эволюция этих категорий.

Лекции рассчитаны на аспирантов и соискателей, готовящихся к сдаче экзамена по истории и философии науки, также будут полезны студентам, изучающим историю правовых учений.

Исаев И. А. Избранные труды : в 4 т. — М. : Проспект, 2015.

В данный сборник вошли такие избранные труды автора, как «Política hermetica. Скрытые аспекты власти», «Власть и закон в контексте иррационального», «Топос и номос: пространства правопорядков», «Господство», «Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние», «Теневая сторона закона. Иррациональное в праве», «Идея порядка в консервативной ретроспективе», «Нормативность и авторитарность. Пересечения идей».

Каждая из работ обладает вполне самостоятельным значением и в то же время прочно связана с остальными трудами автора. Красной нитью через весь сборник проходит вопрос о первоначальной природе понятий «Власть» и «Право».

Исаев И. А. Мифологемы закона. Право и литература — М. : Проспект, 2016.

Монография посвящена одному из аспектов проблемы, давно разрабатываемой автором, — мифологизма закона. В истории права можно разглядеть множество попыток преодолеть гнет нормативизма. Миф права — не просто реальность более высокого уровня, это еще и эстетически выраженная мечта о справедливости. Право, как и миф, рождается в недрах народного духа — и в этой книге автор обдумывает этот завет особенно внимательно.

Исаев И. А. История отечественного государства и права в вопросах и ответах учебное пособие. — М. : Проспект, 2013.

Пособие по истории государства и права нашего Отечества составлено в форме ответов на экзаменационные вопросы. Оно имеет ряд особенностей: материал излагается в соответствии с новой программой, утвержденной Ученым советом Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); хронологически освещаются правовые идеи, институты, правовые акты от Древней Руси до наших дней; анализируются некоторые правовые феномены и тенденции. В основе пособия — лекции, прочитанные автором в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Цель издания — оказание помощи студентам при подготовке к экзамену.

Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран : в 2 т. / под ред. К. И. Батыра и Е. В. Поликарповой. — М. : Проспект, 2017.

Хрестоматия содержит документы, необходимые для изучения истории государства и права стран Древнего мира, Средних веков, Нового времени и Новейшего времени. В первый том вошли документы Древнего мира и Средних веков. Для студентов, аспирантов юридических вузов, а также всех интересующихся историей государственности.

Исаев И. А., Кувырченков Н. С. История отечественного государства и права в схемах и таблицах : учебное пособие для бакалавриата. — М. : Проспект, 2018.

В учебном пособии излагается история отечественного государства и права с древнейших времен до наших дней с учетом данных, накопленных современной историко-правовой наукой. Материал изложен в виде таблиц, схем и рисунков, что максимально облегчает его усвоение и запоминание.

Для студентов высших учебных заведений, преподавателей и всех интересующихся историей государства и права России.

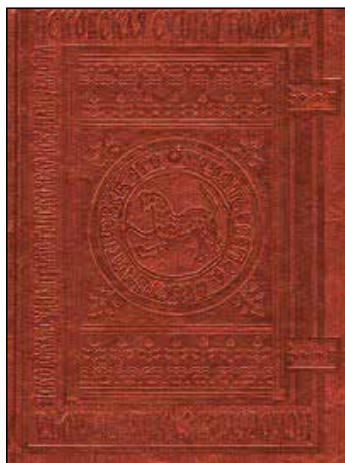
Приходько М. Российская министерская система управления в 1-й половине XIX века. — Lambert Academic Publishing, 2018.

В данном научном исследовании представлена целостная картина развития министерской системы управления в России в 1-й половине XIX в. в организационно-структурном аспекте. Этот временной отрезок включил в себя фактическое создание, правовое оформление и последующее развитие российской министерской системы управления. Книга адресована студентам, аспирантам, специалистам, а также всем интересующимся историей государства и права России 1-й половины XIX в.

Памятники права

ПСКОВСКАЯ СУДНАЯ ГРАМОТА

Авторы-составители
раздела «Право
в историческом
преломлении»:

**Юрий Григорьевич
ШПАКОВСКИЙ,**
главный редактор
журнала «Вестник
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
доктор юридических наук,
профессор
yurii-rags@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
Садовая-Кудринская ул., д. 9

**Ирина Викторовна
ПОТАПЧУК,**
начальник редакционно-
издательского
отдела Федерального
агентства по управлению
государственным
имуществом
i.potapchuk@mail.ru
109012, Россия, г. Москва,
Никольский пер., д. 9

После Русской Правды наиболее полный и разносторонний кодекс русского права представляет собой Псковская судная грамота. Она сохранилась в двух независимых друг от друга списках XVI в.: Воронцовском, включающем весь текст грамоты, и Синодальном, содержащем только последние 12 (по современной разбивке) статей. Первый из них составлен в Вологде или на Белоозере, второй — в Москве.

Вопросы происхождения Псковской судной грамоты до сих пор вызывают дискуссии. По одной из наиболее аргументированных гипотез первая редакция грамоты была составлена в 1397 г. и представляла собой свод псковских пошлин, дополненный выписками из наиболее древнего законодательного памятника Пскова — грамоты Александра Невского. Впоследствии этот текст неоднократно редактировался, в результате чего появилась вторая редакция 1409—1424 гг. Дошедшие до нас списки передают уже третью редакцию, которую относят ко второй половине XV в. Она представляет собой вторую редакцию с поздними дополнениями. Все три редакции — непосредственное отражение сложного процесса кодификации действующего права северо-западного вечаевого города: от начальных этапов формирования правовых норм до последних десятилетий существования.

В отличие от Русской Правды, сконцентрированной на юридических и социально-политических проблемах княжеского и боярского хозяйства, Псковская судная грамота дает представление о мире городских и сельских обывателей, о социально-экономическом развитии русского города. Помимо значения для истории Пскова XIV—XV вв. судная грамота имеет и общерусское значение: нормы, зафиксированные в ней, отмечаются много веков спустя в крестьянской среде самых разных районов Руси.

Перевод текста Грамоты [Воронцовский список]

1. Вот дела, подлежащие княжескому суду. Если обокрадут кладовую из-под замка, или сани, крытые войлоком, или воз, увязанный веревками, или лодью, заделанную лубом, или если украдут [хлеб?] из ямы, или скот [из запертого хлева?], или сено из непчатого стога, то все эти случаи кражи подлежат княжескому суду, а пени [за каждый указанный случай] взыскивается 9 денег. А за разбой, нападение, грабеж [пени в пользу города Пскова?] — 70 (9?) гривен, в пользу князя — 19 денег и в пользу князя и посадника — 4 деньги.

2. А [псковскому] наместнику [новгородского] архиепископа ведать свой суд, и дел, подлежащих его суду, не разбирать [ни князю], ни городским судьям; рав-

ным образом, наместник владыки не должен вмешиваться в дела, подлежащие княжескому суду.

3. Посадник при возведении на свою должность должен присягнуть в том, что судить ему справедливо, по присяге, не пользоваться городскими доходами, не мстить никому по вражде своим судом, не потакать на суде, дружа по родству, не наказывать правого, не миловать виноватого, а без разбора никого не осудить ни на суде, [ни?] на вече.

4. Князь и посадник не должны производить суда на вече; судить им у князя в палатах, справляясь с законом, согласно присяге. Если же они не будут судить по закону, то да будет им Бог судьей на втором пришествии Христове. А тайных поборов [с тяжущихся] не брать ни князю, ни посаднику.

5. Если кому-либо из княжеских слуг будет назначено ехать в пригород в качестве наместника, то он должен [перед отъездом] присягнуть в том, что будет желать Пскову добра, а судит пусть справедливо, по присяге. Если же ему ехать на какое-нибудь...

6. Посадник, оставивший свою должность, обязан сам закончить разбор [начатых им] судебных и других дел, а его [239] преемнику, не пересматривать вынесенных им судебных решений.

7. Вора, совершившего кражу в Кромю, конокрада, изменника и поджигателя лишать жизни.

8. Если будет совершена кража на посаде, то дважды помиловать (не лишать жизни) виновного, а, доказав преступление, наказать сообразно со степенью вины; уличив же в третий раз, предать его смертной казни, подобно вору, совершившему кражу в Кромю.

9. В случае тяжбы о полевой земле или о воде, если на этой земле окажется двор или пашня, а ответчик обрабатывает эту землю и пользуется ею или водою в течение четырех-пяти лет, то он должен [в подтверждение действительности владения] сослаться на соседей, числом 4—5. Если же соседи, которых ответчик призвал в свидетели, скажут на ставке истинно, как перед Богом, что он действительно обрабатывает спорную землю и пользуется ею или водою в течение четырех-пяти лет, а соперник его за эти годы не судился с ним и не заявлял своих претензий на землю или воду, то в таком случае его земля или вода освобождаются от всяких домогательств и ответчик не обязан присягой подтверждать свое право. А истец, не возбудивший судебного дела и не заявивший своих притязаний за указанные годы, таким образом теряет свой иск.

10. В случае тяжбы о земле, неудобной для обработки (земле под лесом), если обе тяжущиеся стороны представят грамоты, по которым границы смежных владений не сойдутся, так что одна земля окажется в межах обоих владельцев, и тяжущиеся возьмут межевщиков, которые проведут им межи владений по грамотам того и другого, а они, явившись в суд, заявят, что этим межеванием довольны, тогда дело решается судебным поединком.

11. А кто из тяжущихся одолеет своего противника [на судебном поединке, тому присудить спорную землю согласно его грамоте].

12. Кто же из тяжущихся [потерпит на поединке поражение со своими грамотами, тому в иске отказать и грамоты его признать недействительными, а выигравшему дело выдать на спорную землю письменное определение суда (правую

грамоту); а судебных пошлин в пользу князя и посадника и со всеми сотскими взыскать 10 денег.

13. Если кто-либо будет требовать возврата отчужденной земли по праву выкупа, а у ответчика окажутся грамоты, свидетельствующие о давнем владении, то дело решается по желанию предъявителя таких грамот: он может вызвать истца на судебный поединок или потребовать от него присяги, что еще не истек срок выкупа, установленный при отчуждении.

14. Если кто-либо предъявит ко взысканию на умершего доску [239] и станет по ней требовать с душеприказчиков отданного на хранение имущества: денег, или платья, или украшений, или какой-нибудь иной движимости, и при этом окажется, что умерший распорядился на случай смерти своим имуществом, у него написано духовное завещание и положено в городской архив, — то такой иск на душеприказчиках [на основании простой доски], ни относительно хранения, ни относительно займа, ни относительно чего-либо другого, о чем не сказано в завещании, не допускается без заклада или [формальной] записи. При наличии же [формальной] записи или заклада, [обеспечивающего доску], можно предъявлять иски. Точно так же, если кто-либо получил (от умершего при его жизни) имущество [на сумму, передача которой по закону должна быть обеспечиваема закладом или записью], а у душеприказчиков не окажется ни заклада, ни записи [умершего] на этого человека, они не имеют права ничего с него требовать: ни займа, ни торговой ссуды, ни хранения.

15. Если после умершего останутся отец, или мать, или сын, или брат, или сестра, или кто-нибудь другой из близкой родни, то они могут и без заклада или [формальной] записи искать друг на друге, но не на чужих людях, как имущества, отданного умершим кому-нибудь из них, так и имущества, у него взятого кем-нибудь из них.

16—17. О хранении. Если кто-нибудь, [уезжая в чужую землю, или] во время пожара, или когда по грехам на него поднимется народ, отдаст на хранение свое имущество, а потом потребует его назад, а взявший начнет отрицать [факт поклажи], в таком случае истец должен заявить свой иск не позже одной недели по приезде из чужой земли, по пожаре или разграблении народом его дома; если ответчик [по-прежнему] будет отказываться [от получения имущества на хранение], то дело решается по его желанию: хочет — сам примет присягу, или выйдет на судебный поединок с истцом, или же положит у креста [цену иска, предоставив присягнуть] истцу.

18. Точно так же, если переходящий рабочий, нанимающийся в сельской волости пахать землю или пасти скот, возбудит иск о хранении или о хлебе, то суд, расследовав дело, должен решить его по желанию ответчика: хочет — сам примет присягу, или выйдет на судебный поединок с истцом, или же положит у креста [цену иска, предоставив присягнуть истцу].

19. Кто станет требовать отданного на хранение имущества по доскам, без точного обозначения, по старому обыкновению, искомым вещей, тот теряет иск.

20. Если кто-либо возбудит [без прямых улик] дело о побоях или грабеже, прося суд вызвать повесткой ответчика, то князь, посадники и сотские должны выяснить, если у истца послух, [который удостоверит], где он [в тот день] [240] обедал или ночевал. И, если послухом окажется его соночлежник или соучаст-

ник обеда, суд должен допросить и самого потерпевшего, где его били и грабили, и пусть он укажет на тех, кому об этом [тогда же] заявил. Если же тот, на кого будет сделана ссылка, будучи вызван на суд, скажет истинно, как перед Богом, что потерпевший действительно заявлял ему о своих побоях и о грабеже, и послуш на ставке покажет в одно слово с показаниями истца, то дело решается по желанию ответчика: или пусть он выходит на судебный поединок с послухом, или пусть положит у креста цену иска, [предоставив послуху присягнуть].

21. Если ответчиком, которому придется состязаться на поединке с послухом, окажется человек престарелый, или малолетний, или с каким-нибудь увечьем, или поп, или монах, то он имеет право выставить за себя наемного бойца, послуш же [ни в каком случае] не может заменять себя наемным бойцом.

22. Если послуш, на которого сошлется истец, не явится на суд или, явившись, даст показания, не совпадающие полностью с показаниями истца — не скажет всего или, наоборот, скажет что-нибудь лишнее по сравнению с ним, то такой послуш не признается послухом, а истец теряет иск.

23. Если истец сошлется на послуха, а ответчик [в свою очередь,] так же выставит послуха, говоря: «истец меня сам бил с тем человеком, которого теперь призывает в послухи», то суд должен допустить и того послуха, который назван со стороны ответчика во время разбирательства дела.

24. Если же ответчик по обвинению в разбое сам не выставит послуха, то, для того чтобы не руководствоваться одной только ссылкой истца, судьи должны отправить с суда своих приставов [для расследования дела на место происшествия], а ответчика, не указавшего послуха, не признавать виновным в силу отсутствия только ссылки с его стороны. Пусть псковские судьи не удивляются [такому казусу].

25. Если ответчик, вызываемый через пристава на суд, не пойдет на церковную площадь для слушания повестки или же, [явившись,] спрячется [во время чтения, чтобы не слушать вызова], то повестку прочесть на церковной площади в присутствии священника. Если же ответчик, не считаясь с назначенным ему для явки сроком, все же не явится своевременно на суд, то судьям на пятый день выдать [новую] грамоту истцу и приставу о доставке ослушника силой.

26. Истец, получивший [такую] грамоту [о приводе] своего ответчика, задержав его в силу полученного предписания, должен представить на суд, но при этом не мучить, не бить его. А ответчик, подлежащий, согласно грамоте, приводу, не должен, при задержании, отбиваться от истца; если же он [241] начнет сопротивляться с оружием в руках и совершит смертоубийство, то подвергнется ответственности как убийца.

27. Если произойдет драка в Пскове или пригороде — на рынке или на улице, или в сельской волости на пиру, но [при этом] ограбления не случится, и если эту драку видело много людей на рынке, или на улице, или на пиру, и из этих очевидцев человека четыре или пять, став перед нами, [судьями], скажут: «этого бил такой-то», тогда причинившего побои выдать на их совесть побитому и взыскать с него пеню в пользу князя. Если же потерпевший будет возводить обвинение [на оскорбителя] еще и в ограблении, то он должен вести иск при содействии послуха, который должен быть один, потому что в таком случае дело может решиться судебным поединком.

28. Если кто-нибудь представит ко взысканию заемную доску, обеспеченную закладом, [который должник признает своей вещью, отказываясь от самого займа,] то дело решается по желанию истца: хочет — сам примет присягу и получит свой долг, или положит у креста заклад, предоставив присягнуть и взять его ответчику. Решение же дела судебным поединком в долговом иске при наличии заклада не допускается. А досок, обеспеченных закладом, не признавать недействительными [в качестве доказательства на суде].

29. Если кто-нибудь займет деньги под залог крепостных актов или какой-нибудь вещи, [но не даст закладной доски,] а потом, не дожидаясь взыскания со стороны кредитора или же на суде [по иску последнего], сам потребует от него возврата заклада [как отданного на хранение], то кредитору, представившему [на суде] заклад, не отказывать в иске долга на том основании, что у него нет закладной доски, но верить на слово [той долговой сумме, которую] он назовет, и решать дело по его желанию: хочет — сам примет присягу и получит деньги, или положит у креста заклад, предоставив присягнуть и взять его должнику.

30. Разрешается давать в долг деньги без заклада или без [формальной] записи в сумме до рубля включительно. Денежные же займы на большую сумму без заклада или без [формальной] записи не допускаются. Если же кто-нибудь предъявит иск в денежной ссуде свыше рубля по [простой] доске, не обеспеченной закладом, то такой доски не принимать ко взысканию, а ответчик, [не признающий долга,] выигрывает дело.

31. Если кто-нибудь предъявит ко взысканию доску, обеспеченную вещественным закладом — платьем, или вооружением, или конем, или чем-либо иным из движимого имущества, причем стоимость заклада будет меньше искомой долговой суммы, и ответчик от него откажется, говоря: «Я у тебя этого не закладывал и ничего не брал у тебя в долг», — то в таком [242] случае заклад пусть переходит в собственность истца, а ответчик освобождается от взыскания.

32. Если кто-нибудь поручится за должника в возврате взятых займы денег, а заимодавец возбудит иск о долговой сумме к поручителю, должник же, за которого ручался последний, предъявит в ответ на претензию заимодавца платежную расписку, говоря: «Я, брат, уплатил тебе долг, обеспеченный этой порукой, а вот у меня и расписка в том, что истцу не требовать [больше] занятых денег ни с [самого] ответчика, ни с его поручителя», — то такой расписки не принимать на суде во внимание, если в [городском] архиве не окажется ее копии, а истцу предоставить взыскивать свои деньги с поручителя, ручавшегося по его должнику.

33. Порукой обеспечивается долг только на сумму до рубля включительно, в займах же, превышающих указанную сумму, порука не может служить обеспечением.

34—35. Если кого-нибудь из псковичей обокрадут в Пскове, или в пригороде, или в сельской волости, то он должен заявить [об этом] старостам, или ближайшим соседям, или другим сторонним людям; если же [кража случится] в [братском] пиру, то [заявить] пировому старосте или гостям, а хозяина дома, где происходит пир, это дело не касается. Псковитину [не вызывать ответчика из] волости к вольной присяге в Пскове, пусть он приводит подозреваемого к присяге в церковь, находящуюся там, где случилась покража. Точно так же и жителю пригорода или

сельской волости не вызывать [заподозренного в воровстве] псковитина к присяге в пригород [или в село], а приводить к присяге на месте совершения покражи.

36. Если в долговом иске, предъявленном на основании доски, истцом окажется женщина, или малолетний, или человек престарелый, или больной, или с каким-либо увечьем, или монах, или монахиня, то [такие истцы] имеют право выставить за себя [на судебный поединок] наемных бойцов; тяжущиеся должны [, однако, лично] давать присягу, а наемники [могут только] сражаться на поединке. Ответчику [в свою очередь] предоставляется право, если он не желает выходить на бой с подставным бойцом истца, также выставить против него своего наемника.

37. Если суд приговорит тяжущихся к поединку, выйдя на который истец одолевает своего соперника, то в таком случае он получает предъявленный к последнему иск, но в случае убийства ответчика взыскание не производится, победитель имеет право только снять [с убитого] доспех или другое [одеяние], в котором тот вышел на поединок. Если поединок состоится, то побежденный должен уплатить пеню князю и пошлину обоим приставам, по 6 денег каждому, если же тяжущиеся кончат дело мировой [до поединка], то в пользу [243] приставов взыскивается [с ответчика] по 3 деньги, а пеня князю с него не взимается совсем, раз истец [по мировой] откажется от своего иска.

38. Если кто-нибудь предъявит иск по доскам о деньгах, отданных для торговых оборотов, а ответчик в ответ на претензию истца представит платежную расписку, в которой говорится об уплате именно торговой ссуды, но в архиве при Троицком соборе не окажется копии этой расписки, то такая расписка признается судом не имеющей силы [, а дело решается обычным порядком, установленным для исков о торговых ссудах].

39. Если мастер плотник или [простой] наемный работник отживет срок, на который был нанят, или окончит условленную работу, то он может требовать своей наемной платы с хозяина, [который отказывается ему платить,] и без представления письменного условия, путем устной публичной огласки своей претензии.

40. Если дворовый наемный работник отойдет от хозяина, не дожив до срока, то он получает наемную плату по расчету зажитого времени; а предъявить иск о следуемых ему зажитых деньгах [в случае неуплаты хозяином] он имеет право в течение года со дня ухода; хотя бы работник прожил у хозяина 5 или 10 лет, раз он не получил наемной платы за работу, то он может требовать ее за все это время. По истечении же года с момента ухода наемные работники теряют право иска на хозяевах.

41. Если нанявшийся на работу плотник отойдет от хозяина, не окончив работы, и станет требовать с него наемной платы, говоря ему: «Я у тебя отработал всю положенную работу», — а хозяин [в ответ] скажет: «Ты не отработал всей следуемой с тебя работы», — то при отсутствии у них письменного условия дело решается по желанию хозяина: пусть или положит у креста искомую сумму, предоставив присягнуть истцу, или пусть сам примет присягу.

42. Если землевладелец захочет отказать [зависимым] земледельцу, огороднику или рыболову, [пользующимся участками в его имении,] то отказ должен производиться в день Филиппьева заговенья (14 ноября); точно так же, если захотят отказаться от своих участков зависимый земледелец, или огородник, или рыболов, то для отказа устанавливается тот же срок. Никакой другой срок отказа

не допускается, независимо от того, по чьему желанию он совершается — землевладельца ли или же зависимых от него земледельца, огородника или рыболова.

42. Если же земледелец, или огородник, или рыболов начнут отрицать факт [формального] отказа со стороны землевладельца, то в таком случае привести их к присяге, [по принесении которой] землевладелец теряет иск о следуемой ему [при отказе] [244] части продуктов с пахотного, огородного или рыболовного участков.

43. Если рыболов-издольщик пропустит весенний улов, то он должен заплатить хозяину рыболовного угодья столько же, сколько ему доставалось с других участков того же угодья.

44. Землевладелец имеет право требовать с зависимых от него земледельца, огородника или рыболова и без письменного документа, путем устной публичной огласки своей претензии, подмоги — денег и всякого хлеба, указывая, какого именно: пшеницы яровой или озимой, независимо от того, с чьей стороны состоялся отказ — землевладельца ли или же земледельца, огородника или рыболова.

45. Кто станет требовать денег, отданных для торговых оборотов, или долга по поручительству, или имущества, отданного на хранение, или займа, или наследства, без обозначения иска, тот теряет иск.

46. Если кто-нибудь опознает свое пропавшее имущество у другого, а этот последний скажет: «Я купил [эту вещь] на рынке, но продавца не знаю», то ответчика привести к присяге в том, что он действительно совершил покупку на рынке, а не был соучастником в воровстве; если ответчик и не представит [на суд того человека, у которого приобрел покупкой спорную вещь], но сам он ранее не был замечен в воровстве и в обществе не будет на него подозрения, то истец теряет иск.

47. Если кто-нибудь купит [вещь] в чужой земле, или в городе, или же найдет ее где-либо, а другой признает ее своею, то дело решается так же, как [и в случае покупки] на рынке.

48. Если кто-нибудь станет требовать с должностного лица возврата неправильно взятого вознаграждения [и при этом обнаружится, что должностное лицо] насильно отняло у истца одежду или увело коня, говоря: «Я отнял одежду или увел коня в счет обещанного», то виновный в отнятии одежды или свове коня привлекается к ответу, как за грабеж.

49. Княжеским слугам или приставам отправляться в служебные поездки вдвоем, а прогоны взыскивать из расчета по одной деньге на каждую версту, причем независимо от того, участвуют ли в поездке двое или же трое приставов, прогоны взыскиваются в одинаковом размере. Если же княжеский слуга или пристав откажутся выехать за эти прогоны, то псковитин имеет право отправить кого угодно за те же прогоны.

50. За написание повестки о явке ответчика в суд, или обвинительного приговора вследствие неявки ответчика, или же грамоты приставу княжеский писец должен взыскивать с истца пошлину по таксе. Если же писец потребует не по таксе, то истец имеет право написать [названные документы] [245] где-нибудь в другом месте, и князь [в таком случае] обязан приложить к ним свою печать; а если князь откажется приложить печать, то последняя может быть приложена в архиве Троицкого собора, и это не будет изменой князю.

51. Если земледелец станет отрицать факт получения подмоги от землевладельца, говоря: «Я жил в твоём имении, но ничего тебе не должен, [подмоги у тебя не брал]», то землевладелец должен представить [в качестве свидетелей] четырех или пятерых сторонних людей, которые скажут истинно, как перед Богом, что [ответчик] действительно занимал участок в имении, [на началах зависимости, получив подмогу,] и в таком случае землевладелец, принеся присягу, взыскивает подмогу или же пусть, если хочет, предоставит присягнуть ответчику. Но если землевладелец не сможет представить свидетелей того, что земледелец занимал участок в имении [на началах зависимости, получив подмогу], то он теряет свой иск о подмоге.

52. Если истец откажется от своего иска, предъявленного к вору или разбойнику, то в таком случае и князь лишается следуемой в его пользу с ответчика пени.

53. Если сын откажется прокормить отца или мать до их смерти и уйдет из родительского дома, то в таком случае он лишается доли, причитающейся ему из неразделенного имущества.

54. Если человек [у которого собственник опознал свое пропавшее имущество,] представит на суд или в присяге того, у кого он приобрел [это имущество] покупкой, то последний отвечает по суду перед истцом, а первый ответчик, который отвел от себя иск, является его поручителем.

55. Если к кому-нибудь будет предъявлен иск об имуществе, доставшемся ему по наследству от отца или по завещанию, и если соседям или сторонним людям будет известно [происхождение имущества] и человека четыре или пять [из них] скажут на ставке истинно, как перед Богом, что [спорная вещь] действительно получена ответчиком по наследству от отца или по завещанию, то ответчик освобождается от присяги, а истец теряет иск [на основании одних свидетельских показаний]. Но если не найдется четырех или пяти человек, которые подтвердили бы истинно, как перед Богом [права ответчика на имущество], то он должен принести присягу в том, что это действительно отцовское наследство.

56. Точно так же, если кто-нибудь купил [вещь] на рынке у незнакомого продавца и покупка будет известна добрым людям, и если [потом, когда на эту вещь] будет заявлено притязание другим лицом, человека четыре или пять скажут истинно, как перед Богом: «Он совершил покупку в нашем присутствии на рынке», то ответчик считается оправданным и освобождается от присяги. Если же у него не найдется свидетелей, то в [246] таком случае привести его к присяге, [по принесении которой] истец теряет иск.

57. Если кто-нибудь потребует у князя или у посадника пристава для выемки поличного у вора, то князь и посадник должны отправить в качестве приставов людей добрых, благонадежных. Если же посланные приставы [по возвращении] скажут следующее: «Приехали мы на двор [человека, заподозренного в воровстве] для обыска, и он не дал нам произвести обыска, и не пустил нас в дом, и прогнал со двора», а ответчик [со своей стороны] скажет: «Те приставы, господа судьи, у меня не были», или же скажет: «Были у меня, господа судьи, те приставы, и я открыл им двери дома, а они, не произведя у меня обыска, по собственной воле убежали со двора, а теперь клеветают на меня, будто бы я их выгнал», то князю и посаднику расспросить приставов: «Есть ли у вас свидетели, в присутствии которых ответчик прогнал вас со двора?» Тогда приставы должны

представить в качестве свидетелей происшествия человек двух или трех, и если они, явившись на суд, скажут истинно, как перед Богом: «тот человек при нас прогнал тех приставов со двора и не дал им произвести обыска», — то приставов привести к присяге, а ответчика [, подозреваемого в воровстве и помешавшего выемке поличного,] привлечь к ответственности как вора. Если же виновными [в оклеветании] окажутся приставы, то такие приставы не признаются приставами, а истец, отправивший их, теряет иск.

58. Не допускается явка на суд с пособниками; в судебную горницу могут входить [только] двое тяжущихся, а помощников не должно быть ни со стороны истца, ни со стороны ответчика. Исключение составляют: женщина, или малолетний, или монах, или монахиня, или человек очень престарелый, или глухой, за которых разрешается выступать на суде пособнику. Если же явится пособник за кого-нибудь, кроме лиц, перечисленных выше, и попытается насильно проникнуть в судебную горницу или ударит привратника, то его заклепать в колодку и взыскать с него рубль пени в пользу князя и 10 денег в пользу привратников.

59. А привратникам быть — одному человеку со стороны князя и одному — со стороны города Пскова; они должны принести присягу в том, что не будут наказывать правого и миловать виновного. А с каждого судебного дела взыскивать им с признанного виновным по две деньги на двоих.

60. Показаниям вора не доверять; если он оговорит кого-нибудь [в соучастии], то произвести обыск в доме оговоренного и в случае выемки поличного привлечь его также к ответственности за воровство, если же [при обыске краденые вещи] не будут обнаружены, то он не подлежит задержанию [247].

61. Князь и посадник не должны отвергать на суде документов, подлинность которых не возбуждает сомнений и которые составлены по установленной законом форме; что же касается подложных документов, грамот и досок, то, подвергнув их проверке, признать по суду недействительными.

62. В любых тяжбах, на основании [простых ли] досок или же обеспеченных закладом, истец имеет право, по договоренности с ответчиком, на суде или даже у присяги, уменьшить свой иск, и с него не взыскивается штраф [судебные издержки], хотя бы он и совершенно освободил ответчика от взыскания, не приводя его к присяге.

63. Если какой-нибудь зависимый земледелец откажется у землевладельца от занимаемого в его имении участка, или же если отказ произойдет со стороны землевладельца, то [в обоих случаях] в момент отказа [между ними] должен быть произведен [полный] расчет: землевладелец получает следующую ему часть продуктов [с участка], земледелец — часть, причитающуюся ему.

64. Приставам, из числа княжеских ли слуг, или же псковичей, за поездку для вызова на суд ответчика, или для снятия с него оков, или же для наложения оков, взыскивать [с истца] прогоны из расчета по одной деньге на каждые десять верст. **65.** За поездку для производства обыска по делу о воровстве пристав имеет право на двойные прогоны, взыскиваемые с того, кто будет признан вором. Если же [пристав] не обнаружит поличного, то оплата пристава и привратников производится истцом, взявшим [для своего дела] пристава.

66. Если какой-нибудь пристав или дворянин возьмут [у ответчика] в уплату за свою поездку коня или же какое-нибудь другое имущество, то [ответчик] дол-

жен его дать под поручительство стороннего человека или же отвести от себя [подозрение в воровстве], и в таком случае прогоны взыскиваются с истца, не выигравшего иска.

67. Если истец, приехавши с приставом, возьмет [у ответчика] что-нибудь из имущества в возмещение своего долга самовольно, а не по приговору суда, то за это он привлекается к ответственности, как за грабеж. За грабеж же присуждается рубль пени, точно так же и плата приставу ложится в этом случае на истца, виновного [в самоуправстве].

68. Никакой посадник [ни псковский, ни пригородный] не имеет права выступать на суде в качестве поверенного в тяжбах другого. Он может вести только собственные судебные дела и дела по имуществу той церкви, где состоит церковным старостой.

69. Точно так же не имеет права вести ничьих судебных, кроме своих собственных, никто из должностных лиц. [248]

70. Прихожане не должны являться [скопом] в суд для защиты церковной земли [от сторонних притязаний]. Пусть в тяжбах о церковной земле выступают на суде [церковные] старосты.

71. Одному поверенному не вести в один и тот же день двух судебных дел.

72. Если кто-нибудь получит по завещанию [недвижимое] имущество в пользование, и если у него же в руках будут крепостные акты на это имущество, и [пользователь] продаст эту землю, или рыбную ловлю, или какую-либо другую недвижимость, то, когда уличат его [в такой незаконной продаже], он обязан выкупить проданное имущество, а [, кроме того,] лишается [в дальнейшем] пользования им.

73. Если кому-нибудь предстоит взыскание долга по записи, причем записью будут обусловлены определенные проценты, то при наступлении срока уплаты он должен заявить суду о процентах и тогда имеет право на начисление их и по истечении срока. Если же [истец] не сделает в срок такого заявления суду, то он лишается процентов (за время, протекшее от срока платежа до момента действительной уплаты).

74. Если кто-нибудь потребует со своего должника уплаты долга до истечения срока займа, то он лишается права взыскания процентов. Если же должник возвратит кредитору долг до истечения срока, то проценты взимаются по расчету времени.

75. Если какой-нибудь зависимый земледелец предъявит в чем-либо иск к землевладельцу на основании [простой] доски, то такая доска не признается действительным юридическим доказательством на суде.

75. Земледелец-старожил обязан подводной повинностью на землевладельца.

76. Если зависимый земледелец убежит из имения за границу [Псковского государства] или куда-нибудь в другое место [внутри Псковского государства], а его движимое имущество останется в имении, землевладельцу же предстоит взыскание с земледельца подмоги, то он должен взять у князя и у посадника пристава и пригласить волостных старост и сторонних людей и в присутствии [этих] приставов и сторонних людей продать движимое имущество земледельца и вырученное взять в уплату подмоги. Если же вырученной от продажи суммы окажется недостаточно для покрытия подмоги, земледелец же по истечении некоторого времени возвратится, то землевладелец имеет право предъявить к нему

иск для возмещения недостающей части подмоги. Землевладелец не подвергается штрафу [за то, что забрал имущество земледельца]. А земледелец [по возвращении] не имеет права предъявлять иск к землевладельцу об имуществе (оставшемся в имении).

77. Псковские судьи и пригородные посадники и старосты должны присягать в том же, что судить им справедливо, по [249] присяге. Если же они не будут судить справедливо, то да будет им Бог судьей в страшный день второго пришествия Христова.

78. Если кому-нибудь из княжеских слуг будет назначено отправиться на размежевание границ спорного имения, то он также должен принести присягу.

79. Если между кем-нибудь возникнет тяжба о владении землею или водою и обе стороны предъявят грамоты, то грамоты одной стороны должен читать дьяк княжеский, а другой — дьяк городской. Грамоты же, присланные из пригородов, должен читать дьяк городской.

80. Если между кем-нибудь произойдет драка в Пскове, или в пригороде, или в сельской волости — на пиру, или в каком-нибудь другом месте, [подравшиеся] же не вызовут через приставов друг друга на суд, а покончат дело мировой, то в таком случае пеня в пользу князя не взыскивается.

81. Княжеские слуги и псковские городские приставы должны ездить для производства обыска или вызова в суд свидетелей на равных началах (т.е. вдвоем и пополам делить прогоны).

82. Княжеский писец за написание правой грамоты по земельному спору имеет право взыскать 5 денег, за [написание] повестки о явке в суд — одну деньгу, за приложение печати — одну деньгу, точно так же по одной деньге взыскивается за составление обвинительного приговора вследствие неявки ответчика в суд и грамоты приставу. Если же княжеский писец потребует пошлину не по таксе, то в таком случае разрешается написать [грамоту] где-нибудь в другом месте, причем князь должен приложить свою печать; если же князь откажется приложить печать, то последняя может быть приложена в городском архиве при Троицком соборе, и это не считается изменой князю.

83. Если кому-нибудь из псковских жителей нужно будет получить у князя и по[садника] письменное разрешение на поездку за границу] по собственному делу, то за [написание] такого разрешения княжеский писец имеет право на взыскание одной деньги; кроме того, взимается пошлина за приложение печати в размере одной деньги.

84. Если зависимый земледелец умрет в имении у землевладельца, причем у умершего не будет ни жены, ни детей, ни брата, ни [других] родственников, то землевладелец также может в присутствии приставов и сторонних людей продать движимое имущество земледельца и [вырученные деньги] взять в возмещение своей подмоги. Если же впоследствии объявятся брат или какие-нибудь другие родственники умершего земледельца, то они не имеют права требовать движимости последнего с землевладельца. [250]

85. Если [в имении] у какого-нибудь землевладельца умрет зависимый земледелец, на которого имеется ссудная запись, а после него останутся жена и дети, не упомянутые в [этой] записи, то жена и дети [умершего] не имеют права отказываться от уплаты подмоги землевладельцу, но должны уплатить ее согласно

записи. Если же на земледельца не имеется записи, то дело [о взыскании подмоги] решается судом по псковским обычаям.

86. Если [после смерти] зависимого земледельца останутся его брат или какие-нибудь другие [боковые] родственники и пожелают вступить в наследство его имуществом, то землевладелец имеет право взыскать с них подмогу. Брат [и другие боковые] родственники [умершего] земледельца не должны утаивать от землевладельца ни лукошка, ни кадки (т.е. наличного количества хлеба, принадлежавшего умершему). Но если [после умершего] останутся конь или корова, то они (родственники) могут, в свою очередь, требовать их по суду от хозяина.

87. Если зависимый земледелец предъявит претензию к землевладельцу на какую-нибудь движимость, а землевладелец представит свидетелей, что земледелец присваивает принадлежащее ему имущество, и сторонним людям, близким соседям, будет известно, что это действительно его имущество, то земледелец теряет иск, а землевладелец признается правым.

88. Если у кого-нибудь умрет жена, не оставив духовного завещания, а после нее останется ее родовое недвижимое имущество, то ее мужу владеть этим имуществом пожизненно, при условии если он не женится во второй раз, в случае же вторичной женитьбы лишается права на пользование им.

89. Если у кого-нибудь умрет муж, не оставив духовного завещания, а после него останется недвижимое родовое или движимое имущество, то жене пользоваться им пожизненно, при условии если она не выйдет замуж во второй раз; в случае же вторичного замужества лишается права на пользование им.

90. Если у кого-нибудь умрет жена, а [овдовевший] муж женится во второй раз и мать, или сестра, или иные родственники первой жены предъявят к нему иск о ее платье, то муж должен по совести отдать ее платье, но его нельзя приводить к присяге в том, что он отдал все без остатка платье жены. Точно так же, если умрет муж, а его отец или братья предъявят иск ко вдове о мужнином платье, то она должна отдать по совести все, что [после него] у нее останется. Но ее нельзя приводить к присяге в том, что отдала все без остатка платье мужа.

91. Если у кого-нибудь умрет сын, а после него останется вдова, которая предъявит иск к свекру или деверю о своем приданом — украшениях или платье, то свекор или деверь должны отдать невестке украшения или платье. Если же невестка [251] неправильно требует имущество, ей не принадлежащее, то свекор или деверь, по желанию, или пусть сами примут присягу, или положат у креста цену иска [, предоставив присягнуть невестке].

92. Если кто-нибудь из совладельцев имущества или соучастников товарищества [за исключением торговых товариществ между туземными и иноземными купцами] предъявит к другому иск относительно доли из общей прибыли и представит при этом доску, то дело решается по желанию ответчика: хочет — пусть сам примет присягу, или положит у креста своему истцу [цену иска, предоставив ему присягнуть], или же пусть выходит с ним на судебный поединок.

93. Если скроется должник, на которого у кредитора имеется запись, и не явится в срок уплаты, точно так же, если будет скрываться зависимый земледелец, на которого у землевладельца имеется запись, то все убытки, происшедшие при его задержании: вознаграждение приставам, расходы на публикацию и наложение оков — взыскиваются с виновного, кто скрывался.

94. Если старший брат владеет вместе с младшим общим неразделенным имуществом, а кто-нибудь потребует у них уплаты отцовского долга, причем записи на [умершего] отца не будет, то старший брат приводится к присяге [относительно существования такого долга, и если признает его], то пусть уплатит из общего имущества; остаток же подлежит разделу.

95. Если младший брат или племянник, владеющие общим неразделенным имуществом со старшим братом или братом [отца], воспользуются чем-нибудь из общей собственности и станут отрицать это, то они должны принести присягу в том, что ничего не присвоили, а имущество подлежит разделу.

96. Если где-нибудь произойдет убийство и убийца будет уличен, то с убийцы взыскивается в пользу князя рубль пени.

97. Если даже сын убьет отца или же брат брата, все равно взыскивается пеня в пользу князя.

98. Если кто-нибудь приедет на [чужой] двор с приставом арестовать вора и произвести обыск для выемки поличного, а [беременная] женщина в это время выкинет младенца, а [затем] начнет обвинять пристава или истца в убийстве, то это не считается убийством.

99. Если ответчик не явится к судебной присяге, то он обязан уплатить истцу без присяги по полной цене иска.

100. Если кто-нибудь при жизни или перед смертью лично передаст что-либо своему родственнику, платью или какую-нибудь другую движимость или же недвижимое имущество, причем даст ему также и дарственные грамоты в присутствии попа или сторонних людей, то [после смерти дарителя] получивший имеет [252] право владеть этим дареньем даже при отсутствии завещания.

101. О торговом займе и долге по поручительству. Если кто-нибудь потребует денег, отданных для торговых оборотов, или долга по поручительству, или чего-нибудь иного, с обозначением иска, то дело решается по желанию ответчика: хочет — пусть выходит на судебный поединок или же пусть положит у креста [цену иска, предоставив истцу присягнуть].

102. Если хозяин-мастер предъявит иск к своему ученику о плате за обучение, а ученик станет отрицать [свой долг], то дело решается по желанию хозяина: хочет — пусть сам примет присягу в том, что ученик ему действительно должен, или пусть предоставит присягнуть ученику.

103. Обязанный поселенец — съемщик дома или части усадьбы может предъявлять иск к хозяину по домовому или какому-нибудь другому обязательству.

103. Если у кредитора была тяжба с должником на основании записи или заклада, а потом ответчик, на которого была запись или который сделал заем под залог чего-либо, возбудит встречный иск к истцу [по первому делу] о займе, или имуществе, отданном на хранение, или о чем-нибудь еще, по доскам или по торговому обязательству, то этот [встречный] иск подлежит судебному разбирательству на основании псковских обычаев.

104. Если несколько истцов представляют [в суд] заложенные умершим [в обеспечение займа] грамоты [две, или три, или пять], удостоверяющие право собственности на один земельный участок, или на воду, или на один двор, или на одну кладовую, причем у одних истцов, помимо заклада, окажутся еще и записи, [оформляющие договор займа], у других же будет только заклад в виде грамот,

а записей не найдется, то [последних] привести к присяге, а затем, если родственники умершего захотят выкупить грамоты на заложенную недвижимость, то полученную от выкупа сумму поделить между истцами пропорционально размерам денежного займа, сделанного у каждого из них умершим. Истцы же, представившие в суд вместе с закладом и формальные записи, от присяги освобождаются.

105. В тяжбах между иноземцами о побоях и ограблении дело решается по желанию ответчика: хочет — пусть примет присягу в том, что он не бил и не ограбил истца, или же пусть положит у креста [цену иска, предоставив присягнуть ответчику].

106. В случае тяжбы о владении землею или лесным участком с ульями диких пчел, если истец представит [в суд] грамоты, свидетельствующие о давности владения, а также свою купчую, причем эти крепости будут затрагивать смежные земли и деревья с пчелиными ульями, принадлежащие [253] нескольким совладельцам, которые все вместе явятся на суд, защищая каждый свой земельный участок или свои деревья, и предъявят суду со своей стороны крепостные акты на указанную недвижимость, а затем [истец и ответчики] пригласят межевщиков, которые разграничат, согласно купчей грамоте [истца], его участок от смежных участков старинных совладельцев, то истец должен принести присягу в том, что спорная земля принадлежит ему. Истец присягает один раз, независимо от числа совладельцев, выступающих в качестве ответчиков, и если он присягнет перед всеми ответчиками, то ему выдается судебное определение (правая грамота) на тот участок, который он под присягой назвал своим.

107. Если кто-нибудь возьмет в долг деньги под заклад какого-нибудь имущества, а через некоторое время станет возвращать деньги и просить обратно свой заклад, а кредитор, отказываясь от получения залога, скажет: «Я тебе не давал в долг денег, а у тебя не брал залога», то дело решается, подобно делу об отдаче имущества на хранение, по желанию ответчика (кредитора), которому предоставляются три возможности: или пусть сам примет присягу в том, что у него нет залога, или пусть положит у креста цену залога [, предоставив присягнуть истцу], или же пусть выходит с истцом на судебный поединок.

108. Если в этом сборнике псковского обычного права обнаружится отсутствие какой-либо статьи, то посадники должны доложить об этом на вече Псковского государства и затем внести эту [недостающую правовую] норму. Если же какая-либо статья закона покажется нежелательной [вечу] Псковского государства, то она может быть исключена из сборника.

109. Попы, дьяконы, просвирня, монахи и монахиня подлежат суду [псковского] наместника [новгородского] архиепископа. Если [возникнет дело] против попа, или дьякона, или монаха, или монахини, причем обе тяжущиеся стороны будут не миряне, а люди, подведомственные церкви, то такие дела не должны разбирать ни князь, ни посадник, ни [светские] судьи, так как они подсудны [псковскому] наместнику [новгородского] архиепископа. Тяжбы же, в которых не обе стороны подведомственны церкви, а один из тяжущихся является мирянином, — князь и посадник, а равным образом и [городские] судьи должны разбирать совместно с наместником архиепископа.

110. Если к кому-нибудь будет предъявлен иск о владении конем, или коровой, или каким-либо другим домашним животным, хотя бы собакой, а ответчик

скажет: «Это животное — мое, доморощенное», то привести его к присяге в том, что [спорное животное] — действительно доморощенное. [254]

111. Если кто-нибудь в присутствии судебных властей ударит на суде своего противника, то он должен заплатить обиженному рубль, [и если не в состоянии, то] выдается ему головой. Кроме того, с виновного взыскивается пеня в пользу князя.

112. За [кражу] барана следует присудить 6 денег, а за [кражу] овцы — 10 денег в пользу хозяина и 3 деньги в пользу судьи, по старинному обычаю. За гусака и за гусыню присуждать по 2 деньги хозяину, 3 деньги — судье; за утку, за селезня, за петуха, за курицу — по 2 деньги [хозяину и столько же судье].

113. Общество пирующих вскладчину имеет право суда.

114. Если двое лиц в пьяном виде поменяются чем-нибудь или же совершат сделку купли-продажи, а потом, когда проснутся, одной из сторон [сделка] покажется неподходящей, то в таком случае пусть оба вернут друг другу то, чем разменялись. А к присяге их не приводить.

115. Княжеские слуги не должны держать по дворам питейных заведений ни в Пскове, ни в пригороде и не должны продавать мед — ни ведром, ни ковшом, ни бочкою.

116. Если кто-нибудь будет обвинять другого в поджоге, а улики никакой не будет, то обвиняемый может очистить себя вольною присягою.

117. Если кто-нибудь вырвет у другого бороду, а послух засвидетельствует это, то послух должен принести присягу и драться [с виновным] на судебном поединке. Если послух одолеет [своего противника], то [с последнего] присуждается за [вырванную] бороду [в пользу потерпевшего] 2 рубля и, кроме того, [пеня] за побои. Послух должен быть один.

118. Если кто-нибудь купит полюбовно [стельную] корову, то продавец не должен требовать с него возвращения телят, родившихся после сделки. Если же корова начнет мочиться кровью, то вернуть ее обратно [продавцу], хотя бы деньги были уже заплачены.

119. Если [две] женщины приговорены к судебному поединку, то ни одна из них не может выставить вместо себя наемного бойца.

120. Если несколько человек, 5 или 10 или вообще любое количество, предъявят обвинение в побоях к любому числу ответчиков, к 5 или одному, и докажут выдвинутое обвинение, то штраф за побои присуждается им всем в размере одного рубля и пеня в пользу князя взыскивается в одном размере [независимо от числа обвиненных ответчиков или истцов].

ЮРИДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Михаил Николаевич Капустин — выдающийся педагог высшей школы, государственный деятель, крупный специалист в области всеобщей истории права, международного права, общей теории права, заслуженный ординарный профессор, доктор международного права, действительный тайный советник. Капустин — автор первых в России систематических руководств по международному праву, основоположник науки «всеобщая история права». Происходит из дворян Екатеринославской губернии. Выпускник юридического факультета Московского университета. После защиты магистерской диссертации занял в этом Университете кафедру международного права.

В 1870 г. назначен директором Демидовского юридического лицея. Последний под его руководством приобрел всероссийское значение, репутацию одного из самых демократичных высших учебных заведений России. Заложенная Капустиным концепция высшего юридического образования преследовала цели углубленной научной подготовки юристов широкого профиля, акцентировала внимание на развитии юридического мышления, игнорируя практическую направленность учебного процесса. Эта концепция предусматривала преподавание в лицее строго юридических дисциплин, делая упор на изучение римского гражданского права, нацеливала студентов на систематический творческий труд по овладению знаниями. Большое значение Капустиным придавалось воспитанию у студентов сознательной дисциплины, нравственной и гражданской стойкости, чувства профессиональной гордости. Обращает на себя внимание преподавательский феномен Капустина. Помимо международного права им преподавались в лицее энциклопедия права, политическая экономия, наука о финансах, институция римского права, всеобщая история права.

С именем Капустина связаны многие лицейские традиции, в том числе ежегодные выступления 30 августа перед общественностью Ярославля директоров лицея с отчетами об их деятельности за истекший учебный год. Капустиным положено начало широкому общественному служению лицея, прочному утверждению за ним значения центра притяжения общественной и культурной жизни Ярославля. В городе пользовался широким признанием созданный по инициативе Капустина студенческий хор. Под его руководством студентами лицея ставились пьесы, в том числе в городском театре. В директорство Капустина стало превращаться в традицию чтение профессорами лицея лекций по актуальной тематике в Ярославской городской думе, оказание с их стороны практической помощи ярославскому земству. Капустиным создано «Попечительство о недостаточных (нуждающихся) студентах». Ему принадлежала инициатива проведения во всероссийском масштабе благотворительных акций с целью привлечения средств на оказание материальной помощи остро нуждающимся студентам лицея, учреждению для них стипендий.

В 1883 г. Капустин был назначен попечителем Рижского учебного округа и закончил государственную службу попечителем столичного Санкт-Петербургского учебного округа. Известно, что Капустин читал лекции по международному праву императору Николаю II. Большая его заслуга — создание в Ярославле одной из крупнейших в России юридических школ.

КАПУСТИН
Михаил Николаевич
(1828—1899)

ИСТОРИЯ ПРАВА¹

При всем важном значении истории отечественного права, нельзя не согласиться, что изучением его не исчерпываются задачи юридической школы. Только из общей картины движения права у различных народов выясняются его основные элементы и прогрессивный характер.

Но характер и объем академического преподавания всеобщей истории права не определился еще точно. Она излагается в большей части случаев лишь в связи с юридической догматикой (энциклопедией) и ограничивается краткими очерками; такой характер имеет история права в немецких руководствах Аренса, Варнкёнига, Гасснера, Пюттера, а также во Французской энциклопедии Эшбаха. Цель изложения истории ограничивается при этом указанием на постоянно присущее человечеству сознание о праве, на общий принцип, лежащий в его основе; но движение отдельных юридических институтов оставляется в стороне.

Недостаточность такого способа изложения восполняется тем, что в каждой юридической науке догматическому изучению института предпосылается его исторический очерк. Не подлежит сомнению, что многие стороны догмы права могут быть объяснены только его историей; но отдельные, не связанные друг с другом очерки не дают полной картины постепенного развития права как единого целого.

Научная задача истории права достигается лишь представлением постепенных видоизменений юридических институтов данного народа или данной эпохи в их связи между собой. Обширность и многосложность такой задачи служит причиной тому, что большая часть попыток начертать полную историю права оказывалась безуспешной. Но это объясняется не существом предмета, а тем увлечением, которому отдавались писатели, обращавшиеся к истории права: одни из них смешивали ее с историей цивилизации, как например, сделал Лоран в своих этюдах; другие — Шарль Конт, Филанджери — сосредоточивали свое внимание на исследовании тех условий, которые прямо или косвенно имеют влияние на образование права. В обоих случаях авторы отвлекались от своего главного предмета, без нужды расширяли свою задачу, делали ее невыполнимой и принуждены были останавливаться на обработке лишь небольшой части задуманных ими трудов.

Мне кажется возможным — особенно после новых исследований в области истории права — избежать указанных крайностей: не ограничиваясь общими выводами, представить последовательное видоизменение юридических институтов, указать их особенные типические черты и характеристические подробности в положительном праве различных народов.

В настоящем труде своем я делаю опыт такого изложения. Я ограничиваюсь обзором *юридических* памятников и институтов, не касаясь всех сторон народной жизни и указывая на них лишь в той мере, в какой они необходимы для понимания права. Раз выделившись из жизни, юридические нормы получают свое самостоятельное бытие, составляют особую ценность, которая становится предметом всемирного оборота; в области права происходят заимствование,

¹ Капустин М. Н. История права. Часть первая. Ярославль : Типография Губернской земской управы, 1872.

передача по наследству, вымирание, — вообще все явления органической жизни. При этом возможно, что у народов, живущих под самыми разнообразными условиями и влияниями, мы замечаем одинаковое право, и наоборот: у евреев и римлян, не сходных ни по религии, ни по народному характеру, встречаются почти тождественные юридические институты.

Разделивши всю историю права на определенные группы, я излагаю совместно институты, образовавшиеся под влиянием одинаковых условий и имеющие один общий тип. В Древнем мире таких групп оказывается более, чем в новом, так как древняя история представляет постепенную преемственность прав, а не совместное их бытие. Конечно, в истории права высшей группы можно найти всегда характеристические черты групп предшествовавших; но чтобы не раздроблять истории права данного народа по отдельным моментам его развития, я считал более удобным принять в основание последнее проявление юридического творчества народа.

Наконец, всеобщая история права не имеет задачей своей изложение юридических институтов всех народов; она ограничивается только наиболее значительными явлениями права. При этом, хотя между политическими судьбами народа и его правом существует известная связь, однако для юриста творчество в области права важнее влияния того или другого племени на общий ход истории. Так, например, еврейское право представляет более интереса, чем бедная юридическим содержанием жизнь народов-завоевателей, определявших судьбы цивилизации. Для той цели, которую имеет история права, достаточно указать на типичные формы институтов, последовательно сменявшие одна другую, независимо от того, у какого народа эти формы получили свое выражение.

Ярославль, Лицей, апрель 1872.

Введение

Право — как руководящая сила деятельности, определяющая постоянные формы отношений между лицами и охраняющая их справедливо или равномерно для всех — находится в тесной связи с теми явлениями жизни, для которых оно служит нормой. Каждый юридический институт существует в возможности, как факт, прежде чем получить свое выражение в обычае или законе. «Законодательство каждого народа, — говорит Шарль Конт, — если только оно не имеет характера произвола, должно существовать прежде своего начертания». Право не создает отношений между людьми, а только охраняет своими запрещениями и предписаниями ту форму, в какой эти отношения имеют творческий характер, т.е. ведут к увеличению материальных и нравственных сил человека.

Это общее понятие о праве вызывает, по необходимости, его историю. Право могло бы существовать неизменно только под условием неподвижности жизни. С течением времени возникают новые отношения, новые формы гражданского оборота, выясняется понятие о творческом значении этих форм. Право не может оставаться вне этого движения экономического развития, идей, верований; оно по существу своему консервативно, но лишь в том смысле, что его определения не должны закреплять еще неустановившихся мнений, еще не выяснившихся начал. Без такой сдержанности право потеряло бы свое великое значение: оно отражало бы на себе всю изменчивость воззрений и увлечений минуты, преждевременно

задержало бы раскрытие истинного смысла данного явления, зачинающейся, нередко мнимой, силы. Вооруженное принудительностью право должно выступать со своими нормами лишь в тех случаях, когда необходимость юридического определения становится несомненной; изменения закона могут быть оправданы лишь действительной потребностью, когда новое запрещение или предписание удовлетворяет разумному требованию заявивших себя общественных сил.

Не изменяя своему консервативному характеру, право движется или изменяется постоянно. Но рядом с ним действуют и другие культурные силы народа: религия, нравственность, воспитание также и даже в более значительной мере служат руководством и дают направление человеческой деятельности. Весьма многие отношения между лицами и требования жизни остаются вне юридической области; а потому нельзя сказать, чтобы на праве непосредственно отражались все явления народной жизни. Право не тождественно с культурой; оно выполняет свою особенную задачу, за пределы которой не может выступать; оно не смешивается, по крайней мере не должно смешиваться, с религией и нравами: равноправность политическая и гражданская составляет идеал развития права.

С другой стороны, право само оказывает влияние на жизнь. Если в момент своего возникновения право является результатом разнообразных условий и требований жизни, то, в свою очередь, оно становится знаменательным деятелем народного бытия и его культуры. Право поддерживает или ослабляет нравственность, укрепляя или понижая чувство личной ответственности, чести и самопомощи. Оно не остается без воздействия на экономический быт общества, поскольку выступает со своими определениями в пользу известных форм гражданского оборота. Оно содействует развитию науки, с одной стороны, открывая собой новую великую область человеческого ведения, с другой — обеспечивая простор и свободу исследованиям. Наконец влияние права отражается и на нравах, силой своего дисциплинирующего влияния оно укрепляет те правила общежития и приличия (*boni mores*), без которых немыслима совместная жизнь людей.

Таким образом, право имеет свое отдельное бытие, в силу которого движение права не подчиняется безусловно движению культуры, а нередко само подчиняет себе последнюю: заимствование чужого права имело всегда влияние на различные стороны народной жизни. Поэтому возможна также *история права*, как самостоятельная наука, не тождественная с историей культуры и не входящая в состав ее.

Содержанием истории права служит постоянное прогрессивное видоизменение юридических институтов и тех актов законодательной деятельности (в обширном смысле), в которых эти институты получили свое окончательное выражение.

На основании содержания истории права различают внешнюю и внутреннюю историю его, причем под первой обыкновенно разумеют прогрессивную переменную права в его основных моментах возникновения, жизни и прекращения, а под внутренней — движение отдельных институтов. Но так как моменты бытия права получают свое выражение главным образом в законодательной деятельности народа, то внешняя история права отождествляется с историей юридических памятников. В кодексах, в обычном праве, в толкованиях и мнениях юристов всецело отражаются общий характер права, господствующий взгляд на него и особенности юридического творчества каждого народа.

Обе эти стороны исторического выражения права равно существенны и необходимы. Без изучения юридических памятников невозможно сознательное отношение к институтам, их критическое понимание; не ознакомившись с источниками, юрист будет лишь пассивно относиться к положениям права и легко впадет в односторонность. Наоборот, не имея ясного представления о движении институтов, нельзя верно оценить значение источников, отличить в них существенное от случайного, сделать надлежащие выводы из богатого, но не всякому доступного материала.

Отличие истории права от юридических древностей

Внутренняя и внешняя история права составляет предмет изучения, в высшей степени важный для правильного понимания юридических институтов не только в теоретическом смысле, но и в практическом.

История права указывает на необходимость прогрессивного движения его. Она снимает с права характер произвольного или случайного явления, укрепляет связь между прошедшим и настоящим юридической жизни народа и предостерегает законодателя от увлечений отвлеченными началами и от разрыва с тем, что создано долгой историей и что потому не может быть уничтожено мгновенно без тяжелых потрясений в общественном организме.

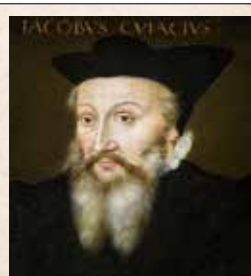
Не менее важно значение истории права и для науки. Она служит нередко единственным средством объяснить догматическое значение институтов; она представляет исследователю разнообразие форм юридического творчества, возбуждает энергию мысли. Богатство, накопленное в течение многих веков силой практической жизни и мышления, становится неисчерпаемым источником новых стремлений к отысканию истины. Юридический институт переживает тех, кто трудился над его созданием; институт отживший остается навсегда живым свидетелем никогда не прекращающегося творчества в области права. «Прошедшее, — говорит Ганс, — конечно, умерло для настоящего; но не умирает то, что составляет сущность прошедшего и настоящего, т.е. божественный разум».

Вот почему историческое изучение права всегда служило твердой опорой и могучим двигателем народного самосознания. Деятельность предков, строителей порядка в ровной земле, возвышает энергию духа и ободряет современное поколение на новый труд. Не придавая прошедшему безусловной принудительной силы, каждый чтит в нем свое, воспитывает в себе нравственное чувство уважения и находит родство и связь со своим народом. Еще Цицерон с особенной силой указывал своим согражданам на величие римского государственного устройства как созданного не одним лицом, а многими, при содействии нескольких поколений и веков. В конце XVIII столетия Бёрк (Burke) в Англии выставил историю права оплотом против разрушительных революционных стремлений. Только уважение к прошедшему может обеспечить постепенность движения права, которая отличает всегда народы, крепкие самосознанием и пользующиеся уважением.

Эдмунд Бёрк (1729—1797) — англо-ирландский парламентарий, политический деятель, публицист эпохи Просвещения, родоначальник идеологии консерватизма.

Можно сказать с уверенностью, что научная разработка права получила широкое развитие лишь с того времени, когда ученые обратились к истории юридических памятников и институтов.

Куяций (Яков Cujas или Cijacius, 1522—1590) — знаменитый французский юрист, виднейший представитель так называемой филологической или элегантной школы изучения римского права (иначе — школа гуманистов), энергичный противник методов комментаторов.

Прежде других Куяций (Cujas, 1522—1590) указал на исторические основы римского и феодального права. Посредством анализа действовавших кодексов он разложил их на составные части и восстановил первоначальные формы каждой. Этим определен был путь дальнейшего исследования, открыт богатый и разнообразный материал, соединенный в одно целое при Юстиниане, дана возможность представить последовательные перемены, испытанные каждым институтом.

Научный прием, предложенный Куяцием, скоро был усвоен повсюду. В XVI веке так называемые номиналисты (в противоположность реалистам) старались объяснить право посредством всестороннего историко-критического исследования его памятников. Комментарии римского права, составленные Годофредом, Бейнкерсгус-

ком, Потье, исследования французских кутюмов Дюмулена, английского обычного права Бекона, немецкого права Конринга и Гейнекция были плодом нового направления. Под именем истории права, *historia juris*, излагались юридические памятники в их составных частях, а также указывались *общие* характеристичные черты права известного народа. Что же касается отдельных юридических институтов, то они излагались в форме юридических древностей, *antiquitates juris*, причем каждый институт представлялся не в своем постепенном движении, а в том виде, в каком он существовал в определенную эпоху.

Но никогда историческое изучение права не достигало такой силы, как в начале нынешнего столетия, преимущественно в Германии. Здесь еще в XVIII веке Мозер выступил против отвлеченных теорий права, а Ю. Мозер и Логанн Шлоссер отстаивали великое значение народных юридических обычаев. Погром, следовавший за Французской революцией, вызвал с особенной силой национальное

чувство, которое находило себе опору в преданиях прошедшего.

Оживленная реформами Штейна, сплотившаяся в одно целое освобождением крестьян Пруссия стала во главе нового научного движения. «История немецкого права» Айхгорна (1808) и «Древности германского права» Я. Гримма (1828) были знаменем времени; Гуго и Савиньи своим университетским преподаванием положили твердое основание исторической школе. Вслед за Пруссией во всех странах ученые обратились к изучению памятников своего народного права, стали доносить каждым выражением юридической жизни предков, с любовью останавливаясь на изучении народных юридических институтов. Преобладание исторического направления сказалось ясно повсюду в собирании обы-

Карл Фридрих Эйхгорн (1781—1854) — германский юрист и профессор права. Положил начало научному изучению германского права и вместе с Савиньи являлся основателем германской исторической школы права — именно той ее ветви, которая называется школой германистов.

чаев, в издании актов, в критической ученой их разработке. Но первенство в этом деле осталось за Германией: кроме своего национального права, немецкие ученые объяснили историю классического права, англосаксонского (Филипс), французского (Варнкёниг), русского (Рейц); они положили основание богатой историко-юридической литературе и утвердили надолго научный прием, оказавшийся в высшей степени плодотворным.

Но при всем важном значении истории национального права наука не может остановиться на ней. Она стремится открыть общую связь между юридическими институтами разных времен и народов, указать на преемство между ними и на их взаимодействие. Только при таком сопоставлении могут быть объяснены существо каждого института и те видоизменения, которые он испытывал под влиянием многообразных условий. Только при изучении права в его всемирно-историческом развитии возможны понимание права как постоянной формы человеческой деятельности, объяснение различных моментов его бытия и тех причин, которыми определяется образование и судьба юридических институтов.

Поэтому необходима всеобщая история права. Ее задача заключается в том, чтобы представить общие законы развития права, которые повторяются у каждого народа, и объяснить особенные формы этого развития.

Несмотря на трудность такой задачи, нельзя, однако, согласиться с мнением Савиньи, будто всеобщая история права невозможна. Савиньи полагает необходимым ограничиться историей римского, германского и канонического права на том основании, что научный интерес представляет только юридическая жизнь «народов-виртуозов»; с другой стороны, указание на одни только общие явления, без изложения подробностей, не может иметь никакой цены для науки.

Оба возражения Савиньи опровергаются легко

Конечно, всеобщая история права не может воспроизвести все дробные явления, которые входят в состав истории права отдельных народов; но в ней должны найти себе место те подробности, которые характеризуют известный институт. Точно так же нельзя сказать, чтобы право народа, не достигшего высшей ступени юридического развития, не представляло собой научного интереса. Нет ни одного народа, нет ни одной ступени права, которая не имела бы в себе много поучительного. Наука не оставляет без внимания самого несовершенного явления. Каждая жизнь начинается с едва заметного зародыша, но в нем зреет будущий человек; в детском лепете слышится слово мужа. Справедливо замечает Ганс, что ни один народ не может иметь притязания на исключительное значение, но что каждому из них принадлежит подобающее место в известной ступени развития юридического понятия. Может быть, история права у народов первобытных не имеет большого значения в вопросе о кодификации, но она представляет чрезвычайный интерес в исследовании вопроса о происхождении юридических институтов. Конечно, не все народы оставили в наследство одинаковое богатство юридической материи, не всем им предоставлено было довести до высшей ступени развитая юридические институты: некоторые остановились только на их первых зачатках. Поэтому количественно не каждое право может иметь притязание на равное с другими место в истории; ни одно из них не может выдержать сравнения с величавым римским правом, развившимся с поражающей силой в ширину и глубину, получившим ха-

рактика всемирного не только географически, но без ограничения пространства и времени. Тем не менее ни одно право не прошло совершенно бесследно: оно непременно служило звеном в общем историческом движении. Какому бы народу и времени ни принадлежали типические черты права, они составляют *наше* прошлое; мы пережили его в них и чрез посредство их.

Таким образом, едва ли не справедливее сказать, что только всеобщая история права имеет научный интерес, ибо только она дает твердое основание для научных выводов, указывает на непреложность известного института, существовавшего при самой разнообразной обстановке. История национальных прав получает значение в науке именно в той мере, в какой они имеют всеобщий характер.

Всемирный характер римского права. Значение первичных форм права и ненормальных явлений в истории

Всеобщая история права прежде всего указывает на разнообразие прав и потому служит оправданием каждому национальному праву. Действительно, нет и не может быть одного общего права, как невозможно всемирное государство. Право лишь настолько сохраняет свой нравственный характер, насколько оно соответствует убеждениям и условиям жизни данного общества, а не представляет собой только внешней силы. Поэтому вообще нет ни абсолютно лучшего права, ни абсолютно лучшего государства. «Все ступени хозяйства, права и государства, — говорит Арнольд, — равно хороши сами по себе, и те суть лучшие, которые, удовлетворяя вполне нравственным требованиям, в то же время наиболее соответствуют естественным условиям народа». Следовательно, по отношению к истории национального права всеобщая история необходима; она не только не колеблет значения отдельных форм юридической жизни народа, но придает им новую силу. Подобно тому, как народ не теряет своей индивидуальности, а приходит к сознанию о ней, вступая в общение с другими народами, история национального права получает высший смысл в связи с историей всеобщей; ее научный и практический интерес увеличивается, ее особенности выступают более рельефно, облегчается сам путь к пониманию этих особенностей.

Научные требования от истории права не ограничиваются одной картиной постепенных изменений в юридических институтах: они простираются на определение законов, по которым эти изменения совершались.

Но законы движения права лежат не вне него, а в нем самом; они выражаются в необходимой связи между причинами и последствиями, в необходимом воздействии данного явления на весь юридический строй народа или эпохи. Наука должна объяснить, вследствие каких причин право получило известную определенную форму, чем обуславливалось его дальнейшее движение, что оставляло его развитие. Так, например рабство, феодализм, власть папы имели огромное влияние на все юридические институты; но само появление этих сил, положивших свою печать на право, не подлежит никакому закону. Мы можем сказать только, что, если б они не существовали, право получило бы иную форму, точно так же, как мы можем объяснить видоизменения институтов заимствованием чужого права, завоеваниями и проч., отказываясь определить непреложность или законность этих фактов.

Таким образом, можно говорить о законах движения права лишь в том смысле, что известное историческое явление должно было выразиться в данной форме юридических институтов и что видоизменение одного основного института должно отразиться на всех других. Законы в приложении к истории права получают характер общих явлений, повторяющихся повсеместно, объясняющих значение отдельных многообразных и дробных форм, в которых выразилась юридическая деятельность народов. В частности, касающихся определения собственности, договоров, семейства, можно проследить те общие типы, которыми обозначаются основные эпохи указанных институтов; между собственностью и политической властью можно найти необходимое соответствие, равно как между различными степенями развития одного и того же института. Но определить непреложные законы этого развития невозможно, ибо оно является результатом непредвиденных условий и фактов, законность или незаконность которых не подлежит исследованию.

Так называемое органическое развитие народа и его истории в действительности не существует. Нельзя говорить о необходимости войн, появления реформаторов, завоевателей, падения государств и т.п. Это суть совершившиеся факты, бесспорно имевшие влияние на ход истории, изменявшие «органический рост» народа; но их появление нельзя объяснить никаким законом.

Все попытки отыскать законы, которым подчиняется история права и которые управляют судьбами народов, не имеют строго научного основания.

При господстве богословских воззрений в истории права видели уклонение от божественных предначертаний и указывали на необходимость подчинения воле божией, сила которой непреложна. Это направление высказывается у многих средневековых писателей и в сочинении Вико «Scienza nuova» (1725).

Разделивши историю права на три периода — теократический, героический и человеческий, — Вико проводит эту троичность чрез все явления общественной жизни: так, он принимает, между прочим, три вида обычаев, три системы права, три формы правления, троякое выражение юридической науки. Божественное или откровенное право является прежде других; оно установлено непосредственно Богом и охраняется им. Затем следует право героев или государственных людей — *civilis asquitas*. Наконец является право народное, *aequum bonum*. По этому общему плану Вико излагает отдельные выражения юридической жизни, проводя параллель между законодательствами еврейским, греческим и римским. В массе фактов, изложенных без строгой системы, встречается много верных указаний на общие явления в истории права (например, о семействе как

Джамбаттиста Вико (1668—1744) — итальянский философ, основоположник философии истории и этнической психологии. Вико стоял в стороне от духовной жизни XVIII века. У Монтескьё была книга Вико, но он ни словом ее не упоминает. Помимо Маркса и Шпенглера, высоко ценили творчество Вико такие мыслители, как Гете, Гердер, Гегель, Кузен, Мишле.

Главная книга Вико — «Основания новой науки об общей природе вещей».

первом выражении общества), хотя они затемняются постоянным переходом автора в область философии и богословия. Конечная цель сочинения Вико состоит в указании на высшее духовное единство человечества в божественной религии и на невозможность достигнуть мудрости без благочиния — *se non siesi pio*. То же стремление к отысканию законов движения права вне его повторялось в так называемой школе естественного права, признававшей исторические факты лишь настолько, насколько они отвечали отвлеченным построениям общества.

В Новое время высказывается попытка установить законы развития человеческой жизни по аналогии с жизнью природы. Преимущественно с тех пор, как в изучение права введен был опытный метод, впервые усвоенный естествознанием, стали также прилагать к общественным отношениям те выводы, которые в области естествознания считаются бесспорными; признается возможным определить законы человеческого общежития на основании наблюдений и опытов над жизнью животных.

Ошибочность такого воззрения очевидна. Природа подчиняется непреложным законам, в создании и видоизменении которых она не участвует; право же является всегда выражением человеческого творчества. Достаточно указать на появление великих исторических деятелей, чтобы убедиться в том, какие перемены способна произвести человеческая воля: провозвестники религий, законодатели, изобретатели отмечают свои имена в судьбах многих поколений. Духовная сторона человека, нравственная сила, побуждающая каждого проявить лучшие свойства свои, могучее чувство веры, способность умственного общения и взаимного восполнения — вот те великие двигатели, которые принадлежат исключительно людям. Отыскивать истину и ошибаться в этом искании дано только человеку; только он может достигать постоянно высшего подъема своих духовных сил, сознательно относиться к своей деятельности и направлять деятельность других, не останавливаясь на непосредственных инстинктах.

История права есть история такого сознания. Наблюдение фактов прошедшего указывает на постепенный нравственный рост человечества, так что все добытое в данный момент движения входит как составной элемент в момент последующий: сознание о праве не остается отвлеченным, а видоизменяет жизнь. Поэтому право развивается своей собственной силой, а не следует каким-либо извне начертанным законам; оно подчиняет себе природу, господствует над ней, а не движется по ее указаниям.

Исследуя юридические институты в их постепенном видоизменении, можно объяснить общие основания и причины таких перемен; но отсюда нельзя заключать о неизменных законах, которым будто бы следует история права. Наука, в сознании своей действительной силы, не должна переходить пределов достижимого и с несвойственной ей самоуверенностью начертывать какие-либо законы для будущего. Шарль Конт (1.21) справедливо называет все безусловные обобщения истории плодом болезненного воображения. Один из замечательнейших современных ученых (Лоран), по завершении своего многотомного труда об истории человечества пришел к тому выводу, что законы жизни народов остаются неизвестными и что в ней следует видеть только выражение божественного промысла.

Таким образом, строго держась почвы положительных явлений, юрист должен наперед отказаться от вывода законов, по которым совершается история права,

остерегаться безотрадного и бесплодного подчинения юридической жизни народов отвлеченным построениям.

История права, подобно истории человечества, начинается с факта разделения народов. Поэтому общего для всех народов права никогда не существовало.

Но, изучая первичные институты каждого племени, мы замечаем поразительное сходство между ними. Более или менее ясное сознание о таком сходстве существовало постоянно и выражалось в различных представлениях о так называемом естественном состоянии.

В Греции стоики полагали, что физическая и нравственная природа человека извращена игрой случая, но что этому факту предшествовало состояние гармонии и мира. Римляне, чуждые фантастическим представлениям, признавали, однако, естественно образовавшиеся юридические нормы. Причины этого были практического свойства. Наплыв иностранцев, может быть, нежелание дать им право римского гражданства заставили римлян обратить внимание на те общие положения, которые встречались в юридических обычаях и законах иноземцев, — на *jus omnium gentium commune*. Ввиду одинакового у всех права римляне делали предположение, что когда-то, в незапамятное время, существовал один общий кодекс, который утратился в целом своем составе, но отрывки которого сохранялись в правах отдельных народов, именно в тождественных институтах.

В XVII и XVIII вв. явился иной взгляд на естественное право и естественное состояние. Это состояние понималось не исторически, а посредством отрицания того, что существовало в действительности: отвлеченно создавалось фантастическое положение лиц вне общества и права.

Наконец, в Новое время после глубокого изучения быта различных народов открыли в их истории довольно значительный период времени, который весьма характеристически называется донациональным (*prenational state*).

Действительно, в этом периоде права на нем не замечаем никаких национальных особенностей: одно и то же явление повторяется у греков, у негров, у самоедов; первичному быту соответствует одинаковое первичное право: внешние обрядовые формы его меняются, но существо одно и то же повсюду.

Таково первое общее явление или первый закон в истории права. Племена, живущие на далеком пространстве, не знающие о существовании друг друга, определяют одинаково свои юридические отношения; их институты получают тождественное выражение.

Причина такого явления заключается в тождественности тех требований, которым удовлетворяет право и во имя которых оно образуется. Бесспорно, первое сознание о праве имеет субъективный характер; прежде всего чувствуется зависимость от природы, потребность в средствах существования и в орудиях для добывания этих средств. Поэтому сила самосохранения заставляет каждого стремиться к тому, чтоб оградить от чужого захвата землю, орудия производства, в том числе и рабов. Немного сложные предметы обладания, постоянное фактическое воздействие на них и следующая защита собственной силой упрощают юридическое определение собственности. Право совпадает с самообороной, с возможностью приложить свою личную силу. Эта сила находит для себя предел только в чужой силе, в столкновении с нею. Единичная самооборона и нападение становятся недостаточными; оказываются необходимыми совместная

деятельность, взаимная поддержка и помощь в случае опасности. При этом то лицо, которое высказывает более искусства, энергии и ловкости, получает господство, основанное на чувстве страха и смирения перед ним. Уважается тот, кто способен уничтожать: ему отдается первенство во всех предприятиях, требующих совместного нападения или защиты, причем власть такого главы прилагается непрерывно.

Наконец, рядом с этим подчинением является другое. Способность производить, таинственный акт рождения служит основанием власти матери, а затем и отца над детьми. Малолетние подчиняются старейшим вследствие тех сил, которых не чувствуют в себе, и до того времени, пока сами не сделаются способными к тому, чтоб служить для них предметом страха.

Таковы первые зачатки собственности, господства и семьи. По всему вероятно, прошло много времени, прежде чем появилось объективное право или определение юридических отношений. Это совершилось под влиянием культурных сил, во главе которых стоит религия.

Разрушительные и творческие силы природы послужили, бесспорно, первой основой религиозных верований: производящая сила земли и человека получила значение сверхъестественное, поражавшее и подчинявшее себе отдельную волю. На религии сосредоточивалось все, что стояло вне мощи отдельных лиц, все, что оставалось недоступным пониманию и непосредственному воздействию.

Но религия сначала имеет чисто субъективный характер: каждый верит в то, чего он наиболее страшится или от чего ожидает помощи; общей религии не существует. Только вследствие долгого общежития является племенная религия, боготворение умерших предков или лиц, ознаменовавших себя необычайными подвигами. Люди, говорящие одним языком и понимающие друг друга, приписывают существующую между ними связь тому, кто научил их этому языку и кто продолжает поддерживать общение племени. Язык становится видимым признаком, разделяющим и соединяющим людей. По языку каждый отличает своего от чужого, друга от врага; в языке заключаются все умственное богатство нескольких поколений и орудие обмена мыслей между живущими. Без него была бы немыслима культура; в нем запечатлевается чувство общения, так что язык и племя становятся синонимами. Первообытный человек не способен к усвоению понятия об одинаковости всех людей; звуки чужого языка наводят на него страх или вызывают с его стороны насилие. Подобно тому, как на ребенка действует знакомый голос матери, — успокоительно и примиряюще действуют на полудикого человека звуки родного языка. Понятно поэтому, какое чувство благоговения и покорности должен был возбуждать тот, кто первый создал язык. Творчество такой благодетельной силы приписывалось праотцу племени, давшему впервые имена всем вещам и животным. Дух этого праотца как бы чуялся в каждом звуке языка; от него же предполагались исходящими все приказания, имеющие целью благо племени; к нему обращался каждый в минуты радости и несчастья, ожидая ответа, поучения и помощи.

Общая племенная религия давала опору *власти*, которая перестает быть в зависимости от изменяющихся сил того или другого лица, а является выражением единства племени. Власть семейная и родовая получает характер безграничный, поскольку в ней отражается безграничность силы божественной. Успех военных

подвигов, удачи и невзгоды племени приписываются не личным качествам предводителя, а милости или гневу божества.

Точно так же в религии находила свое объективное основание *собственность*, которая ставилась под ее охрану. Божество награждает за труд, посылает удачный улов, охоту, жатву, добычу; отнять эти блага — значит противиться воле верховного владыки, действовать наперекор его распоряжениям.

Таковы повсюду первые институты, имеющие культурное значение, поскольку в них воспитываются человеческая воля, самоограничение, а вместе с тем чувство безопасности и личной отдельности. В этой суровой и долгой школе зреет сознание о праве, которое таким образом предшествует сознанию о государстве. Но донациональный или догосударственный быт народов не стоит вне культуры или вне права: он представляет уже определенные формы отношений, которые охраняются строго и неизбежно, против которых не высказывается протест, уважение к которым поддерживается преданием и переходит из рода в род. Общая религия сдерживает произвол и грубую силу, утверждает прочные основы общезжития, делает возможным дальнейшее развитие племени.

Продолжительность донационального периода права зависит от различных условий и влияний, содействовавших развитию культуры или замедлявших ее ход.

К таким влияниям должно отнести появление *лиц*, отличавшихся особенной энергией духа, а также свойства той земли, на которой жило племя.

Невозможно с точностью определить значение каждого лица, воздействовавшего на развитие племени в донациональный период его истории. Но существование таких лиц несомненно: имена многих из них сохранились в преданиях; им приписываются обучение племени тому или другому искусству, помощь в борьбе с природой, изложение религии и проч. Увеличивая и улучшая орудия культуры, энергические лица по необходимости имели влияние и на юридические институты, так как этими последними охранялись вновь сделанные приобретения материальные и духовные. Деспотическая власть, сдерживавшая произвол и устанавливавшая порядок, была необходимым явлением при отсутствии нравственных мотивов; в этом смысле она служила также орудием культуры. Она побуждала к труду, не давала развиваться животным инстинктам и охраняла собственность от захватов. Появление таких деятелей в различных сторонах народной культуры, конечно, было неодновременно, а потому мы видим некоторое разнообразие в праве донационального периода и разновременный переход его к высшей ступени.

Более постоянной причиной такого разнообразия служила внешняя природа, под влиянием которой совершалась культура племени.

Так, прежде всего *климат* оказывал воздействие на энергию труда человеческого. Несомненно, что в жарком климате физическое развитие человека совершается особенно быстро, а потому здесь почти не существует возраст детства, продолжительность которого дает возможность сосредоточиться на духовном развитии. В жарких странах мужчина и в особенности женщина весьма рано вступают в брак, а потому не в состоянии дать воспитание своим детям. С другой стороны, богатая тропическая природа избавляет от необходимости труда и забот о средствах жизни, а потому ослабляет чувство собственности. Тогда как на человека образованного величавые картины природы производят художествен-

ное впечатление, отражающее его духовное богатство, — первобытный человек остается чуждым этому влиянию: он смотрит на природу только со стороны ее производительности.

Еще более значения для общественной культуры имеет природа, поскольку она определяет *род занятий*. В большей части случаев выбор занятий зависит от условий местности, в которой живет народ. Жители ровных местностей преимущественно занимаются земледелием; в них воспитывается привычка к постоянному труду, вращающемуся в определенном круге, тогда как звероловство и охота развивают личное мужество, отвагу и самонадеянность. Таким различием занятий определяются существенные формы общественного быта племени и его права. Так, несомненно, что хозяйство отражается на собственности и на договорах; занятия служат основанием сословного разделения, образования земледельческой общины или дружины военной; наконец, следствием хозяйственных потребностей являются войны и рабство. Исследования первичного быта племен доказывают несомненно, что происходило постоянное завоевание народов земледельческих народами-звероловами, которые для своего промысла нуждаются в значительном пространстве земли. Рабство было результатом такого завоевания; оседлые туземцы прикреплялись к земле, нашельники образовывали аристократический класс воинов.

Всеми указанными культурными силами и условиями их приложения определяется момент окончания догосударственного состояния племени — момент, не наступивший еще до сих пор для некоторых племен. Но, хотя и неодновременно, юридические институты каждого племени проходят определенные ступени: та форма их, которую мы можем наблюдать у современных нам полудиких народов, была пережита всеми племенами; по-видимому, баснословные предания, сообщаемые греческими историками, находят себе оправдание в действительности. Господство женщин, общение жен, *souvade* и другие явления повторялись повсюду, и можно ожидать, что исследования первых зачатков общежития еще более объяснят эти как бы неизбежные ступени движения права.

Под влиянием культурных сил племенной быт и право переходят в новую форму — государственную или национальную. Племя становится политическим обществом, *civitas*, является новая сила развитая — сила цивилизаций; право получает определенное бытие, делается могучим двигателем народной жизни. Мы не можем себе представить ни одного племени без культуры, т.е. без религиозных верований, без хозяйства, без известного, хотя и весьма ограниченного, круга сведений. Но цивилизация народа начинается лишь с тех пор, как он получает государственные формы, сознает себя гражданином, *civis*.

Термины «культура» и «цивилизация» не всегда употребляются в определенном смысле. Сочинения об истории цивилизации и культуры имеют одинаковое содержание. Культурными или историческими народами обыкновенно называются те, которые участвовали в общем развитии человечества.

Подобно культуре, цивилизация способна к постоянному развитию; на ней отражается постепенный ход культуры, т.е. те успехи, которые делает народ на пути достижения нравственных и материальных благ. Для нас высшим выражением цивилизации служит европейско-христианская, в которой выразилась вся предшествующая история народов: духовное богатство классического мира,

учение Христа, религиозная поэзия евреев, одним словом, все лучшее достояние человечества. Способностью усвоить себе плоды всемирной цивилизации, примкнуть к общему движению истории, не теряя своей особенности, мы измеряем развитие народа, произносим приговор о том, имеет ли народ будущность или он должен уступить место другим.

По великому значению христианства, охватившему все стороны жизни, в истории цивилизации можно различить два периода — языческий и христианский, хотя первый, в свою очередь, представляет два особых типа цивилизации — восточный и классический.

Те же явления, которые мы замечаем в истории цивилизации вообще, повторяются в праве каждого народа в отдельности. Степень его юридической зрелости определяется способностью примирить личную свободу с уважением к государству, субъективное право с объективным. Чувство законности, подчинение личных интересов общественным, живое участие в общих делах служат в этом смысле признаками человека цивилизованного. Самостоятельность убеждений при уважении к чужим мнениям, религиозность при веротерпимости, чувство народности без высокомерного презрения к иностранному, соблюдение приличий — все эти и подобные свойства, в которых высказывается отдельность и зависимость лица, воспитываются и укрепляются цивилизацией. Единство в разнообразии, международное общество с самостоятельными государствами, нравственный семейный союз с его живыми членами, государство с общественными кругами, общие начала права с местными или национальными особенностями — вот те юридические формы, которые выработаны европейской цивилизацией. История права должна проследить образование этих форм и тот долгий путь, который мог привести к ним. В дохристианском мире господствует исключительно национальное развитие права, в христианском — рядом с этим развитием выступает и юридическое общение народов.

Разнообразие права в его национальном периоде прежде всего определяется различием религиозных верований. У всех народов сохранилось предание о разделении племен, о рассеянии языков вследствие несогласия в религиозных воззрениях, точно так же, как предания о начале государств совпадают с преданиями о начале религий.

И в дальнейшем ходе цивилизации религия сохраняет преобладающее влияние. Она находится в постоянной неразрывной связи с правом. Практическая сторона ее выражается в трех основных предписаниях: не посягать на чужую жизнь и имущество, уважать родителей и повиноваться власти; к этому присоединяется глубокая вера в то, что божественный промысел заботится о своем избранном народе, история и политические формы которого существуют и изменяются божьей милостью. Утверждая объективное основание права, религия служит также источником сил личной нравственности — труда и любви. Возвышая каждого человека до непосредственного отношения к божеству, она тем самым признает его высокое значение и указывает на него как на центр всех юридических институтов, вне которого эти институты остаются только формой без содержания: освящая собственность, семейство и власть, религия совершает это во имя человека. Призывая всех и каждого к нравственной борьбе и обещая

победу, она возбуждает энергию духа и воспитывает волю, а следовательно, сознание о праве.

Такое значение принадлежит не только всечеловеческой христианской религии, но также национальным религиям Древнего мира, которые легли в основу цивилизации многих исторических народов, содействовавших развитию права и культуры.

Шарль Луи де Секонда́, барон ля Брэд и де Монтескьё (1689—1755) — французский писатель, правовед и философ, сторонник натуралистического подхода в изучении общества. Разработал доктрину о разделении властей.

Условия, при которых живет племя в донациональный период права, продолжают оказывать свое влияние и на цивилизации. Внешняя природа, правда, теряет свое значение, но определившееся под ее влиянием хозяйство отражается на юридических институтах. Общественное устройство, как показывает опыт, не находится более в связи с климатом; народы, исповедующие одну религию, получают одинаковые формы государственные, независимо от географического положения.

Значение климата для цивилизации было указано особенно рельефно Монтескьё в его «Духе законов». Автор начинает с того положения, что разнообразие права не есть результат произвола: законы суть необходимые

отношения, вытекающие из существа вещей. Исследуя причины разнообразия законов, Монтескьё останавливается прежде всего на формах правления и этому вопросу посвящает почти половину своего сочинения. Следуя указанию Макиавелли, автор подробно рассматривает три основные государственные формы и их связь с воспитанием, с положением женщины, с образом жизни, с войском. Затем Монтескьё обращается к вопросу о влиянии климата и свойства земли на законодательство, причем объясняет исключительно климатическими условиями рабство, различные формы брака, развод и проч. Далее автор переходит к указанию связи, существующей между законами и народными обычаями, занятиями, количеством народонаселения и религией. Последняя (четвертая) книга посвящена очерку главнейших явлений в истории французского права. Сочинение Монтескьё имеет скорее характер философского рассуждения, чем исторического исследования. Но оно открыло ту новую сторону права, которая должна была возбудить внимание и освежить ум, утомленный отвлеченными представлениями. Хотя автор воспользовался в значительной степени трудами Вико, однако он придал выраженным в них мыслям изящную и общедоступную форму. Сочинение Монтескьё было приветствовано всеми и имело большое влияние. Он первый указал ясно на бытовое значение права, но он же первый высказал фаталистическое воззрение на его историю. Народы, живущие в жарком климате, осуждены на рабство и деспотизм; только северные народы способны к свободе. Односторонность Монтескьё в этом вопросе была указана Ш. Контом, который опроверг все положения Монтескьё. Несмотря, однако, на очевидность ошибки Монтескьё, эту ошибку повторил в недавнее время его последователь Бакл.

Тем не менее определившийся, вследствие первоначального влияния климатических условий, экономический быт народа продолжает оказывать воздействие на право и цивилизацию; в формах договоров, в предметах собственности выражаются различия натурального и денежного хозяйства, большая или

меньшая быстрота обмена произведений труда, преобладание движимого или недвижимого имущества. К особенностям экономического строя следует также отнести существование рабства и особых резко отделенных друг от друга сословий. Государственное или политическое значение этих сословий отпечатлевается на землевладении. Собственность у евреев или у египтян определялась привилегиями жрецов и воинов. На всем праве лежит печать сословная, печать неравенства и исключительности.

Далее в ряду деятелей цивилизации занимают известное место наука и искусство. Прямую и непосредственную связь их с правом определить трудно; но несомненно, что развитие художественного чувства в народе выражается в улучшении нравов и что распространение знаний содействует материальному благосостоянию масс. Но первоначально наука и искусство служат достоянием немногих и примыкают к религии.

Наконец, войны, появление реформаторов религии и общественного быта дают решительное направление цивилизации и праву, утверждают их строго национальный характер. Победы и поражения, борьба за обладание сплачивают народ связью общего торжества и общей невзгоды, возбуждают чувство патриотизма и мщенья, собирают всех под одно знамя, враждебное другому знамени, пока, наконец, судьба не решит окончательно, кому из врагов принадлежит полное господство.

Многие из исчисленных условий имеют неблагоприятное влияние на цивилизацию. По преимуществу рабство ослабляет энергию труда в самих рабах и в их собственниках; оно приучает к безответственности, к произволу и к унижению. Частые войны также ослабляют чувство личной обеспеченности, собственности, подвергают случайности все, что приобретено трудом, и развивают чувство презрения к жизни как своей, так и чужой. Все эти причины ведут к упадку нравственности, и для поддержания ее оказывается необходимым обновление религиозных учений, в которых человек мог бы находить источник духовного возбуждения.

Таковы общие влияния, при которых движется народная цивилизация. Должно заметить, впрочем, что эти влияния не имеют непреложного рокового характера; по крайней мере нельзя сказать, чтобы действие той или другой причины имело непременно определенный результат. Не только климат, но также хозяйство народа иногда не находится в связи с правом: при одинаковой форме хозяйства могут существовать различные выражения права. Цивилизация есть плод совокупности многообразных причин, и определить влияние каждой в отдельности невозможно.

В последнее время некоторые писатели считают возможным определить все движение цивилизации одной какой-либо силой. Так, например, Бакл в своей *«Истории цивилизации в Англии»* полагает, что только сила мысли служит орудием исторического движения обществ, а потому обновление цивилизации возможно лишь чрез посредство литературы и науки. Бакл старается доказать, что нравственность не имеет прогрессивного характера и что учение ее не производит никакого влияния на общество в целом составе; религия, по его мнению, есть следствие улучшения людей, а не причина; успехи законодательства заключаются лишь в отмене законов. С другой стороны, автор, отвергая влияние нравственных сил, за исключением науки, придает слишком большое значение физическим законам. По его мнению, свойством климата и почвы земли услови-

вается неодинаковость производства и распределения ценностей, а также степень энергии умственной силы народа. Поэтому неравенство классов и само рабство становятся выражением непреложного и неизменного физического закона. Все эти положения, отличающиеся крайней односторонностью, Бакл пытается доказать примерами, но его доказательства не имеют серьезного характера: так, взявши случайный пример единичного финансового закона, он делает по ним общий вывод о всем законодательстве. Указавши на почти одинаковое число ежегодно повторяющихся преступлений, он заключает, будто нравственность вообще не подвигается вперед. Односторонность и ошибки, в которые впал Бакл, были доведены до крайности американским химиком Дрепером в его *«Истории умственного развития Европы»*. Автор представляет картину пяти последовательных периодов в истории европейской мысли и думает, что ими объясняется не только прошедшее, но и будущее цивилизации.

Обращаясь исключительно к праву в национальный период его истории, мы замечаем прежде всего преобладающее значение религии, которая вполне подчиняет себе право. И общественное устройство, и юридические институты получают теократический характер.

Это явление повторяется повсюду. Право признается изречением божества, так что основатели религий суть вместе и законодатели. У Гомера находим указание на первоначальное право в форме *themistes*, т.е. изречений Фемиды; у римлян слова «*jus*» и «*Zeus*» одного корня, и все право первоначально имеет сакраментальный характер; у восточных народов совпадение религии и права выражается даже во внешней форме.

Такое теократическое право по существу своему неизменно. Оно установлено с незапамятных времен и существует силою своей древности. Раз выраженное безличным или личным божеством, великими мудрецами или боговдохновенными пророками, оно должно оставаться в той форме, в какой получило свое бытие; творчество жизни не может касаться его, новые отношения не создают юридических норм; вековое откровенное право недоступно никаким влияниям и сделкам с настоящим, оно сохраняет постоянно характер непреложности.

При таком характере права все юридические институты получают также значение религиозное. Сознание личной отдельности не существует, человек исчезает в семействе или в государстве, и различие власти определяется большей или меньшей близостью к божеству. Впереди всех выступает класс жрецов, хранителей и истолкователей закона, выделяющийся из остального народонаселения; жрецы ограничивают власть царя как представителя народа, оставляют за ним только предводительство войском или придают ему чисто формальное значение. Невидимое божество признается единственным всемогущим субъектом всех прав; собственность, семейство и верховенство становятся выражениями божественного уполномочия, предметом пользования.

Хотя общие черты теократии повсюду одинаковы, однако, смотря по тому, какой из трех юридических институтов получает по преимуществу религиозный характер, можно различить три вида теократии: семейно-родовую, имущественную и военную.

Действительно, в первом выражении права замечается всегда явление или закон обобщения: все институты получают один общий тип, приурочиваются

к одному главному. Там, где преобладает семейство или род, все отношения, как политические, так и гражданские, носят на себе характер семейно-родовой; государство получает тип семейства и наоборот. То же самое повторяется и относительно преобладания других институтов: собственность служит основанием политической власти, военная служба определяет государственное и гражданское положение лица и проч.

Основанные на теократии юридические институты выступают впоследствии самостоятельно, и с ними вместе является новое право, отдельное от религии, не смешивающееся с нею. Аристократия родовая, имущественная или военная становится представительницей права; жрецы отступают на второй план в юридическом творчестве народа, они сохраняют свое прежнее значение лишь в области нравственности.

Это новое народное или исключительно национальное право имеет своим источником сначала стародавние обычаи, поддерживаемые представителями родов, а затем постановления тех же представителей, согласные с новыми требованиями жизни и господствующими убеждениями.

Рядом с этим изменившимся характером права совершается другое явление: выступает значение народного государства, подчиняющего себе все проявления жизни и воплощающего в себе все предшествовавшие институты, служившие типом общественной жизни. Все положение лица, все культурные силы, даже религия получают значение политическое. В государстве олицетворяется общий человеческий разум; на него переносится и из него заимствуется лучшая сторона человека; повиновение ему ставится выше всего, признается непреложным законом природы. Лицо получает значение лишь в той мере, в какой оно считается членом государства, призванным к поддержанию великого целого. Собственность принадлежит тем, кто способен охранять государство; семейство получает значение средства умножения числа представителей неумирающего политического организма; на гражданах лежит обязанность вести государство к победам. Но семейство, собственность и военная власть теряют прежний теократический характер; эти институты заимствуют свою силу от государства и признаются только в нем, ибо вне его нет ни юридических отношений, ни правоспособных лиц.

Таким образом, цивилизация народа получает свою твердую определенную форму, исключаящую все не подходящее под нее. Все, что вырабатывается впоследствии культурными силами народа — его религией, наукой, экономическим развитием, получает готовое охранение в праве. Не смешиваясь с культурой, представляя собой отдельную сторону жизни, право становится способным отозваться на все виды творчества, равномерно отнестись ко всем сторонам жизни, содействовать в каждой из них народному развитию. Нравственность, хозяйство, наука находят поддержку в праве, но не подчиняют его себе безусловно; право становится самостоятельным деятелем цивилизации.

Но на исключительно национальной ступени не останавливаются ни цивилизация, ни право. Всемирная культурная сила христианства внесла в жизнь новые основы. Она указала на безусловное значение лица, помимо его определенных племенных, политических и религиозных; христианская проповедь о любви и братстве открыла новый мир отношений. Человеческая личность получила свое признание, институты частного и публичного права отделились друг от друга,

и каждому из них указана особая область. Начало общения и взаимности стало проникать всюду; все народы призваны к цивилизации и к культуре, и, наоборот, всякая цивилизация признается частью общечеловеческой: европейцы-христиане усвоили себе богатства языческой древности и нашли в них источники для своей культуры; все, что совершается в области права одного государства, служит к разрешению вопросов, возникающих в другом.

Вместе с тем принцип свободы, признанный отчасти в праве национальном, получил более широкое значение в новом периоде. Он вызвал постоянную усиленную борьбу, постоянный труд, без которого невозможно движение вперед. Обеспечивая каждому личную неприкосновенность, право дает каждому простор нравственной жизни и тем разрешает все встречающиеся столкновения интересов и воззрений. Цивилизация, распространившаяся на всю массу народонаселения, сопровождается нередко явлениями, исход которых неизвестен и которые обозначаются в настоящем недочетами и потерями; но каковы бы ни были затруднения, вызванные свободой, из них можно выйти только путем свободы. Национальное право ограничивалось свободой сравнительно немногих полноправных граждан; новое право утвердило свободу каждого не только члена государства, но также иностранца; в ней нашла себе применение нравственная сила, которую ничем нельзя заглушить в человеке.

Подобно общению цивилизации, происходит также совместная жизнь общего права и особенного национального. Это последнее вносит свою долю в юридическую жизнь образованных народов и черпает из нее силы для своего развития. Видимым образом в области гражданского права элемент всеобщего получил свое выражение в римском праве, которое, в свою очередь, оказалось способным принять в себя особенности национальных прав и выработать стройную систему *Jus Gentium*. Без заимствования, исключительно из одних национальных основ не может развиваться юридическая жизнь народов; точно так же одним заимствованным правом не может удовлетвориться народная жизнь. Только при обмене всех плодов культуры и цивилизации, при распространении их на самые далекие страны сохраняется равновесие национального с общечеловеческим, увеличивается богатство обеих сторон народной жизни и совершается всеобщий прогресс права.

Таковы общие явления, которые могут послужить основными моментами истории права. Эти моменты обозначаются с большей или меньшей определенностью в постепенном развитии каждого национального права, а потому могут быть указаны при изложении этого последнего. Но всеобщая история права представляет их особенно ясно, потому что дает более живую картину многообразных форм, в которые облекалось содержание права.

При ее изложении можно следовать двоякому порядку. Во-первых, можно излагать постепенное видоизменение юридических институтов, собирая однородные черты в праве различных народов и эпох; во-вторых, возможно принять в основание, кроме общих переходов от одной формы права к другой, также цельное представление о праве известного народа.

Последний способ изложения имеет преимущество: он дает возможность составить более ясное понятие о праве как органическом целом, о взаимной связи между всеми юридическими институтами и о воздействии их друг на друга. Право

развивалось в форме народной, которая сохранилась также в последний период его истории и не может исчезнуть никогда; поэтому необходимо, чтоб этот характер права не терялся при изложении.

Таким образом, принимая в основание, с одной стороны, общие типические черты развития права, а с другой — его национальный характер, следует признать наиболее удобным следующее разделение истории права.

Донациональный период с особенной ясностью представляется в праве тех племен, которые еще не образовали государства и сохранили формы первичного быта. Мы можем составить себе понятие о праве в этом периоде не только по историческим преданиям, но также из наблюдений над современной жизнью туземцев Африки и Америки.

Национальный период представляется в двух отделах — права теократического и человеческого. К первому относятся народы древнего и нового востока, у которых теократия является в троякой форме: семейной, имущественной и военной. Право народное получило свое полное выражение у греков и римлян, хотя последние возвысились до создания всеобщего права.

Период *национально-общий* обнимает собой право народов европейской цивилизации. Римское, феодальное и церковное право легли в основание их юридических институтов, видоизмененных под влиянием национальных условий. В дальнейшем развитии своем народы романского, германского и славянского племен продолжали общую юридическую жизнь: наука права, торговля, международные связи вызывали постоянно одинаковые формы институтов и одинаковые воззрения на их существо.

Указанными характеристическими чертами определяются юридические группы народов, так что в каждую группу входят народы, сходные по общим чертам своего права. При этом не все институты известной группы получили тождественную форму и развивались одновременно; нельзя провести резкую грань между группами во всех отношениях: иногда какой-либо институт группы предшествовавшей опережал другие. Тем не менее общие черты права остаются те же. Так, например, семейное право у евреев стоит на высшей ступени, чем у римлян, однако еврейское право относится к теократической группе; политические воззрения греков имеют более значение, чем римские, однако в конструкции чисто гражданских институтов ни один народ не мог сравниться с римлянами.

Понятие о высшем и низшем не прилагается к народной жизни, ибо без ступени предшествовавшей невозможна последующая. Каждое право было выражением своего времени и приготовлением к дальнейшему развитию. Многие из народов, право которых мы изучаем, перестали существовать в смысле исторических деятелей; но их наследство осталось, оно сделалось достоянием науки, которая сохраняет прошедшее от забвения и смерти и видит в нем никогда не замиравшую жизнь человеческого духа. Нет ничего более величавого, как вековое здание права, над созданием которого трудился и к которому с любовью и надеждой обращался длинный ряд поколений, сменявших друг друга в истории человечества.

ИЗ ПЕРИОДИКИ ПРОШЛОГО

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ НЕМЕЦКИХ
ГОСУДАРСТВОВЕДОВ¹

ТАРАНОВСКИЙ Федор Васильевич (1875—1936) — историк права. Окончил юридический факультет Варшавского университета в 1899 г. С 1899 г. — исполняющий должность доцента энциклопедии правовых и политических наук. В 1902—1903 гг. — на стажировке в университетах Гейдельберга, Гёттингена, Берлина, собирал материал для магистерской диссертации в библиотеках Германии и Франции. Был популяризатором идей немецких правоведов. В 1905 г. защитил диссертацию на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, став магистром государственного права. С 1908 г. — экстраординарный профессор по кафедре истории русского права в Демидовском юридическом лицее. В 1911 г. защитил в Санкт-Петербургском университете диссертацию на степень доктора государственного права по теме: «Догматика положительного государственного права во Франции при старом порядке». Стал ординарным профессором Юрьевского университета по кафедре истории русского права. В 1917 г. издал «Учебник энциклопедии права». В апреле 1917 г. переехал в Петроград, заняв должность ординарного профессора по кафедре истории русского права в Петроградском университете. С 1920 г. — в эмиграции в Белграде, где стал профессором энциклопедии права и истории славянских прав Белградского университета. В 1931 и 1935 гг. издал четыре тома «История сербского права в государстве Неманичей». Самый фундаментальный его труд — «Юридический метод в государственной науке. Очерк развития его в Германии». В 1933 г. избран действительным членом Сербской королевской академии наук.

Когда мы говорим об юридическом метода в государственной науке, мы придаем слову «метод» своеобразный, в известной степени условный смысл. Для всякого очевидно, что юридический метод не может заменить ни индукции, ни дедукции, этих основных и исключительных путей изучения, с помощью различного сочетания которых единственно достигается научное познание явлений. Такие понятия, как юридический метод в государственной науке или аналогичный по значению социологический метод в правоведении и в той же государственной науке, отвечают не каким-либо новым путям познающего разума, а тому более скромному, но тем не менее важному требованию изучения, согласно которому

¹ Тарановский Ф. В. Историческое происхождение юридической школы немецких государствоведов // Вестник права. 1905. № 12. С. 1—10.

сложные предметы изучения подлежат расчленению и исследуются с разных сторон, сообразно тем различным точкам зрения, с которых они могут быть рассматриваемы. Так как организованное общежитие, именуемое государством, представляет собой ту неизбежную стихию, в которой протекала и протекает культурная жизнь людей со всем богатством ее материального и духовного содержания, то вполне понятно, что предмет государственной науки оказывается крайне сложным и подвергается изучению с разных сторон и с различных точек зрения. В сложном комплексе явлений государственной жизни видное место принадлежит праву, которое отражает в себе наличное соотношение общественных сил и на этом основании распределяет обязанности и притязания между отдельными членами и группами общежития. Специфическое и важное значение права делает особое его изучение и возможным, и полезным. Вполне поэтому понятно, что и государственная наука, к специальному ведению которой относится основанная на властвовании организационная сторона общежития, допускает изучение своего предмета с точки зрения права, то есть со стороны облечения фактических отношений властвования в юридические формы с вытекающим отсюда распределением публичных прав и обязанностей между отдельными членами и группами общежития. Прием выделения юридической стороны государственного властвования в особую отрасль изучения и получил наименование юридического метода в государственной науке. Наименование это ввиду отмеченной нами условности его значения нельзя признать вполне удачным; тем не менее мы его сохраняем, так как его выдвинули представители целой школы государствоведов, и сочиненный ими термин успел приобрести полные права гражданства в научной литературе.

Современные нам сторонники юридического метода, или представители юридической школы государствоведов в Германии, открыто признают родоначальником избранного ими направления К. Ф. Гербера, который выступал в качестве юриста-публициста в начале второй половины минувшего столетия. Почтенным, но, в сущности говоря, скромным трудам Гербера в области государственного права последователи его приписывают значение коренного методологического переворота в государственной науке. До Гербера, говорят его безусловные приверженцы, государствоведение либо заменялось оторванной от жизни философской спекуляцией, которая вела не к изучению существующего, а к начертанию должного, идеального государственного строя, либо сводилось к простому накоплению исторических и статистических (в Конринго-Ахенвалевском смысле) данных государственной жизни, не связанных единством мысли и потому совершенно бесполезных. Указанные два пути, одинаково ложные и бесплодные, то шли параллельно, то пересекались, так что абстрактная спекуляция и фактическая регистрация нередко сочетались и образовали своеобразное *mixtum compositum*, в котором пропорциональное отношение составных частей определялось всецело личными склонностями и политическими соображениями того или другого автора.

Карл Фридрих Вильгельм Гербер, с 1859 фон Гербер (1823—1891) — немецкий юрист и педагог, профессор ряда ведущих университетов Германии, министр образования Королевства Саксонии.

Отсутствие определенной научной проблемы и правильного метода ее разрешения позволяло приступать к мнимой научной разработке государственных вопросов без специальной подготовки, без плана и критерия. Такому печальному состоянию дела положил конец Гербер, который нанес решительный удар как бесплодной спекуляции, так и бессмысленной регистрации в области государственной науки. На место созерцания идеального государственного строя Гербер поставил изучение существующего государственного устройства, как оно определено в положительных юридических нормах действующего законодательства. Собирая всевозможных «достопримечательностей» государственной жизни он заменил исследованием одной лишь юридической ее стороны и ограничил таким образом подлежащий научный материал лишь теми данными, которые могут дать ответ на основной и единственный вопрос: *quid iuris?* Сообразно этому выяснилась у Гербера и вполне определенная проблема научного исследования: она должна была состоять в выработке по данным действующего права строгих и точных юридических конструкций для всех отношений государственного властвования. Все это приписывается личной научной заслуге Гербера и возводится в рыцарский подвиг, прославлению которого посвящено даже рифмованное четверостишие. Переводя фигуральные выражения хвалебного гимна на простой язык научной прозы, можно сказать, что школа Гербера приписывает своему посаженному отцу следующие две основные заслуги: 1) создание научного государствоведения на место прежнего дилетантского и 2) переход в области государственной науки из метафизической стадии в стадию позитивную. С последней заслугой учителя особенно носятся представители юридического направления. Они видят в нем специфическое противоядие против метафизической философии государства и усиленно ссылаются на свою положительность против всякого, кто подходит к изучению государства с вопросом, отличным от их *quid iuris*. Правда, за последнее время произошла перемена в смысле отступления от исключительного юридизма. Один из столпов юридического направления профессор Георг Еллинек наряду с юридическим учением о государстве поставил социологическое его изучение и таким образом лишил юридический метод его исключительной привилегии на положительность. Но одно уже сопоставление обоих методов указывает на признание их научной равнородности и равноценности, а хронологическое совпадение деятельности Гербера с рождением научной социологии может отчасти укреплять мысль о том, что мы имеем дело с двумя одновременно возникшими и равносильными проявлениями научного позитивизма в государствоведении.

Притязание юридической теории государства на научную позитивность вызывает весьма крупные сомнения. Невозможно ведь признать за юридическими конструкциями государственных отношений какое-либо значение в деле научного исследования явлений государственной жизни и установления их научной закономерности. Та положительность, о которой нам говорят представители юридической школы государствоведов, не имеет ничего общего с научным позитивизмом; это — положительность догматиков, которые не движутся к истине по трудному пути исследования, но отправляются от нее, как от извне данного начала, и употребляют свои умственные силы только на ее истолкование. Для

более рельефной характеристики догматической положительности юридической школы государствоведов мы могли бы привести обильные и интересные параллели и аналогии из Средних веков, этой классической эпохи догматического мировоззрения. Во избежание чересчур отдаленных экскурсов в область прошлого мы не станем этого делать и, пользуясь аналогией более близкого к нам времени, скажем лишь, что о позитивизме современного нам юридического учения о государстве можно говорить разве лишь в том смысле, в каком Шеллинг на одной из ступеней своего развития говорил о положительной философии откровения. Приведенное сравнение разъясняет надлежащим образом сущность дела и напоминает нам к тому же о научном родстве юриспруденции с богословием, на что, как известно, обратил в свое время внимание еще Лейбниц.

Все характерные черты положительного догматизма имеются налицо и в современной нам юридической школе немецких государствоведов, которая занимается ничем иным, как догматикой положительного государственного права. Призыв к этого рода работе, исходивший от Герберера, не имел ничего общего с тем обновлением государственной науки, которое провозглашала зарождавшаяся в то же время научная социология. Поэтому юрицизму в государствоведении, идущему от Герберера, нельзя приписывать решительно никакого значения в деле ниспровержения метафизического учения о государстве. Положительный юридический догматизм существовал целые столетия задолго до Герберера и не только не разрушал метафизических построений естественного права, но мирно с ними уживался и даже нередко пользовался ими для пополнения тех из своих конструкций, для которых недоставало материала в действующем праве. Провозвестникам обновления науки о праве и о государстве, каковыми были предтечи и представители исторической школы, пришлось бороться с положительным догматизмом не менее, чем с естественно-правовой школой.

Придя к убеждению, что труды Герберера не имели значения для методологического обновления науки о государстве, мы нашли единственно возможным рассматривать их в другой, несравненно более тесной, но зато подлежащей сфере, в сфере положительного юридического догматизма.

Здесь, однако, мы натолкнулись на затруднение. История юриспруденции разработана недостаточно, и недостаточно в смысле односторонности. Историки науки сосредоточиваются главным образом на естественно-правовых учениях, а догматике положительного права уделяют весьма мало внимания, причем ограничиваются цивилистической догматикой, обходя почти полным молчанием догматику публичного права. По имеющимся отрывочным указаниям трудно, даже почти невозможно было составить себе должное представление об историческом развитии последней, а следовательно, и оценить надлежащим образом труды Герберера, которым, как мы видели, сторонники юридической школы приписывают несоответственное значение. Пришлось заняться более или менее самостоятельным изучением истории положительной догматической публичной юриспруденции в Германии.

Если бы мы всецело доверились словам последователей Герберера, нам пришлось бы думать, что до него в Германии юристы-публицисты занимались исключительно естественно-правовыми построениями, а догматической раз-

работки положительного государственного права вовсе не было. К счастью, однако, сам Гербер не мнил себя Юпитером публичной юриспруденции, из головы которого выскочила новая дисциплина во всеоружии; он помянул своих предшественников и таким образом сам наметил путь для установления действительной, а не поддельной генеалогии юридической школы немецких государствоведов.

На первых же страницах своего первого публично-правового трактата Гербер говорит, что публицисты-догматики XVIII века удовлетворяли основному методологическому требованию изучения одной лишь юридической стороны государственного властвования, но что выработанные ими юридические конструкции оказываются в его время непригодными вследствие коренного изменения государственного строя Германии, вызванного введением конституционализма. Отложив на время в сторону вопрос о непригодности отдельных конструкций старого порядка, мы сосредоточили наше внимание на признании Гербером своего принципиального методологического родства с юридической школой государствоведов старой империи.

Изучив публицистов XVIII века, мы нашли у них не только полную картину развития юридического метода в теории и в действии, но и специальные исследования, посвященные истории публично-правовой догматики. Следуя за нитью этих исторических указаний, мы уходили все дальше и дальше от современности, — в XVII и XVI века: начальные стадии развития публично-правовой догматики все более и более удалялись от нас вглубь прошлого. Такое удаление, взятое само по себе, не представляло бы никакого существенного научного интереса, кроме антикварной справки, если бы оно не сопровождалось указанием на причины, породившие догматическую разработку публичного, или более тесно — государственного права. Но необходимое причинное объяснение явилось в качестве неизбежного логического вывода из изучения старой публично-правовой литературы. В XVIII и XVII веках литература эта состояла из общих курсов и специальных трактатов по догме государственного права. С углублением в XVI век не только курсы, но и систематические монографии исчезают, и встречается лишь фрагментарная догматическая разработка отдельных вопросов положительного государственного права в мотивированных решениях рейхскаммергерихта, протоколы и приговоры которого, как в извлечениях, так и полностью, стали издаваться с половины XVI века в специальных сборниках так называемой камеральной юриспруденции. Дойдя в своем исследовании до этой точки, мы не только уяснили себе смысл высказанного вскользь в литературе мнения о том, что местом рождения науки немецкого государственного права был рейхскаммергерихт, но и нашли вполне реальное объяснение происхождения и развития юридического метода в немецкой государственной науке.

Оказалось, что публично-правовые трактаты старого времени представляли собою сначала простую сводку догматического материала по тем вопросам положительного государственного права, которые входили в компетенцию рейхскаммергерихта и записывались в сборниках его решений; впоследствии публицисты разрабатывали и другие вопросы положительного государственного права, выходившие из пределов ведения рейхскаммергерихта, но разраба-

тывали их на основании тех же строгих приемов догматизации и юридической конструкции, которыми пользовался суд. Получилось, повторяем, вполне реальное объяснение происхождения юридического метода в государственной науке. Рейхскаммергерихт был в Германии первым судом публичного права, и из его практики возникла публичная юриспруденция точно так же, как вся вообще юриспруденция возникла из судебной практики. Строгое следование действующему праву, принципиальное исключение политических вопросов целесообразности, самоограничение вопросами положительной правомерности, — все эти черты, характерные для суда, унаследованы развившейся из его практики публично-правовой догматикой. Но все же эти черты характеризуют так называемый юридический метод в государственной науке, который оказывается таким образом не отвлеченным антитезисом метафизического воззрения на государство, а реальным следствием суда публичного нрава. Мы говорим о происхождении юридической школы государствоведов из суда в том же смысле, в каком можно говорить о происхождении исторического материализма из пробудившегося самосознания рабочего класса. Таково уже органическое свойство общественных наук, что коренные методологические перевороты производятся в них не кабинетами и лабораториями, а самой жизнью.

Публицистика старой империи сложилась в особую и специальную дисциплину, которая заняла место на рубеже между юриспруденцией и государственной наукой: с первой связывала ее общность конструктивных приемов, со второй — общность объекта. Конструктивные приемы она заимствовала у своей «старшей сестры» — цивилистики. Начав с полного подчинения последней в этом отношении, она стремилась, однако, к освобождению и самостоятельности и достигла этого, поскольку позволяли фактические отношения государственной жизни старого порядка, проникнутой патримониальными началами властвования. Из ряда государственных дисциплин, связанных общностью объекта, публицистика выделялась своим юридическим критерием, отличавшим ее от политической истории, политики и статистики. Методологическое размежевание с соседними юридическими и политическими дисциплинами, а также установление способов и пределов пользования ими для конструктивных целей юридической догматизации составляло предмет специальных монографий, выходивших из-под пера публицистов XVII и XVIII столетий, которые разрабатывали таким образом с одинаковым вниманием и сознанием как практику, так и теорию юридического метода в государственной науке.

Призывая к юридическому изучению государства, Гербер только восстанавливал старую научную традицию, нарушенную или, вернее, прерванную переходным временем конституционной борьбы, в течение которого слагавшийся новый порядок, находясь в состоянии становления, не представлял устойчивой почвы для юридической догматизации. То новое, что внес Гербер, заключалось лишь в замене частноправовых конструкций отношений государственно-властвования публично-правовыми. И это новшество было не кабинетным исправлением каких-либо промахов старых публицистов, а следствием изменившихся условий государственной жизни — следствием обобществования самой государственной власти, освободившейся от прежних патримониальных

квалификаций. Изменения в государственном строе привели к тому заметному у Герберера освобождению публицистики от подчинения цивилистике, которого не могли достигнуть публицисты старой империи, оставаясь верными принципу догматической положительности.

Установление исторического происхождения юридической школы государствоведов дает нам прочный критерий для ее оценки. Юридическая школа и уместна, и необходима в пределах своей компетенции — конструирования положительного государственного права, но она не должна притязать на превращение своей специальности в философию и на исключение других дисциплин из области государствоведения. Наряду с нею неизбежны социологическое изучение государства и разработка основанной на объективных научных данных политики. Размежевание юридической школы с указанными дисциплинами может и должно совершаться на тех же началах, на которых размежевывались публицисты старой империи с политической историей, статистикой и политикой.

Дискуссионные заметки ученых мужей

ИСТОРИЯ КОДИФИКАЦИИ. СОЧИНЕНИЕ ПАХМАНА¹

Василий Иванович Сергеевич (1832—1910) — русский историк права, тайный советник, профессор и ректор Императорского Санкт-Петербургского университета. В 1857 г. окончил со степенью кандидата юридический факультет Московского университета. Получив двухгодичную заграничную командировку для приготовления к профессорскому званию, занимался преимущественно в Гейдельберге — под руководством Блунчли, Цепфля, Рено, Миттермайера и Вангерова. В 1867 г. защитил диссертацию на степень магистра государственного права: «Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей» и был назначен доцентом кафедры государственного права в Московском университете. В 1871 г. защитил диссертацию на степень доктора «Задача и метода государственных наук» и в том же году был назначен экстраординарным профессором. В 1872 г. занял кафедру истории русского права в Санкт-Петербургском университете. С 1878 г. одновременно читал курс юридических древностей в Археологическом институте. В 1897—1899 гг. — ректор Университета. События февраля 1899 г. послужили причиной ухода В. И. Сергеевича с поста ректора, однако он продолжал читать лекции вплоть до января 1907 г.

В. И. Сергеевич
Портрет работы Н. П. Богданова-Бельского,
1908 г.

В шестой книжке «Журнала гражданского и уголовного права» помещена обширная статья в ответ на наш разбор книги г. Пахмана «История кодификации гражданских законов», напечатанный в ноябрьской книжке «Вестника Европы» за прошлый год. Неизвестный автор (г. рецензент не подписал своей статьи) усиливается защитить г. Пахмана от тех невыгодных для его ученой репутации заключений, которые можно сделать на основании нашего разбора. Защита написана не без искусства. Но искусство это имеет одну цель: извратить истину и отвести глаза читателя от тех грустных особенностей разобранного нами труда, которые делают появление произведений такого рода крайне нежелательным. Находим себя вынужденными в интересах правды сказать несколько слов в ответ на защиту, представляющую столь же необыкновенное в литературе явление, как и сама книга г. Пахмана.

¹ Приводится по: Русская старина. 1877. Т. 18. С. 556—568.

В начале нашего разбора мы высказали несколько слов о том, чем должна быть, по нашему мнению, история кодификации в отличие от внешней истории права.

Защита не согласна с нашим взглядом на задачу истории кодификации. Полемика с нами по этому вопросу она посвящает значительную часть своей статьи и приходит к выводу, что книгу г. Пахмана надо рассматривать с точки зрения внешней истории права как ее часть. Неблагоприятные выводы нашего разбора она объясняет именно тем, что мы, отправляясь от нашей точки зрения, произвольно сузили задачу труда г. Пахмана и произвольно предъявили такие требования, которым он как историк внешней истории права вовсе не должен был удовлетворять.

Защита весьма ошибается, полагая, что сделанная нами оценка труда г. Пахмана вся условливается нашим взглядом на задачу истории кодификации, и нападает вместе с ним. Встретившись с книгой, украшенной новым заглавием, и не найдя ни в предисловии, ни в тексте объяснения тому, что хочет дать нам автор под этим новым именем², мы позволили себе высказать наш взгляд с целью содействовать установлению более точного воззрения на задачи истории кодификации, как они даются самим фактом кодификации. Защита может не соглашаться с нашим взглядом. Результаты нашего разбора от этого нисколько не меняются. Как бы кто ни смотрел на задачи истории кодификации, сделанные нами указания недостатков труда г. Пахмана одинаково остаются верными.

Чтобы не осложнять спора введением в него вопросов, не имеющих решающего значения в деле оценки книги г. Пахмана, допустим, что он ничего не должен был дать нам, кроме части так называемой внешней истории гражданского права, и посмотрим насколько применимы к его труду существенные выводы нашей критики.

Первое положение нашей критики заключается в том, что книга г. Пахмана не есть результат его личных научных исследований, а вся выписана им: в большей своей половине из разного рода памятников, содержание которых он передает; в меньшей — из чужих сочинений.

Отрицает ли этот вывод наш противник? Нет. Он не указывает ни одного отдела в обширном труде г. Пахмана, который был бы обработан его автором.

Все, что нашла возможным сказать против нас защита, сводится к тому, что, указывая на выписки, мы не перечислили всех источников, из которых г. Пахман выписывал; что нами не указано на то, что, делая выписки, автор иногда выска-

² В предисловии автор указывает только на цели, которые могут быть достигнуты его трудом, ничего не говоря о самом его характере. Что же касается содержания, то оно до такой степени разнохарактерно, что не может быть подведено ни под какой определенный вид научных работ. На с. 274 защита говорит, что книга г. Пахмана «обнимает вообще кодификационные работы, в смысле сводов, кодексов, проектов и т.п.». Если это так, то изложение содержания депутатских наказов, занимающее сто страниц, не должно было войти в нее, ибо это не кодификационные работы, а отдельные мнения; на опытах же кодификационных работ Екатерининской комиссии автор не останавливается. Правда, эти опыты еще не напечатаны, но сведения о них легко можно найти в архиве II Отделения.

зывает, по поводу них некоторые соображения, «обращающие на себя внимание мыслящего читателя»; что, наконец, мы умолчали о предположениях г. Пахмана относительно пересмотра наших гражданских законов.

Мы, действительно, не перечислили всех источников, из которых г. Пахман делал выписки. Истории кодификации в России посвящено им более 750 страниц. Из этого числа без малого 600 страниц занято изложением содержания сырого материала, заимствованного из множества памятников, которое не представляет никакой ученой работы. Мы указали на это, но не считали и теперь не считаем нужным перечислять все такие выписки и указывать их источники. Чтобы дать 600 страниц совершенно сырого материала, конечно, нужно было выписать из множества источников.

В разных местах обширных выписок, действительно, встречается несколько отрывочных соображений автора, но они не представляют ничего целого, являются совершенно случайно и даются самим материалом выписок. Таковы, например, заметки о последовательности статей свода; они даются уже оглавлением свода, и для того, чтобы их высказать, не было ни малейшей надобности передавать все содержание гражданских частей свода, занимающее без малого 300 страниц. Сюда же относятся и несколько заметок о том, что источники римского права, на которые ссылается остзейский свод, вошли в него не в точном их смысле. Это ясно уже из самого свода. НЕ эти «Соображения» делают книгу, а выписки.

Что касается, наконец, предположений о пересмотре наших гражданских законов, занимающих всего 10 страниц, то относительно них можно заметить только, что они напрасно занесены автором в обзор внешней истории права. Относясь к будущему, они не стоят в необходимой связи с предметом исторического труда г. Пахмана и служат только новым доказательством, что он не знает хорошенько, что пишет.

Не имея возможности отрицать компилятивный характер труда г. Пахмана, защита думает, что для внешней истории права «компиляция» должна составлять правило: задача такого труда, говорит она, вовсе не в том, чтобы в область науки вносить какие-либо новые взгляды, а лишь в том, чтобы свести фактические данные, рассеянные в массе разнообразных сочинений и изданий...

Можно ли выставить серьезно такое положение? Неужели защита не знает, что компилятивный характер научного труда обуславливается не свойствами предмета, а свойствами автора? Мы имеем даже учебники, в состав которых входят целые отделы, самостоятельно обработанные. А с другой стороны, существует целый ряд специальных исследований по отдельным частям права, состоящих из голых выписок.

Мы думаем, что труды по внешней истории права не только не должны быть компиляциями, но у нас и не могут быть таковыми по малой еще обработке специальных вопросов. Ученая литература наша так еще бедна, что нуждается не в выписывателях, а в исследователях. Нашла же возможность защита спросить нас: что такое судебники? Действительно ли это своды в том смысле, в каком мы называем сводом свод законов? Итак, один из первых вопросов внешней истории судебныхников, вопрос о составе их, не представляется ей ясным, и, действительно, он далеко не разработан. Такой же вопрос предлагает защита и об Уложении 1649 г. И это после появления книги г. Пахмана, которая должна бы

была ответить на все эти вопросы. Что же при таком состоянии литературы компилировать? Книга г. Пахмана только доказывает нашу мысль о невозможности компиляции. При громадных ее размерах выписки из ученых трудов занимают в ней очень скромное место. Их наберется не многим более полутора ста страниц, причем, как видно и из только что приведенных недоумений защиты, оставлены без решения самые существенные вопросы.

Но дело не в том, возможна или нет компиляция, а в том, что и защита признает труд г. Пахмана только компиляцией. Мы утверждаем то же, но с такой прибавкой: ученая жатва, собранная автором с полей, возделанных чужими руками, занимает в ней очень скромное место; все остальное — сырые выписки из памятных.

Второй вывод, который можно сделать из нашего разбора, состоит в том, что выписки г. Пахмана сделаны весьма небрежно и в них вкралось немало ошибок.

Защита не желает согласиться почти ни с одним из наших указаний на эти недостатки компиляции и силится превратить их в наши собственные ошибки.

Вот какими средствами защита г. Пахмана думает достигнуть этой желанной для нее цели.

Выписав наше замечание по поводу решения г. Пахманом вопроса о том, кем составлена «Правда», в котором мы говорим: остановившись на этом вопросе, автор решает его согласно давно высказанному и весьма распространенному воззрению о частном происхождении «Правды», — защита восклицает: «Здесь все неверно: 1) мнение о частном происхождении «Правды» автор вовсе не выдает за новое», и т.д. Но мы и не говорим, что он выдает ее за новое. Если защита так поняла наше замечание, это доказывает только, что крайне беспокойно отнеслась к делу. Смысл наших слов совершенно ясен. Мы хотели указать только на бессодержательность труда г. Пахмана, повторяющего давно известные мнения и не чувствующего потребности подкрепить их какими-либо доказательствами, что именно нужно ввиду еще недавно сделанных возражений.

Ошибку в признаках разных списков «Правды» и в определении понятия «реза» — защита объясняет опечаткой. Она говорит: «Достаточно самого общего знакомства с делом, чтобы понять, что после слов «О резе» есть небольшой пропуск». Чтобы судить об опечатках, нужно видеть рукопись. Знакомства же «с делом» для этого совершенно недостаточно, ибо с точки зрения «знакомства с делом» иную книгу можно всю считать за опечатку. Защите следовало привести подлинное место из рукописи, тогда мы могли бы судить, в чем, собственно, опечатка и какая была мысль г. Пахмана. Она этого не делает, а поправляет сама спорное место; но при этом делает только новую ошибку. Вверху страницы защита поправляет автора согласно с нашим указанием. Но несколько ниже, ссылаясь на 50—51 страницах исследования г. Калачова, которые и ввели ее в заблуждение, утверждает, что статьи о вычислении прибыли находятся только в списках третьей редакции. Защита может убедиться в этом из страниц 69—71 исследования г. Калачова, где он дает описание отдельных списков четвертой редакции. Разбирая состав этих списков, он ни в одном не указывает на присутствие статей о вычислении прибыли. Кроме того, к исследованию г. Калачова приложена сравнительная таблица статей подлинных списков с его сводным списком. В этой таблице прямо сказано, что статьи сводного списка с XXII по XXXVIII,

в которых и говорится о вычислении прибыли, находятся только в списках третьей фамилии, а в остальных (и в четвертой) отсутствуют. Наконец, в 1847 г., г. Калачов, в виде прибавления к своему полному тексту «Правды», издал этот памятник по четырем разным спискам, из которых каждый, по его выражению, «по справедливости может быть признан представителем особой редакции». Просим защиту заглянуть и в это издание. Здесь представителем списков четвертой редакции служит список кн. Оболенского. В нем не содержится статей о вычислении прибыли³.

Если же и после нашего указания защита не могла уяснить себе, чем же отличаются списки четырех редакций, и ошибку г. Пахмана приписала нам, это можно объяснить только крайним волнением, в котором она, надо думать, находилась.

Следующее наше замечание о том, что г. Пахман приписал Ярославу слова, которых он не произносил, защита устраняет предположением «недописки». Но ведь и мы настаиваем только на небрежности выписок. «Недописка» же есть один из видов этой небрежности. Ошибочное положение автора о том, что Розенкампф считал «Правду» предназначенной как для светских, так и для церковных судов, защита находит возможным поддержать. С этой целью она приводит несколько мест из исследования Розенкампфа о Кормчей. Первая из этих ссылок ничего не доказывает. Розенкампф говорит: «Законные книги (т.е. Кормчие) содержали в себе правила как для святительских, так и для мирских судов; а так называемая Русская Правда составляет только одну статью, взятую из оных». Из этого места можно сделать только следующие два вывода: во-первых, Русская Правда входит в Кормчую, как одна из составных ее частей; во-вторых, Кормчая содержит правила как для святительских, так и для мирских судов. Выводить из этих слов, что и Русская Правда содержит правила для обоих судов, как это делает защита, нет достаточного основания. Тогда пришлось бы допускать, что и всякая другая составная часть Кормчей одинаково содержит правила для обоих судов. Таким способом можно было бы доказать, что и церковные уставы предназначались не только для святительских, но и для мирских судов, так как и они составляют одну из частей Кормчих. В нашем разборе указан действительный источник ошибочного заключения г. Пахмана.

Другие ссылки на Розенкампфа, приведенные защитой, показывают, что она не обратила внимание на то, в каком смысле говорится там о святительских судах. Объясним. В старину духовенство ведало не один только церковный суд в тесном смысле этого слова. Владея недвижимыми имениями, оно, как и светские владельцы, получило право судить людей, селившихся на его селах или деревнях. Это тоже святительский суд (так как он принадлежал духовенству), но совсем в другом смысле. По лицам и делам, подлежавшим ведению этого суда, он несколько не отличался от суда мирских судей. В этом суде действовали те правила, которые применялись княжескими судьями и светскими вотчинниками; здесь и святители могли руководствоваться Русской Правдой. Места, приведенные защитой, относятся именно к этому вотчинному святительскому суду, а не к церковному в настоящем смысле этого слова, для которого существовали осо-

³ В исследовании г. Калачова о Русской Правде список князя Оболенского отнесен ко второй фамилии.

бые церковные правила и были даны особые церковные уставы и о котором идет речь у г. Пахмана⁴. А что г. Пахман говорит о церковных, а не о вотчинных святительских судах, видно из следующих его слов: «Содержание Правды, говорит он, указывает скорее, что она предназначена была только для светских судов, тем более что для церковных были особые уставы: Владимира Св. и Ярослава. Поэтому осторожнее предполагать вместе с Розенкампом» и т.д. Таким образом, желая выгородить г. Пахмана, защита впадает в новую ошибку: она смешивает святительские суды с церковными в тесном смысле, о которых только и говорит г. Пахман.

Далее, защита находит возможным отстаивать высказанное г. Пахманом замечание о том, что в Русской Правде мало статей, относящихся к уголовному праву. Она думает поддержать своего клиента ссылкой на сводный список г. Калачова, где под рубрикой уголовного права приведено 46 статей. Но 46 из 143 (полное число статей этого свода) тоже немало. Пахман, однако, говорит «мало» небезотносительно. Заметив, что в Русской Правде мало статей по государственному праву, он продолжает: «Далее в ней находится также мало статей по уголовному праву». В сводном списке к государственному праву отнесено 3 статьи, а к уголовному — 46; далеко не «также мало».

Думаем, защите лучше было бы и в данном случае сослаться на опечатку. Ссылка же на сводный список, не оправдывая г. Пахмана, обнаруживает только два новых недоразумения защиты. Внешняя история права должна иметь дело с подлинными списками, употреблявшимися в древности, а не с систематическим изданием г. Калачова, сделанным для иных целей. Вот почему мы указали на число статей по Академическому и Троицкому списку, а не по Калачовскому своду, который как в расположении статей, так и в общем их числе значительно отстает от подлинных списков. Другой недосмотр защиты состоит в том, что она не заметила, что в сводном списке под рубрикой уголовного права показаны не все статьи, относящиеся к этому праву. В Правде есть статьи, которые одинаково касаются (разными своими частями) права гражданского и уголовного, права уголовного и процесса и т.д. Господин Калачов не приводит такие статьи по несколько раз, в каждом отделе, к которому они относятся, а ограничивается приведением их в каком-нибудь одном. Вследствие этого статьи, определяющие преступления и наказания, встречаются как между гражданскими, так и между процессуальными. Среди гражданских помещены, например, статьи о преступлениях, совершенных господином по отношению к закупу, о преступлениях самого закупа и др.; среди процессуальных — статьи, определяющие продажу за кровавую рану, за порвание бороды, выбитие зуба и др. Число таких уголовных статей, не вошедших под рубрику уголовного права, более десяти. Таким образом, и по сводному изданию уголовных статей не 46, а более 56.

⁴ Вот одно из относящихся сюда мест Розенкампа. На ст. 144 он говорит, что решения разных правительств, в городе и пригородах, служили законным правилом, коим руководились как тиуны, так и святительские суды, ибо под их ведением находились многочисленные селения и другие недвижимые имения. Монахи и дьяки, руководившись сими постановлениями, вписывали оные в законные книги, которые содержали в себе правила св. отец, но и гражданские статьи.

Свою аргументацию защита находит возможным подкрепить еще ссылкой на то, что статьи гражданского права крупнее статей уголовного. Если бы спор шел о размере овец, гусей и других домашних животных, цену которых определяет Правда, мы поняли бы всю силу такого аргумента. Но в вопросах права такая ссылка напоминает известную поговорку об утопающем.

Остановимся еще на одном усилии защиты. Излагая содержание судебных актов, г. Пахман сказал, что завещать вотчину, помимо ближайших потомков, владелец не имел права. На это мы заметили, что такого права в судебных актах не содержится. Оправдывая г. Пахмана, защита ссылается на недошедший до нас указ, сведение о котором сохранилось в приписке к одному из списков судебного акта. Этой ссылкой защита выходит из пределов спорного вопроса. Мы не отрицали существования этой приписки. Мы утверждали только, что в судебных актах такого постановления нет, и это верно. Если же защита полагает, что приписки к рукописи князя Голицына должны быть рассматриваемы как составная часть судебного акта, — это новая ошибка с ее стороны. Из самой приписки видно, что она взята не из судебного акта, а из какого-то отдельного указа царя Ивана Васильевича. Вводить этот указ в состав судебного акта нет никакого основания. Мы получили бы в таком случае нами дополненный судебный акт, тогда как задача внешней истории права состоит в определении состава судебного акта именно в том виде, как он был дан царем Иваном Васильевичем. Издатели Т. 1 Актов исторических поступили совершенно правильно, отпечатав сведения об этом указе не в тексте судебного акта, а в примечании.

Думаем, что этих примеров достаточно для характеристики средств защиты. Они везде одни и те же. Защита или изменяет смысл нами сказанного и спорит не против того, что было нами замечено, или ссылается на опечатки и недописки, или, наконец, делает новые ошибки. Так защищать может только тот, кто желает ввести читателя в заблуждение, а потому и вынужден скрывать свое имя.

Третий вывод, который можно сделать из нашего разбора, состоит в том, что г. Пахман делает свои выписки из чужих сочинений не совершенно откровенно. По внешнему виду его книга не смотрит выписками и ничем не отличается от сочинений в обыкновенном смысле этого слова. В начале каждого отдела, обыкновенно, указывается литература предмета; затем, по страницам, идут ссылки как на первоначальные источники, так и на пособия. На некоторых страницах таких ссылок очень много, до пяти и более, на других ни одной. Все как в обыкновенных исследованиях. Чтобы не заслужить упрека в неоткровенности и не заставить доверчивого читателя думать, что он произвел «по истории русской и остзейской кодификации единственные в своем роде работы», г. Пахману следовало в начале своих выписок просто обозначить, что все следующее есть извлечение из такого-то более обширного сочинения, и затем выписать без всяких уже ссылок. Дело было бы ясно, труд г. Пахмана не возбудил бы никаких недоразумений.

Господин Пахман поступает, однако, не так.

Возьмем для примера его очерк истории межевания императрицы Екатерины II. Он весь извлечен из Неволлина, но это нигде не сказано. Наоборот, под страницами делаются ссылки не только на Неволлина, но и на первоначальные источники и на «Материалы для преобразования межевой части в России». Просматривая эти ссылки, можно подумать, что это, хотя и краткая, но все же новая

обработка предмета. Так и поняла г. Пахмана его защита и указала нам на то, что этот отдел дополнен на основании Материалов. Посмотрим, так ли это?

В очерке истории межевания до Михаила Федоровича г. Пахман делает две ссылки на Материалы. Первая на странице 250 в примечании 3, где он одинаково цитирует как Неволлина, так и страницу 5 Материалов. Но что такое 5-я страница Материалов? То место этой страницы, которое заимствует г. Пахман, есть ничто иное, как краткое извлечение из того же Неволлина. Тем же характером отличается и вторая ссылка на 7-ю страницу Материалов. То место Материалов, которое г. Пахман выписал с 7-й страницы в свою книгу, также извлечено из Неволлина со страниц 469 и 473. В обоих случаях, значит, это тот же Неволлин⁵. Позволительно ли делать такие ссылки в ученом сочинении? Думаем, что нет.

Для объяснения таких ссылок можно сделать только два предположения: или г. Пахман не заметил, что Материалы в данном случае только повторяют Неволлина и, следовательно, выписывает из сочинений, которых он не изучил; или он думал, что Материалы как официальное издание публике не известны и ссылки на них будут приняты за доказательство пользования им действительно какими-то новыми материалами. Предоставляем защите решить, какое из указанных оснований водило рукою г. Пахмана. Практические же последствия таких ссылок очевидны для всякого: сама защита введена им в заблуждение.

Таким же характером отличаются все выписки из Сперанского. Защита очень недовольна нашим указанием на это и говорит, что труд Сперанского есть официальная записка и из него поэтому надо было выписывать буквально. Сперанский, как известно, написал краткую историю хода законодательных работ по составлению свода законов. Хотя этот труд и может быть назван официальной запиской, но отсюда никак еще не следует, что всякий последующий историк должен выписывать из него слово в слово. А если действительно намерение г. Пахмана не шло далее выписок, то надо было прямо заявить об этом и ни в каком уже случае не ставить под текстом выписок самостоятельных примечаний, извлеченных из текста того же Сперанского.

Несколько иной внешний вид имеет выписка по истории остзейской кодификации. Здесь автор в примечании прямо перечисляет главные источники, из которых он извлек свой обзор. Указывая главные, он дает повод думать, что пользовался еще и другими. В действительности же весь текст обзора выписан из одной книги; примечания также частью выписаны из той же книги, частью составлены по ее указаниям⁶. Но это не помешало г. Пахману ссылаться под страницами и на

⁵ Материалы для преобразования межевой части — в том своем отделе, из которого делает заимствования г. Пахман, никаких материалов в настоящем смысле этого слова и не представляют. Это краткая история межевания, заимствованная частью из Иванова, а большей частью из Неволлина, причем автор Материалов гораздо короче Неволлина: вся история межевания до второй межевой инструкции занимает всего 30 страниц.

⁶ Выписав наше замечание об этом, защита говорит: «И так читатель видит ясно, что г. Пахман пользовался в своем обзоре не теми сочинениями, на которые сам указал, а такими, которые он скрыл, и в этом сокрытии уличен теперь торжественно г. Сергеевичем». Что автор скрыл, этого мы не сказали. Это — вывод, сделанный из наших слов самую защитой. Он столь же принадлежит нам и столь же верен, как и выше сделанный

другие сочинения и на первоначальные источники, рядом с ссылками на книгу, из которой исключительно выписан весь текст. Это уже не просто неоткровенность, а прямое намерение заставить читателя видеть в своем труде не то, что он есть в действительности.

Остановимся несколько ближе на этих ссылках. На странице 321, Т. 2, г. Пахман говорит: «Свод рыцарского права, действовавший с половины XIV в., состоит из статей так называемого древнего рыцарского права, составленного и обнародованного в 1228 г. епископом рижским Альбертом I, которое служило основанием всем прочим сводам законов лифляндских и грамотам, дарованным рыцарству по части гражданского права, большей частью из постановлений, заимствованных из саксонского зеркала и некоторых положений обычного права». Под этим ссылка на Бунге, § 48. В этом параграфе речь идет только о переработках саксонского зеркала для Лифляндии, о древнем же рыцарском праве говорится в § 47. Положим, это опечатка и надо сослаться на два параграфа. Но что такое говорит Бунге о древнем рыцарском праве? Вот его слова: «По Брандису (составитель местной хроники начала XVI в.), это рыцарское право составлено рижским епископом Альбертом I... и обнародовано в 1228 г. Этот рассказ, сам по себе уже невероятный, и с порядком образования права в Средние века несогласный, опровергается и самим содержанием древнего рыцарского права, ибо оно по большей части слово в слово заимствовано из Вольдемар-Эрихова права и должно быть поэтому моложе последнего; оно могло возникнуть только после 1315 г. Это право не происходит ни от епископа, ни от какого-либо начальника ордена и вообще не представляет даже официального памятника, а есть частная работа...» Итак, Бунге утверждает нечто прямо противоположное тому, что говорит г. Пахман, полагающий, что древнее рыцарское право составлено епископом рижским Альбертом I и обнародовано в 1228 г. Откуда же взял г. Пахман это сведение? Оно извлечено из «Обозрения исторических сведений», откуда выписан весь его обзор, со стр. 113, где приведено по-немецки и в русском переводе заглавие древнего рыцарского права, по мнению Бунге составленное самим Брандисом. Приведя это заглавие, «Обозрение исторических сведений» продолжает: «Сей свод служил основанием всем прочим сводам законов ливонских и грамотам, дарованным впоследствии рыцарству по части гражданского

ее вывод о том, будто бы, по нашему мнению, г. Пахман выдает неофициальное происхождение Правды за мнение новое. Приемы защиты везде одинаковы. Мы очень сомневаемся, однако, чтобы она и сама верила в справедливость взводимого ею на нас обвинения. В замечании, сделанном нами о кодификации остзейского права, мы полемизировали с критиком «Голоса», упредившим своей похвальной статьей наш разбор. Мы обращались к нему по делу ему хорошо известному. Мы указывали страницу и само примечание, на котором г. Пахман перечисляет свои пособия, и назвали официальное издание, из которого сделана вся выписка, буквально теми словами, как оно обозначено в примечании. Упредивший нас критик, прочитав обзор остзейской кодификации, усмотрел в нем «замечательную критическую монографию». Мы нашли нужным разъяснить его недосмотр. Это спор между двумя лицами, которые ведут его с книгой г. Пахмана в руках. Пособия г. Пахмана предполагались известными, спор шел только о том, как он ими воспользовался.

права». Эти слова перешли и в книгу г. Пахмана, но он не заметил, что официальное издание, приводя заглавие сборника древнего рыцарского права, само не приписывает его епископу Альберту. В другой же официальной записке, которая также показана в числе главных пособий, прямо сказано, что многие ученые, и в том числе Бунге, считают сие заглавие подложным. Господин Пахман, конечно, может считать его подлинным, но в таком случае ему не мешало бы оспорить немецких ученых. А пока он этого не сделал, мы будем видеть в этом месте его ошибку и доказательство того, что он ссылается на книги, содержание которых ему не известно. Из книги г. Пахмана можно, следовательно, получить такие сведения по внешней истории остзейского права, которые прямо опровергаются учеными, работавшими по источникам. Так ли надо писать ученую компиляцию?

На этой же странице г. Пахман делает еще две ссылки на Бунге, но текст выписывает из официальной записки и ее же словами, только с сокращениями. В других же местах, списывая текст, он приводит под страницами и те самые замечания, которые приведены в его оригинале. Все выданы за свои, как и весь обзор, который поэтому и был назван рецензентом «Голоса» замечательной критической монографией, написанной г. Пахманом.

Для объяснения ссылок на Бунге, считаем нужным сказать следующее. В 1831 г. профессор Бунге издал исследование об источниках остзейского права. Оно было одним из главных пособий для авторов официальной записки (в соответствующем отделе записки), которые пользовались этим сочинением как для составления своего текста, так и для примечаний. В 1849 г. профессор Бунге издал более обширное исследование о том же предмете. Господин Пахман, выписывая старый текст официальной записки, подновляет его ссылками на новую книгу Бунге.

Мы думаем, что обзор кодификации остзейского права нельзя назвать даже компиляцией. Это нечто такое, для обеспечения чего по редкости явлений этого рода не выработалось еще приличного в литературе названия.

Если г. Пахман хотел дать нам толковую компиляцию, как уверяет его защита, ему следовало взять историю остзейского права не из официального издания, а из последнего труда Бунге, с которым официальная записка, при всех ее достоинствах, никак не может конкурировать с научной точки зрения. Сам выбор сделан уже неправильно. Предоставляем защите решить, почему автор предпочел составляющую библиографическую редкость официальную записку труду Бунге, хотя не редкому, но с научной точки зрения более важному.

Уничтожила ли защита это третье наше обвинение, конечно, самое тяжелое? Мы уже имели случай указать выше те объяснения, которые она приводит по поводу выписок из Неволина и Сперанского. Что касается Неволина, она сама введена в заблуждение ссылками автора на Материалы. Выписки из Сперанского она обращает в правило, но при этом забывает объяснить, какие были у Пахмана редакционные соображения, которые заставили его текст Сперанского превращать в примечание, а примечание вводить в текст. Вместо возражения на наше разоблачение тщательной маскировкой выписок из официального издания она возводит на нас встречное обвинение. Это весьма ловкий прием, он отводит глаза читателя, но, надеемся, только на одну минуту. Как бы мы ни были виноваты в глазах защиты, наша вина — другой вопрос. Указанное же нами маскирование

выписок в том виде, как мы его сделали, а не как его переименовала защита, остается не опровергнутым, и мы его поддерживаем.

Мы можем кончить наш ответ: свойства труда г. Пахмана выяснены достаточно и притом совершенно независимо от нашего взгляда на задачи истории кодификации.

Как бы кто ни понимал задачу истории кодификации, сделанная нами оценка труда г. Пахмана остается в своей силе. Спорить с защитой о задачах истории кодификации мы также считаем мало нужным, как и отвечать по поводу личных ее против нас выходок. Мы наперед знали, что не угодим нашей оценкой тем нашим рецензентам, которые встретили появление книги г. Пахмана дружным хором похвал. Именно ввиду этого хора мы и нашли нужным высказать наше мнение. Считаем нашу задачу оконченной.

Россия. 100 лет назад: месяц в истории

2 АВГУСТА, пятница

Реорганизация высшей школы

Совет народных комиссаров принял декрет «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР». Декрет снимал все ограничения на поступление в вузы, не требовался даже диплом о среднем образовании, отменялись вступительные экзамены и плата за обучение; устанавливалась государственная стипендия студентам. В тот же день СНК принял подготовленное В. И. Лениным постановление «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства». Это способствовало широкому приобщению рабоче-крестьянской молодежи к высшему образованию.

Пленные красноармейцы под присмотром американских военных, Архангельск

2 АВГУСТА, пятница

Интервенция на севере России

В Архангельске высадились английские, американские и французские части, оккупировавшие город до сентября 1919 г. Образовано Верховное управление Северной области во главе с членом ЦК Трудовой народно-социалистической партии Н. В. Чайковским.

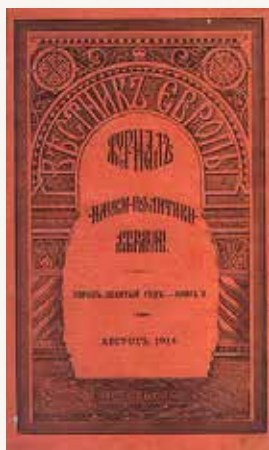
4 АВГУСТА, воскресенье

Конец свободы слова

Декретом Совета народных комиссаров закрыты все «буржуазные» газеты. В тот момент, когда был издан декрет, все типографии этих газет уже были захвачены большевиками. Активная борьба с оппозиционной прессой началась еще в 1917 г. В течение марта — апреля Революционный трибунал печати непрерывно рассматривал дела о закрытии то одной, то другой неудобной новой власти газеты. По признанию большевика А. Я Аросева, окончательное решение о закрытии всех оппозиционных газет было принято еще

в марте, но стоял вопрос, как это сделать. Выход был найден Лениным: сначала все закрыть с помощью силы и лишь затем санкционировать декретом. Операцию планировали провести за одну ночь: направить войска в типографии и, только закрыв их, идти в редакции. Таким образом Ленин стремился избежать «ненужной дискуссии», протестов и обвинений в произволе. Без «дискуссий» за 1918 г. было закрыто 58 печатных изданий, среди них не только газеты, но и журналы, история некоторых из них началась еще в середине XIX в., двери редакций этих изданий не один десяток лет открывали известные политики, историки, писатели, поэты, публицисты, юристы...

Вестник Европы — литературно-политический ежемесячник умеренно либеральной ориентации, первый номер вышел в 1866 г. в Санкт-Петербурге (продолжал традицию одноименного журнала, основанного в 1802 г. Н. М. Карамзиным). До 1868 г. выходил ежеквартально, с 1869 г. — ежемесячно. Редактор-издатель — М. М. Стасюлевич (с 1866 по 1908 г.). В журнале преимущественное внимание уделялось истории и политике. В журнале печатались некоторые известные ученые и публицисты: К. А. Тимирязев, И. М. Сеченов, В. Ю. Скалон, И. И. Мечников, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, А. Ф. Кони, Е. К. Рапп, А. Н. Веселовский, А. П. Голубев, А. Н. Пыпин, Д. Н. Овсянко-Куликовский, Ф. Ф. Зелинский, К. Я. Воробьев, Ф. Ф. Мартенс,

В. Ф. Дерюжинский, К. К. Арсеньев и др. В литературном отделе печатались И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, А. Н. Островский, А. А. Тихонов, П. Д. Боборыкин, В. С. Соловьев, М. Е. Салтыков-Щедрин. Печатались также статьи по финансово-экономическим вопросам и публицистика Г. Б. Иоллоса, А. Ф. Жохова, А. В. Жиркевич, П. Х. Шванебаха.

Задушевное слово — наиболее популярный в Российской империи журнал для детей младшего и среднего возрастов. Издавался в Санкт-Петербурге «Товариществом Вольфа» с 1876 г. «Задушевное слово» пользовалось большой популярностью. Журнал печатал статьи познавательного характера («Отчего потеют окна», «Как самому сделать телефон», «Кем и как были изобретены спички» и т.п.), оригинальные и переводные стихотворения, рассказы, повести. Так, в 1906 г. в журнале «Задушевное слово» № 1 был издан первый перевод на русский язык сказки «Приключение Пиноккио». Огромную популярность имели рассказы и повести писательницы

Авторы-составители
раздела «Постскриптум»:

Юрий Григорьевич ШПАКОВСКИЙ,
главный редактор
журнала «Вестник
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
доктор юридических наук,
профессор
yurii-rags@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
Садовая-Кудринская ул., д. 9

Ирина Викторовна ПОТАПЧУК,
начальник редакционно-
издательского
отдела Федерального
агентства по управлению
государственным
имуществом
i.potapchuk@mail.ru
109012, Россия, г. Москва,
Никольский пер., д. 9

Л. Чарской; другими постоянными авторами были София Соболева и Клавдия Лукашевич. На страницах журнала появлялись теоретические работы по воспитанию детей А. Пчельниковой. В начале XX в. почти в каждом выпуске можно было найти первые на русском языке комиксы (в переводе с французского). С 1909 г. выходило приложение к журналу — серия «Задумшевное воспитание» под редакцией С. Ф. Либровича.

Нива — популярный русский еженедельный журнал середины XIX — начала XX в. с приложениями. Издавался 48 лет, с конца 1869 г. в издательстве А. Ф. Маркса в Петербурге. Журнал позиционировал себя как журнал для семейного чтения и был ориентирован на широкий круг читателей. В журнале публиковались литературные произведения, исторические, научно-популярные и различные юбилейные очерки, репродукции и гравюры картин современных художников. Материалы политического и общественного содержания давались в «благонамеренном» духе и сопровождались многочисленными иллюстрациями — до начала XX в. обычно гравюрами, затем фотографическими обзорами. Страницы изданий «Нивы», включая журнал и приложения, имели сквозную нумерацию для последующей брошюровки годовых комплектов, обложки к которым рассылались редакцией. Таким образом, журнал номер один имел страницу 1, а журнал номер 51 или 52 (последний в году) — страницу 1200.

«Русская старина» — ежемесячное историческое издание; основано в Санкт-Петербурге в 1870 г., но первое время (почти до конца 1877 г.), по соображениям служебного характера, оно не могло выходить под именем своего основателя и руководителя и появлялось за подписью В. А. Семевского. Основной целью журнала было служить разработке русской истории, начиная с Петра I. Иногда, впрочем, в нем помещались и оригинальные исследования из истории допетровской Руси. Как отмечалось в программном объявлении, цель «Русской старины» будет состоять «в ознакомлении ее читателей с „императорским“ периодом отечественной истории и истории русской литературы». Особенное значение придавалось запискам, воспоминаниям, дневникам, автобиографиям и т.п., причем М. И. Семевский не стеснялся близостью к нам времени, изображаемого в записках. Он находил, что чем ранее появится о ком-нибудь в печати отзыв, который может показаться оскорбительным его близким, тем более представляется удобств для защиты действительно оскорбленного, а вместе с тем — и для восстановления правды путем печати.

Puck — американский еженедельный сатирический журнал, выходивший с 1871 по 1918 гг. Это был первый успешный юмористический журнал в Соединенных Штатах, содержащий красочные иллюстрации, карикатуры и политическую сатиру на злободневные вопросы. Название журнала взято по имени персонажа комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь», а этот персонаж (изображенный в логотипе журнала), в свою очередь, основан на одноименной древнегерманской мифологии.

19 АВГУСТА, понедельник

Объединение вооруженных сил

Совет народных комиссаров принял декрет об объединении всех вооруженных сил Республики в ведении Народного комиссариата по военным делам. Декрет состоит из 9 пунктов. В пункте 1 указывается: «Все вооруженные силы Республики, сформированные как Народным Комиссариатом по Военным Делах, так и другими Народными Комиссариатами, а именно: Народным Комиссариатом Путей Сообщения (охрана путей сообщения), Народным Комиссариатом Торговли и Промышленности (пограничная охрана), Высшим Советом Народного Хозяйства (судходная охрана Главного Управления Водного Транспорта, переданная в ведение Народного Комиссариата по Внутренним Делах) и Народным Комиссариатом Продовольствия (реквизиционно-продовольственные отряды), переходят в ведение Народного Комиссариата по Военным Делах в отношениях: укомплектования, устройства, обучения, вооружения, снабжения, боевой подготовки и использования как военной силы. Руководство же вооруженными силами специального назначения, при выполнении ими задач по их специальности, осуществляется на основании директив, инструкций и приказов, издаваемых соответственными Народными Комиссариатами».

Распубликован Декрет в № 180 «Известий Всероссийского Центрального исполнительного комитета советов» от 22 августа 1918 г.

30 АВГУСТА, пятница

Покушение на большевистских лидеров

В Москве после митинга на заводе Михельсона тяжело ранен В. И. Ленин. По официальной версии покушение совершено эсеркой Ф. Е. Каплан. В этот же день в Петрограде эсером Л. И. Каннегисером убит председатель петроградской ЧК Моисей Соломонович Урицкий.

30 АВГУСТА, пятница

Заговор Локкарта

ВЧК провела операцию под названием «раскрытие заговора Локкарта» (или «заговор трех послов»). Организован в Петрограде представителями: Великобритании (Р. Б. Локкарт, организатор), Франции (Ж. Нуланс) и США (Д. Фрэнсис) в контакте с антибольшевистским подпольем с целью свержения советской власти.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г.

ISSN 2311-5998

Свободная цена.

Подписка на журнал возможна с любого месяца.
Распространяется через объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписной индекс — 40650.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка
на «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» обязательна.
Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.
Ответственность за достоверность информации в рекламных объявлениях несут рекламодатели.

Редактор *Л. А. Мункуева*.
Корректор *А. Б. Рыбакова*.
Компьютерная верстка *Д. А. Беляков*.

Отпечатано в типографии Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ISSN 2311-5998

9 772311 599771 >